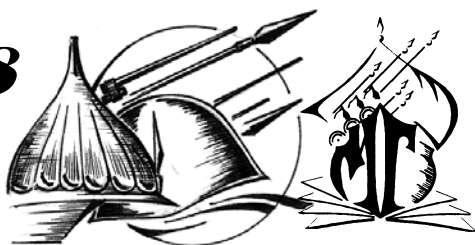

Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2013

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь РОМАНОВ. Мультикультурализм по-русски	3
Александр КАЛИНИН. «Пятнистая» страна	12
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	66
Елена ТИМОШИНА. Защита «прав детей» или уничтожение семьи?	121
Всеволод ТРОИЦКИЙ. Русофобский экстремизм от Министерства образования	131
Игорь ФРОЯНОВ. Нужна новая борьба с космополитизмом	170
Эмма МЕНЬШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни. Продолжение	175

ПРОЗА

Валерий БЕРЕСНЕВ. Белый царь. Повесть	18
Юрий ПАХОМОВ. Штурман и Светка. Рассказ	148
Сергей ЛУЦКИЙ. Как-то после бани. Рассказ	211
Антон ЛУКИН. Короткие рассказы	219

ПОЭЗИЯ

Владимир ШУВАЕВ. Меня флаги на ветру. Стихи	110
Раиса РОМАНОВА. За русской мглой. Стихи	116
Ольга ДЬЯКОВА. Слушать небес голоса... Стихи	162
Михаил ЛОКОЩЕНКО. Билет в один конец. Стихи	165

ДОСЬЕ «МГ»

Ирина БЕРГСЕТ. Закат ювенальной политики в Европе	200
Алексей ВОЛОДИН. Сколько нам должны прибалтийские республики	205

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Ирина МЕДВЕДЕВА, Татьяна ШИШОВА. Читайте Хаксли!	233
---	-----

СИМВОЛ ВЕРЫ

Николай КОНЯЕВ. Дивеевская тайна	251
---	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Елена БЕЛОЗЁРОВА. Мужество как символ времени	272
--	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Иван ПОДСВИРОВ. Дорога к синим скалам	279
Вадим АРЕФЬЕВ. Памятное	283

Игорь РОМАНОВ,
доктор социологических наук

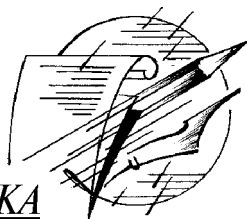
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ ПО-РОССИЙСКИ

1

Усиливающийся приток иммигрантов в российские регионы несет большие угрозы национальной безопасности страны. Засилье иностранцев, не признающих русскую культуру и язык, грозит потерей Россией собственной социокультурной идентичности. Сохранение сегодняшних тенденций в миграционной сфере вообще, на мой взгляд, может привести к потере России как государства русского народа.

Всё чаще СМИ сообщают о случаях межнациональных конфликтов, спровоцированных слабо контролируемой миграцией. Причина, как правило, в том, что люди с иной культурой, порой противоречащей нашим устоявшимся традициям, довольно агрессивно входят в принимающий их социум.

В подавляющем большинстве мигранты не признают русскую культуру, отказываются изучать русский язык. Введенное с 1 декабря 2012 года требование сдавать экзамены по русскому языку выходцы из других государств в основном проигнорировали. Об этом с недоумением сообщают даже либеральные СМИ. Кроме того, попытки обязать мигрантов сдавать экзамены

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ны на знание русского языка были встречены весьма негативно со стороны лидеров национальных диаспор. «Пока создается впечатление, что закон был нужен только для еще одного вида поборов с приезжих. Из обращающихся к нам соотечественников никто не собирается сдавать экзамен» — это высказывание главы ассоциации «Таджикские трудовые мигранты» Каромата Шарипова вполне отражает позицию руководства национальных диаспор в России, где не видят большой потребности в знании русского языка.

Мультикультурализм, который сегодня навязывают нам либералы, является придуманной конструкцией, скорее способствующей дестабилизации этнокультурных отношений внутри государства. Однако от развернутой несколько лет назад ангажированными экспертами дискуссии по проблемам встраивания мигрантов в российское общество давно произошел переход к практической стороне реализации теории «мультикультулы».

Еще в 2010 году в рамках ФМС России было создано Управление содействия интеграции. Но о какой интеграции может идти речь при существующем сегодня отношении к государствообразующему народу России? На фоне вымирания русских ФМС способствует интеграции мигрантов. И складывается иногда впечатление, что, по сути, либеральные «эксперты» сегодня ведут работу по «замещению населения» России... В этой связи представляются весьма сомнительными консультации нашей миграционной службы с такими западными либеральными структурами, как Human Rights Watch, МОМ (Международная организация по миграции), уверенно отрабатывающими заказ представителей мирового капитала. Довольно показательным в плане выбранного ФМС России вектора в миграционной политике является состав научного совета службы. Сюда в подавляющем большинстве входят эксперты, известные своими отнюдь не государственническими, а либеральными позициями в сфере регулирования миграционных процессов.

Обширная сеть, представленная либералами в экспертном сообществе, как правило, питается зарубежными грантами. Множество кандидатов и докторов наук, членкоры и даже академиком благодаря своим званиям формируют на иностранных средства ложное, но очень авторитетное мнение о спасительной роли миграции для России.

Причем, это подается как аксиома, как уже свершившийся, пройденный этап. Самое важное на сегодня в российской миграционной политике, по мнению прозападных экспертов, — это адаптация и интеграция мигрантов. И главным

условием успеха этих процессов либералы объявляют толерантность со стороны коренного населения. За выполнением этого условия следит множество зарубежных правозащитных организаций, наподобие МОТ, МОМ, ЕСПЧ и других. Хотя в реальности поток критики и замечаний в адрес руководства России в связи с якобы существующими нарушениями прав мигрантов в стране направлен лишь на то, чтобы поставить нас в положение виноватых.

Для продвижения своих проектов мировой капитал содержит огромную армию правозащитников, для научного обоснования своих действий — армию «экспертов», а для проведения выгодных государственных решений — армию «чиновников». Об этом много написано учеными и публицистами.

Как устанавливается новый мировой порядок, мы уже видели на примере разрушения государств, богатых полезными ископаемыми, — Ирака, Ливии, Египта и вот теперь Сирии.

Однако главным раздражителем для тех, кто стремится к мировому господству, является Россия, сохранившая свой православный фундамент и обладающая огромными природными и геополитическими возможностями. Основной носитель православных ценностей и государствообразующая основа нашей страны — русский народ. Именно против него направлены сегодня усилия «мирового сообщества». И огромную роль в этом призвана сыграть глобальная миграционная политика. Группы мигрантов используются распорядителями мирового капитала многофункционально. По всей видимости, в первую очередь они призваны обеспечить растущую мощь сырьевой экономики в стране. Одновременно с этим мигрантов, как видим, направляют на то, чтобы взорвать изнутри российское общество, в той или иной степени еще сохраняющее свою культуру и традиции.

Надо заметить, что анализ этих вопросов лежит в сфере социологии. Именно знание закономерностей поведения и развития различных социальных групп, а также владение приемами прикладной социологии, позволяют сегодня эффективно манипулировать не только миграционными потоками, но и огромными социальными общностями и даже целыми народами. Поэтому сегодня государству так необходимо максимально использовать потенциал отечественной социологии в вопросах управления обществом и в миграционной политике.

Следует признать, что сегодня миграционная политика в России строится по западным технологиям, вполне соответствующим интересам сил, ориентированных на материаль-

---

ное благополучие и мировое господство. Об этом свидетельствуют не только ряд положений Концепции миграционной политики России до 2025 года, где мигранты также рассматриваются как экономический и демографический ресурс, но и целый пакет нормативных правовых актов, направленных на регулирование миграционных процессов. Исследователи указывают, что переломный момент произошел в 2006 году, когда были внесены поправки в федеральные законы «О миграционном учёте иностранных граждан» и «О правовом положении иностранных граждан в РФ». С этого периода прибывшим в Россию мигрантам уже не требовалось лично присутствовать в органах миграционного контроля для постановки на учет. Теперь им разрешалось почтой извещать миграционную службу о месте своего пребывания в России. Безусловно, возможности притока иностранцев в нашу страну расширились, а государственный контроль над миграционными процессами существенно снизился.

В последнее время все более распространенной технологией в проведении либеральных идей в миграционной политике становится так называемое «смещение целей» и «наполнение понятий иным содержанием». Так, вполне благое намерение упростить порядок предоставления гражданства России для русских за рубежом, сегодня стремительно направляется на создание благоприятных условий для притока в страну все тех же трудовых мигрантов из СНГ. Недавно председатель комитета Госдумы по делам национальностей Гаджимет Сафаралиев заявил, что считает упрощенную схему получения гражданства необходимой не только для родившихся в РСФСР, но и для бывших граждан СССР, которые видят себя частью русской культуры. Однако насколько справедливо наделять гражданством России коренного жителя Узбекистана или Киргизии лишь за то, что он называет себя частью русской культуры и хотел бы приехать на заработки в нашу страну? Ведь мало заявлять о своей принадлежности к русской культуре и, может быть, по учебникам знать о ней. Нужно самому являться ее носителем, жить в соответствии с традициями русского народа, естественно, в совершенстве владеть русским языком.

В связи с попытками упростить схему получения российского гражданства возобновилась дискуссия о понятии «соотечественники за рубежом». И здесь так же, как и в приведенном выше примере, либералы стремятся сместить цели и наполнить понятие другим содержанием, распространив его на всех лиц, родственники которых когда-то состояли в гражданстве СССР. И таким образом опять создаются выгодные

условия для массового притока дешевой рабочей силы из стран постсоветского пространства. Причем, если понятие «соотечественники за рубежом» будет пересмотрено в таком ключе, то в соответствии с Государственной программой переселения соотечественников, тысячи лиц, не имеющих никакого отношения к русской культуре, поедут в Россию не только с возможностью быстро обрести российское гражданство, но еще и получив приличные «подъемные». Также и в отношении необходимого, но пока только проектируемого закона о репатриации. Либералы, раньше не поддерживавшие этот закон, теперь поддерживают его. При этом, предлагая распространить закон о репатриации на всех, кто жил в СССР и после распада оказался за рубежом.

В реальности принятие этого закона необходимо России, чтобы собрать разбросанных по всему свету русских. А русский — это в первую очередь человек православной веры, носитель русской культуры и языка.

Сегодня мы видим, что попытки превратить Россию в аморфное «мультикультурное» пространство на практике оказываются разрушительными для русского народа, составляющего более 80% населения страны. На этом фоне стали слишком заметны лживость и материальная заинтересованность всего «либерального лобби». Давно пора провести глубокий кадровый и функциональный аудит всех органов государственной власти, занимающихся миграционной политикой в России.

2

Глава ФМС Константин Ромодановский считает, что миграция нам — друг, товарищ и брат. В некоторых случаях с ней надо обходиться поостороже, но запрещать не следует. Также не стоит вводить визовый режим со странами, из которых приезжают трудовые мигранты: им это будет неудобно, да и нам не с руки по нескольким причинам. Собственное развернутое видение миграционных процессов, происходящих в стране, Ромодановский изложил в интервью агентству Интерфакс.

Служба, кстати, получила ранг министерства, а ее руководитель — соответственно статус министра. Что за этим последует в организационном плане?

«У нас появятся департаменты, — отвечает Ромодановский. — Но для государства мы дороже не станем. Численность увеличена не будет, и дополнительное финансирование мы не просили. В принципе, ФМС уже с 2006 года выполняет функции министерства, самостоятельно разрабаты-

---

вая и внося в правительство Российской Федерации проекты нормативных правовых актов. С 2012 года ФМС участвует в выработке миграционной политики».

Общий настрой нового министра — ужесточение ответственности для нелегалов, которые создают дискомфорт российским гражданам. «Они не платят налоги, живут в лачугах, болтаются без дела по улицам, создают проблемы для жителей, особенно в мегаполисах. Пора этому положить конец», — говорит Ромодановский.

Пора, ох пора! Всякий раз об этом думаешь, выходя на улицу и встречая сплошной поток парней и мужчин трудоспособного возраста азиатской наружности. Но как это сделать? Что-то не видно, чтобы их пребыванием в городе кто-то интересовался. Да и они, похоже, не очень обеспокоены гипотетической возможностью высылки из страны, держатся вполне себе уверенно. И это несмотря на то, что, как говорит министр: «Недавно ужесточена уголовная ответственность для приглашающей стороны за нарушение законодательства. Еще один момент: теперь иностранным гражданам, которые находятся в России более 120 суток, но не встали на учет в ФМС, не получили разрешение на работу или патент, будет закрыт въезд в нашу страну на три года с момента выезда».

Напомним, недавно много писали о том, что нарушители научились выходить из этой ситуации: получают на родине новые документы с измененными личными данными и приезжают опять. Правда, теперь за это их обещают сажать, но пока ни один такой судебный процесс не освещался в прессе. Константин Ромодановский обещает, что мы увидим работу этого закона в ближайшее время. Посмотрим.

Обрисовал он, и как выглядит типичный нарушитель: это молодой человек, не знающий русского языка и профессионально не подготовленный. Как раз гости такого типа и раздражают население больше всего. Министр оговорился, что претензии населения ему понятны и он их разделяет. Хорошо, если это действительно так, а не просто фигура речи.

Но на этом совпадение точек зрения заканчивается. Уже в вопросе визового режима Константин Олегович не поддержал корреспондента издания. Он считает, что для контроля мигрантов визы не нужны: чтобы выявить нарушителей, по его словам, вполне достаточно информационной системы ФМС, в которой всё про всех записано.

Для Ромодановского визы сейчас — очень несвоевременный вопрос. «Мы строим Единое экономическое простран-

---

ство. Расширяется экономическое взаимодействие. Создавать барьеры не совсем логично и рентабельно, — считает Ромодановский. — Безвизовый режим — важнейший инструмент российского геополитического влияния на постсоветском пространстве. Визы создадут проблемы добропорядочным гражданам, а не преступникам. Многие граждане стран бывшего СССР связаны с Россией кровными узами, в России учились, служили, работали».

Последний аргумент приводится противниками виз постоянно, несмотря на то, что пошел уже третий десяток лет, как нет СССР, и связи с течением времени должны бы сильно ослабеть. Интересно, сколько еще он будет действовать как повод откреститься от виз?

А вот о том, что безвизовый режим стал пряником, с помощью которого мы удерживаем в орбите своего влияния постсоветские страны, из уст столь высокого чиновника слышать приходится впервые. Но всегда ли это верно? Основные потоки гастарбайтеров идут к нам из Узбекистана, Таджикистана и Украины, однако считать, что Украина сильно подвержена нашему влиянию из-за отсутствия виз, не приходится. Более того, много говорится о том, что изложенная в президентском послании идея начиная с 2015 года пускать в Россию только по загранпаспортам еще больше оттолкнет от нас братские республики. Таджикистан-то, понятное дело, не обидится: раздаст всем загранпаспорта, и все дела...

«Теплее» становится тогда, когда речь заходит о демографической ситуации. Министр отмечает, что с 1992 года наблюдается сокращение численности населения России. Общая численность учтенного, постоянно проживающего на территории страны населения составила на 1 января 2012 года 143,056 млн. человек. По информации Росстата, на октябрь 2012 года миграционный прирост компенсировал естественную убыль населения на 99,7%. Вот и ответ: мигранты восполняют убыль населения. И дальше будут восполнять.

По умеренному прогнозу Росстата, численность населения России к 2030 году сократится до 139,3 млн. человек. «Руководством страны поставлена задача обеспечить миграционный приток в Россию на уровне около 300 000 человек в год, в том числе за счет привлечения на постоянное жительство в Россию соотечественников из ближнего и дальнего зарубежья, квалифицированных иностранных специалистов и перспективной молодежи», — говорит Ромодановский.

Все встало на свои места. Задача поставлена, и общественность может сколько угодно выражать недовольство наплы-

---

вом мигрантов. Никого это не интересует. И в ближайшие десятилетия такая политика сохранится. Кто не хочет рожать своих детей, будет наблюдать, как на улицах режутся чужие.

«Даже если благодаря повышению рождаемости удастся стабилизировать и увеличить численность населения, в ближайшие 15—20 лет единственным источником пополнения трудовых ресурсов будет являться международная миграция», — уверен Ромодановский и добавляет, что компенсировать потребности в трудовом населении за счет отечественных трудовых ресурсов не получится.

Таким образом, миграция дает нам не только рабочую силу, но и прирост населения. Полезное, выходит, во всех отношениях явление. О ее минусах, которые известны не менее хорошо, министр, впрочем, умалчивает.

Корреспондент прибегает к последнему аргументу: не является ли безвизовый режим с соседями причиной того, что Европа отгородилась визами от России и не хочет их отменить? Нет, уверен Константин Олегович, ошивающиеся у нас мигранты не смогут поехать в Европу по своим национальным паспортам, если та отменит визы для России, — только россияне.

По национальным — конечно, нет. Но ведь они стремятся к российскому гражданству! А получив его, несомненно, воспользуются такой возможностью, если она появится. Какая им разница, где улицы подметать — в Москве или Париже? Никакой. Но в Париже за это больше платят. Вот и не спешит, предвидя это, уютная и богатая старушка-Европа открывать ворота перед кочующими дворниками, следующими транзитом через Россию. А из-за них и россияне вынуждены без конца подавать документы на недешевые «шенгены», отстегивая за них свои кровные.

Так, ну а сколько у нас и кого? Министр приводит цифры. «В России в настоящее время находятся немногим более 2 млн. граждан Узбекистана. Почти 760 000 из них имеют разрешения на работу или патенты. Еще 885 000 граждан Узбекистана при въезде или постановке на миграционный учет в качестве цели указали работу в России, но не оформили разрешения или патент. Полагаем, что они работают незаконно. В России находятся более 1 млн. граждан Таджикистана, разрешения на работу и патенты есть у 271 500. В группе риска — 397 000. Оставшиеся 330 000 пребывают до 90 суток. Пока они — не нарушители. Из Украины к нам приехали свыше 1,3 млн. граждан Украины. У 109 000 есть разрешения на работу. 551 000 граждан Украины — в группе риска».

ФМС, рассказал Ромодановский, разработала законопроект для регулирования миграции, контроля над ней и вывода из тени их доходов. Законопроектом предусмотрено присвоение ИНН иностранным гражданам и лицам без гражданства, обратившимся в ФМС за получением разрешения на работу и патента. Наличие ИНН позволит идентифицировать платежи при оплате госпошлины за предоставление госуслуг, платежи по налогу на доходы физических лиц, которые делают иностранцы. Сейчас законопроект находится на рассмотрении в правительстве.

Константин Ромодановский также выступил против возвращения в паспорт графы о гражданстве. «А что это даст? Кому и зачем это нужно? Россия — единая многонациональная страна, и каждый ее гражданин — россиянин. Не надо доходить до безумия», — резюмирует он.

Зато привычный бумажный паспорт скоро может быть заменен пластиковой картой. Сейчас создана межведомственная рабочая группа, которая занимается ее разработкой. Она определит параметры, которые должны быть на ней записаны, а затем будет написан законопроект по срокам перехода на электронный паспорт. Их начнут выдавать с 2015 года.

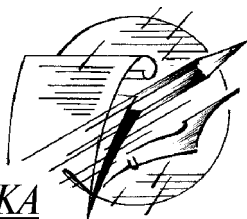
Интересно, как полиция станет проверять их на улицах?

«ПЯТНИСТАЯ» СТРАНА

Проект создания на территории России двадцати агломераций уже почти готов для реализации на практике. В политическом словаре появились даже такие термины, как «пятнистая Россия» и «пустылище пространства».

В один день в моей жизни сошлись два события. Утром пришло письмо от старого знакомого Павла Дмитриева, главы Красноуральского сельсовета Курганской области, а вечером случился сосудистый криз у моей матери, который чуть не свел ее в могилу.

Павел Дмитриев писал, что зарплату муниципальным работникам и оплату коммунальных услуг курганские власти переложили со своих плеч на плечи самого сельсовета, а это ровно половина бюджета сельского поселения, и выполнять в этих условиях обязанности, определенные федеральным законом «Об общих принципах местного самоуправления», стало невозможно. Оттого многие главы поселений, говорилось в письме, вынуждены снимать с себя полномочия. А надо бы наоборот бюджеты-то увеличивать. Да выделить каждому сельскому поселению по колесному трактору с

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

прицепом, чтобы можно было оказывать населению транспортные услуги, помогать малому бизнесу. Кроме того, ввести в штаты местных органов власти должности тракториста и электрика. Пусть хотя бы по одному на несколько поселений. Но вместо этого идет сокращение дотаций, в верхах опять заговорили об укрупнении, а это приведет лишь к дальнейшему оттоку населения и вымиранию последних оставшихся деревень, к обезлюдиванию территории.

Это утром. А вечером «скорая помощь», вызванная по случаю сосудистого криза престарелого человека, пришла некомплектованной ни персоналом, ни лекарствами. Лекарств не хватает, устало объясняла доктор, а врачи частью уволились, частью болеют, а иные и умерли, потому что медикам некогда заняться собственным здоровьем. По всему выходило, что должную профессиональную помощь больному оказать невозможно, но и в больницу его нельзя забрать, потому как все они переполнены. «Население в Москве увеличилось, а больничные площади остались прежними, — сетовала она. — Инсультников и инфарктников ложить некуда».

Эти два события, вроде бы никак друг с другом не связанные, вдруг завязались в тугой узел, когда я наложил их на кальку стратегии географического переустройства России, которая не только давно уже разработана в недрах правительственных кабинетов, но и подготовлена к реализации на практике.

Идея эта не нова. Еще в бытность министром экономического развития Эльвиры Набиуллиной из ее уст прозвучала мысль, что многие малые города не жизнеспособны в силу их низкой конкурентоспособности по сравнению с мегаполисами, и в ближайшие 20 лет их покинут почти 20 миллионов жителей, а все население сосредоточится вокруг двух-трех десятков агломераций с населением миллион и более человек.

Потом об этом говорить перестали. Но от проекта, как выясняется, не отказались. Его лишь на время вывели из сферы влияния общественности. Называется это теперь так — ускоренное сжатие обжитого пространства. Стратегия эта не только имеет научное обоснование, но и стоит на твердом политическом фундаменте.

Согласно этой стратегической задаче вымирание села и малых городов отнюдь не представляет собой опасность. Наступление же «дикого поля» на обжитое пространство — не угроза, а одно из условий дальнейшего развития страны, под которое будет адаптироваться вся политика. В словаре наших стратегов появились даже такие дикие, на взгляд непосвященного человека, термины, как «пятнистая Россия» и

«пустилище пространства». Всякая же попытка остановить вымирание русской провинции, говорят авторы стратегии, входит в острое противоречие со стимулирующей политикой Москвы. Провинция федеральной властью рассматривается сугубо как инкубатор. Ей позволено лишь воспроизводить человеческий капитал, а затем, привив этой людской массе мобильность, передвигать ее в сферу влияния крупных мегаполисов. Причем, расти будут только шесть городских агломераций: Московская, Петербургская, Новосибирская, Нижегородская, Екатеринбургская и Самара—Тольятти. Как видим, в основном европейская часть России.

По прогнозам, больше половины всего населения страны к 2025 году будут вращаться в орбитах крупных городов. Уже более 31 процента россиян живет сегодня в мегаполисах. Треть — в селах, поселках и малых городах.

«За период между переписями населения 2002 и 2010 годов с карты страны исчезло 8,5 тысячи сел, а число необитаемых сельских населенных пунктов возросло с 13,1 до 19,4 тысячи. В настоящее время каждое третье село насчитывает менее 10 жителей. В местах, где существуют эти поселения, сельскохозяйственная функция уже практически невозможна, — говорит профессор, доктор географических наук, директор региональной программы Независимого института социальной политики Наталья Зубаревич. — И региональная политика, какой бы она ни была, играет лишь второстепенную роль. Да, можно смягчить негативные тренды, но переменить их нельзя: агломерации будут стягиваться, остальное пространство — пустеть».

О том, что идея эта уже входит в практическую плоскость, говорят следующие факты. Иркутские власти в сентябре прошлого года заявили о намерении вернуться к идее агломерации «Большой Иркутск», в состав которого войдут Ангарск, Шелехов и другие поселения. В августе обсуждался проект «Агломерация Челябинск—Екатеринбург». В октябре глава Красноярска сообщил о развитии проекта «Большой Красноярск», в который будут включены все населенные пункты в радиусе 100—150 километров. Москва первой расширила свои границы.

За рубежом, кстати, идут такие же процессы, но они организованы иначе. Муниципалитеты контролируют их сами. В агломерации Нью-Йорка между собой договариваются более 2000 муниципальных образований, причем каждая на своей территории сохраняет широкий набор независимых функций. Во Франции шестнадцать агломераций управляют своей территорией независимо друг от друга, однако обя-

---

заны создать еще один — надмуниципальный уровень управления и передать туда общие полномочия по развитию этих агломераций. Закон о государственно-муниципальном управлении Большого Парижа предполагает, что на одной территории делятся функции между органами муниципального управления и органами государственного управления. В канадскую договорную систему агломераций входят все муниципалитеты на прозрачных и конкретных контрактах: фиксируется, кто что вносит и кто что получает от такого сотрудничества. Такая система возникла после того, как разоренный муниципалитетами Торонто двадцать лет назад стремительно опустился с 1-го на 17-е место среди городов Канады по качеству жизни.

В России же по-прежнему больше внимания уделяется модели создания административных округов, причем делается всё без привлечения общественности, привычными административными методами, силами чиновников.

Массовое закрытие школ, больниц, укрупнение не только сельских поселений, но и муниципальных образований, вывод из райцентров без их согласия и даже уведомления военкоматов, полиции, почты, налоговой и дорожной служб, других жизненно важных подразделений, формирование межмуниципальных управленческих структур, независимых от самих структур. Все это, оказывается, звенья одной цепи. Не злой умысел, а спланированная операция. Расширение территории Москвы — лишь первый шаг к намеченной цели.

Если взглянуть на это переустройство с позиции чиновничества, то для центра такое переустройство представляет огромную выгоду. Зачем строить на периферии дороги, тянуть в глубинку электрические и газовые линии, поддерживать там социалку? Не выживет провинция, обойдемся и без нее. Зато какой груз сваливается с федерального бюджета. Не надо компенсировать траты на организацию местных автомобильных и железнодорожных пассажирских перевозок, развивать авиационное сообщение.

Логика чиновников такая — если Россия в целом не может быть конкурентоспособна на мировом рынке, то попробуем сделать конкурентными хотя бы Большую Москву или Большой Петербург. Вся остальная территория по мере доступности должна стать лишь питательной средой для развития и поддержания таких мегаполисов.

Чем это обернется для остальной территории, которая окажется вне зоны влияния агломераций? Что будет с так называемым «пустышем пространства»? Кто и как станет в нем хозяйствовать?

А кто будет, тот и пусть хозяйничает. Так что Красноуральское поселение Курганской области, за жизнеобеспечение которого сегодня так ратует мой приятель Павел Дмитриев, и без того обескровленное закрытием школ, больниц, детских домов, до конца обезлюдует и скорее всего прекратит свое существование. И тогда не надо будет искать колесный трактор с прицепом и набором сельхозорудий и выбивать ставки тракториста и электрика, чтобы помогать личным подсобным хозяйствам и оказывать транспортные услуги населению. Не надо чистить дороги от снежных заносов, потому что ездить по ним будет некому и не к кому. Тем более газифицировать редкие деревни, в которых останутся жить по нескольку семей. Хотя, если разобраться, то каждый человек, где бы он ни жил — в процветающем городе Перми или умирающей деревне Загибовка, — имеет право на формирование своего жизненного пространства. Причем формироваться это пространство должно не столько самим человеком, сколько государством, и включать в себя весь набор необходимых для современной жизни условий.

Похоже, русскую глубинку все же оставят без дорог, газа, воды, транспортного сообщения, больниц и школ. С печным отоплением и дощатым туалетом-скворечником во дворе дома.

А что будет с Питером, Красноярском, Екатеринбургом, Самарой? Судя по тому, что происходит с увеличенной Москвой, жизнь населения в мегаполисах тоже не улучшится. Произойдет то, что уже происходит в столице. Население стремительно растет. Социальное обеспечение и инженерная инфраструктура не успевают за этим ростом. Отсюда переполненные школьные классы, очереди в детские сады и на прием к специалистам в поликлиниках, переполненные больницы, многокилометровые автомобильные пробки и битком набитые пассажирами вагоны общественного транспорта.

Так что «пятнистой» станет жизнь не только для жителей Углича, Козельска или Изборска, но и Владивостока, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону. И «пустующее пространство» — это не какая-нибудь умирающая деревня Гадюкино Тьмутараканьской волости, а большинство из нас, доходы которых не позволяют нанять семейного врача или учителя, оплатить лечение или вызов «скорой помощи», расплатиться за коммунальные услуги и оплатить налоги.

Впрочем, это признают и сами разработчики стратегии нового переустройства России. «Самый тяжелый вопрос: как будут взаимодействовать три игрока — власть, бизнес и на-

---

селение? Нельзя сохранять систему расселения за счет издержек бизнеса, нельзя переселять население против его воли, нельзя давать власти все полномочия, мало не покажется никому, — предупреждает Наталья Зубаревич. — Пока же алгоритмы взаимодействия не отработаны, поэтому трансформация пространства идет долго и больно для населения».

Основной вызов, говорят ученые, в том, что эти новые процессы требуют и новой системы управления. А если не будет перехода от закостенелой административно-территориальной системы к гораздо более гибкой публичной, с развитой многофункциональной системой местного самоуправления, с ресурсами на местном уровне, то такая система будет очень неустойчива.

Не потому ли нас и качает из стороны в сторону уже не первый десяток лет? А в перспективе может ждать насильственное переселение, необоснованное включение малых городов в состав более крупных с последующим удорожанием услуг и продуктов, ухудшением качества жизни.

Не исключены и межсубъектные споры за населенные пункты, подобные спорам за учеников, когда школы перевели на подушевое финансирование.

На языке чиновника, кстати, все это называется не агломерационным переустройством, не реформой управления, а привычным словом «оптимизация». Со всеми вытекающими отсюда небезызвестными последствиями.

БЕЛЫЙ ЦАРЬ

ПОВЕСТЬ

«Beltazar ward in selbiger Nacht Von seinen kneichen ungebracht» («Белый царь был в эту ночь убит своими подданными») — искаженная цитата из Гейне, найденная на стене в подвале Ипатьевского дома после расстрела Николая Романова и его семьи.

Старец называл себя бродягой и говорил, что картины свои купил у какого-то князя Волконского.
(Из народных сказов о святом праведном Феодоре Томском)

1

В Зимнем дворце Николай не был уже несколько месяцев, да и теперь визит его сюда окутали такой бережной тайной, такими теплыми внимательными руками собирали его в дорогу, как будто он был не великий государь, а несмышленный ребенок, которого заботливые няньки ведут гулять в непогоду.

Петербург в ноябре 1905 года был и хмур, и неприветлив, и чреват наводнениями, но не это, конечно же, пугало государевых слуг, а стихия

ПРОЗА

совсем другого рода. Так и слышалось, как по пустым холмным улицам несется ему вдогонку раскатистая ревушая волна: р-р-равенство, р-р-революция! р-р-республика! И, предчувствуя спиной этот смертоносный вал, Николай ощущал себя уже не грозным царем и самодержцем, не Медным всадником, а, напротив, — пушкинским маленьким Евгением, напрасно ищущим укрытия. Бунтовал Кронштадт, бастовали чиновники почтово-телеграфной линии, газеты публиковали на него карикатуры, где он, в ржавой короне, съехавшей на ухо, на белом коне переплывал через моря крови, и не видно было спасительного берега, и отчаявшийся Трепов, ладивший ему переправу, приказывал «патронов не жалеть». И на этом фоне каким-то вызывающим диссонансом продолжалась петербургская светская жизнь: театры были переполнены культурной публикой, праздновавшей неслыханную свободу и весело метившей в поверженный «деспотизм» пробками от шампанского, а ему хотелось только одного: быть подальше от этого грома и сверкания и поближе к Царскому селу, к детям и милой Аликс. Поэтому через свою столицу он проехал, как через захваченный неприятелем город, и вздохнул с облегчением лишь тогда, когда его автомобиль, прошептав резиной по безлюдью Дворцовой площади, оказался под домашней сенью грустного ангела, смотревшего на дворец с высоты своего поднебесного столпа.

В дворцовых покоях сразу же окружили Николая успокоительная тишина и услужливость, шаркающие шаги, вкрадчивые голоса. Три века, как три кита, поддерживали здесь его накренившийся трон. Между прочими подошел к нему и любезнейший Иван Александрович Всеволожский, директор Эрмитажа, отчитался о сохранности коллекций в это беспокойное время, а заодно упомянул и об интересной находке, сделанной накануне на дворцовом чердаке. Вот ведь нечаянное чудо: под грудой старых досок и тряпья рабочие обнаружили портрет столетней давности, а с него глянул — в полном блеске мундира и эполет — генерал-майор, князь Сергей Григорьевич Волконский. Тот самый — памятный многим герой 1812 года, а впоследствии бунтовщик, заговорщик и каторжник. Портрет его, по словам Ивана Александровича, был специально писан для военной галереи, но после известного декабрьского возмущения повелением нового императора сослан на чердак, а его «оригинал» низвергнут еще дальше — в сибирские рудники.

Принесли по распоряжению директора Эрмитажа и сам портрет. Николай взглянул мельком на очищенный от вековой пыли облик сумасбродного князя: высоко запрокинутая

голова, курчавые виски зачесаны вперед по моде того времени, выпуклые большие глаза смотрят изумленно и совсем не воинственно, во всей фигуре — бретерство и заносчивость гордеца, и в то же время — тщательно скрываемая неуверенность, мечтательность, почти детскость. Вот это сокровенное младенчество сердца, тихо мерцавшее сквозь парадный мундир, было ему близко, это он понимал.

Всеволожский замер в ожидании:

— Что прикажете делать, Ваше Величество? Вернуть портрет на чердак или же все-таки поместить обратно в галерею?

Николай молвил рассеянно, как само собой разумеющееся:

— Конечно же, поместите в галерею, ведь это было так давно.

И тотчас же перешел к другим делам.

А за окном серой мешковиной свешивался ноябрьский дождь, и в туман уходила Александровская колонна, поставленная как раз в память о том царствовании, частью которого был и этот мимоходом помилованный им декабрист.

Какое легкое и молодое было время, если судить по книгам! В русском обществе почему-то не принято было выделять эту эпоху среди прочих: все восхищались гением Петра или величием Екатерины, отдавали должное реформам и мужеству Александра Николаевича, его дедушки, а ему нравилось именно это позабытое царствование. И противник был ясен, и борьба с ним, хотя и протекала с переменным успехом, все же увенчалась славной победой и взятием Парижа. Да и придумать нельзя было ничего лучше, чем это соперничество Александра и Бонапарта: Белого ангела против Черного, веры против безверия, креста против гордыни, Божьей воли против кощунственного своеволия. Наследный русский царь и самозванный французский император рифмовались друг с другом, как антонимы, и так же перекликались своими вершинами колонны, поставленные в их честь: Вандомская — в Париже, Александровская — в Петербурге. С одной стороны — надменный Наполеон, с вызовом запрокинувший хищную голову в пустое французское небо, с другой — склонившийся в смирении ангел с чертами Александра. И какое небывалое чудо, что вопреки всем земным законам, победил последний, а не первый.

Хотя тоже, если вдуматься, все ушло в туман, в пороховую гарь на Сенатской площади. Вся слава царствования поблекла, когда закопошились наполеоны в собственном отечестве, подобрали брошенное якобинское знамя и обратили его про-

---

тив своего царя. И произошло это вскоре после кончины Александра Павловича, окутанной таким же недобрым ноябрьским туманом, как и нынешний Петербург: то ли умер государь в Таганроге 19 ноября 1825 года, то ли ушел, как до сих пор верят в народе, из провинциального дворца простым странником...

И кстати вспомнилось, как познакомился накануне в гостях с человеком Божиим Григорием, странником из Тобольской губернии, беседовал с ним о вере православной и о теперешнем упадке нравов, и поразился здравости и пронизательности его суждений. Григорий был ростом дюж, станом крепок, голосом громок и убедителен, верою напорист и несокрушим. И хотя годами был он еще молод, но по властительным повадкам и мудрости — подлинно старец, духовный советчик и утешитель. Да-да, именно такого настоящего мужика из Сибири, как оказалось, и ожидал вот уже много лет Николай к себе в Петербург!

С тех самых пор еще ожидал, как запал ему в детскую душу другой портрет, висевший в прежние спокойные времена в рабочем кабинете его отца. На нем тоже был изображен сибирский старец, только более пожилой, высокий, длиннородый, смотревший одновременно и грозно и ласково. Считалось, что этот таинственный старик покровительствует всему романовскому роду. Батюшка уважительно именовал старца — Федором Кузьмичом Томским, но Николай прекрасно знал семейную легенду, связанную с этим человеком: будто это и есть император Александр Благословенный, отрекшийся от престола, чтобы жить в уединении, и достигший в своих странствиях пределов Западной Сибири.

И опять — судьба Благословенного настойчиво рифмуется с судьбой коронованного корсиканца: тот угасал под арестом на острове Святой Елены, а Александр — молился о спасении в сибирской избушке, в добровольном изгнании. У первого — крошечное одиночество, у последнего — светлое уединение.

Да и он бы с легким сердцем отрекся, потому что нет большего счастья, чем жить частным человеком с любимой женой и детьми, отрянув у домашнего порога весь этот ничемный прах: газеты, общества, министерства, чины и саму империю.

А вдруг сам Федор Кузьмич в лице тобольского мужика пришел ему на помощь в это тяжкое время, когда самые верные — и те отступились? Ведь случилось ему быть на его могиле, когда возвращался он через Сибирь из своего юношеского восточного путешествия. Нашел тогда крохотную ча-

---

совенку, установленную над прахом Великого Благословенного старца на погосте томского Богородице-Алексиевского монастыря, долго стоял рядом и молился. А еще толковал ему что-то бурятский лекарь Бадмаев о переселении душ, о случайном переплетении людских судеб, смущал государя азиатской ересью. Так, может, старец Григорий — это и есть сам Федор Кузьмич, или же посланный от него? Но нет — прости, Господи, — впадает он в прелесть, да и не похожи они, если присмотреться здраво: у старца Федора Кузьмича борода белая, да и весь облик мягко светится, а у человека Божия Григория — черная.

И не спросишь совета у ангела, венчающего столп, — заволокло его влажной серостью, обезглавило туманом, так и стоит колонна посреди зловещей обезлюдившей площади: без осеняющего креста наверху, и даже императорские орлы в ее оgrade — и те без корон...

2

Вот уже несколько дней над Иркутском сияло классическое лазурное небо, как над какой-нибудь Италией. Старый князь Волконский по обыкновению ночевал в крошечной дворовой пристройке — сам дом после отъезда жены и детей стоял пустым, и в его многочисленных комнатах, переходах и лесенках одному было не по себе, а гостей звать было некого и неоткуда. Зато августовские вечера 1855 года выдались теплыми, и засыпать во дворе под стихающий шум провинциальных улиц, под тихое журчание звездных рек было приятно, как в юности. Утром князь выныривал из своих снов, как будто выходил из купальни, и все силился припомнить, что же такое замечательное и светлое ему сегодня снилось.

А снились все забытые и частью умершие люди: то матушка, то Лунин, то вертлявые парижские кокотки со стертыми от давности лицами, а то на днях вдруг приснился покойный государь Александр Павлович — как будто он князя в чем-то ласково укоряет, а князь уже и ответ ему приготовил, только вот ждет, когда государь свое слово скажет, не перебивать же его. Но как только государь умолк и посмотрел на него своими грустными синими глазами, в которых читались приязнь и улыбка, тут князь и проснулся с невысказанностью на устах. И больше с тех пор государя во сне не видел, а о чем тот толковал — забыл.

Грех, конечно, об этом даже думать, но, когда жена уехала к родственникам в Москву, он почувствовал себя счастливым. Не сразу, постепенно, спустя несколько недель и снов (особенно снов) возвращался он к себе прежнему, досибирс-

---

кому и даже, пожалуй, довоенному. Вспоминались ему леса с летними паутинками теплых дождей в их родовом имении и как он ребенком, оставаясь во время непогоды в доме, все мечтал о чем-то, вслушиваясь в шум дождевого прибора, и как писал украдкой французские стихи, да не вышло из него Пушкина, не дал Бог таланта. Помнит, что мечтал тогда о необычной жизни, и вот — Бог услышал его молитву и дал ему необычную жизнь — жизнь бунтовщика и прокаженно-го, жизнь сибирского отшельника и мужа знаменитой жены.

Героизм их ссылки быстро выветрился, если был когда-то вообще. Это только петербургские литераторы шушукались о них как о каких-то чудо-богатырях, а сам князь в героимученики никогда не рядился, полагая, что арест и Сибирь выпали ему в какой-то мере случайно, когда судьба перстами нового государя-императора играла в белые дворянские кости — кому царское прощение, а кому виселица или вечная каторга. Выпади ему тогда не каторга, а прощение — ни на минуту бы не задумался: служил бы до сих пор престолу верой и правдой — глядишь, и выслужил бы заново генеральскую пенсию и теплое местечко, кутал бы сейчас больные ноги пледом не в глухом северном городке, а у себя в имении. Героизм — это, скорее, по части Бестужевых и Муравьевых, да еще его супружницы Марьи Николаевны, которая, последовав за ним в Сибирь вопреки родительской воле, стала в глазах общественных чуть ли не святой женщиной, образцом христианских добродетелей, а его сделала заложником своей великой жертвы и постаментом для своего подвига. Сама же с годами относилась к нему с нарастающим пренебрежением и холодностью, потому как вместо «горячо обожаемого кумира Сергея» нашла здесь жалкого, стремительно стареющего и хворого человека, который даже карбонарием оказался неважнецким — ни бунта не возглавил, ни конституции не сочинил, ни первых ролей себе в заговоре не отвел. Говорят, был чуть ли не на побегушках у полковника Пестеля. Разве это прилично боевому генералу?

До ареста почитали князя живой иконой 12 года, и даже портрет с него был писан для знаменитой галереи в Зимнем дворце, а вот геройствовать он не любил: не по нему были эти мраморные жесты и звенящие вечной латынью фразы, как будто заранее рассчитанные на то, чтобы затвердеть в истории. И хотя после наполеоновских войн была у него вся грудь в орденах и золотая шпага за храбрость, и хотя приятно было сверкнуть их победным блеском в дамском обществе, больше любил он уединение, свои одинокие мысли во время прогулок по парку, какие-нибудь шемдящие воспоминания. Лю-

---

бил князь обычное человеческое тепло, домашнюю заботу близких, долгие чаепития в усадебном саду с пустяковыми разговорами, женским смехом и постукиванием чашек из маменькиного дворцового сервиза, и солнечные молнии на горячем боку самовара, принесенном слугой из кухни, и вечерний задумчивый пасьянс, и горькую духоту натопленного деревенского дома. В этом огромном доме, отстроенном еще при прадедушке, всегда было сумрачно и немного жутко, особенно в те дни, когда он был еще мальчиком и верил, что в темных, закрывающихся на зиму комнатах обитает по пыльным углам неряшливая нечистая сила, о которой, крестясь, рассказывали бабы в людской. Но кроме этой силы, которую каждый год выметали из-под шкафов вместе с сором и свалявшейся пылью, не было другого зла в мире, и стоял этот мир вокруг княжеской усадьбы как сверкающий эдемский сад, с пасхальными свечами красноватых сосен и алтарем дальнего леса, одетого то в серебряные ризы зимы, то в золотые оклады русской осени.

Но весь этот уютный, теплый, как домашний халат, мир он почему-то не наследовал от своих родителей. словно вошел в дом кто-то чужой, сдернул со стола скатерть-самобранку и смахнул в небытие все не разложенные еще пасьянсы, солнечный самовар, а заодно и самих хозяев. И замерз без родительского тепла его первенец Николенька, оставшийся после княжеского ареста с чужими няньками и воспитательницами в холодном Петербурге и почивший двух лет от роду. И самое горькое, что сотворил это не тот нечистый дух, которого князь чурался в детстве, а он сам, «наш герой Сергей», как называл его когда-то отец. Сам растоптал якобинскими сапогами маменькин фарфор, сам испоганил дом, сам бросил умирать своего маленького сына, и все за-ради звонкой идеи, доверчиво воспринятой им от Пестеля и его сладкогосых прапорщиков. И мнилось ему тогда, что он — аки древний Авраам, замахнувшийся ножом в сердце Исаака: ничего не пожалеет во имя Господне.

Часто думал потом князь о Николеньке, но ни с кем, даже с женой Марией Николаевной никогда не заговаривал о нем — просто молчаливо носил его в себе, как последний комочек домашнего тепла. Не получилось у них с княгиней создать в Сибири такой же теплый семейный дом, какой был у их родителей, и виной всему не только их гордые, как столичный гранит, характеры, но и проклятая тяга к театральности: ведь с самого первого мига свидания в сибирском остроге не бросилась Марья Николаевна мужу на шею, а неспешно опустилась на колени, чтобы поцеловать холодное бездушное же-

---

лезе его оков, а потом уже — его самого. Так и вся их супружеская жизнь прошла — в холоде и терпении. Потому и доживал князь свой век не в просторном дворянском доме, построенном для его семьи в Иркутске, а в дворовой избушке, как простой сибирский мужик; гулял по деревянному граду в долгополой крестьянской рубахе, любил возиться с землей, огородничал, ездил с крестьянами на ярмарку и лишь иногда зааживал в особняк к жене и детям, где на окнах висели пышные шторы, случались музыкальные вечера, балы и высокие гости. И как покоился Николенька на далеком петербургском кладбище среди незнакомых сановных покойников, Апраксиных, Голицыных и Салтыковых, где из всей родни можно было отыскать разве что прапрадеда Михайло Ломоносова, застывшего в мраморе своей ученой славы, так и покоилось сердце князя в сибирской пустыне среди чуждых ему Бестужевых, Поджо и Якубовичей. Холодно им было обоим и одиноко.

3

Незабвенный умер еще на исходе зимы, но до Иркутска весть донеслась лишь в апреле и не вызвала ровно никакого шума и переполоха. Первая капель, по-солдатски барабанившая в полдень с городских крыш, и то была звонче этой новости. Мужики-зазывалы на весенней ярмарке — и то были громче и навязчивее, чем это пробившееся сквозь российские снега и версты глухое известие, которое еще несколько лет назад, когда были живы многие «друзья» Николая по 14 декабря, прогремело бы божьим громом, а ныне прошло тихим ветром по домам оставшихся.

За многие годы чувство вражды к императору притупилось, а у некоторых сибирских изгнанников исчезло вовсе. Для них, заброшенных дальше, чем изнеженные греки представляли себе Гиперборею, этот всеильный деспот, тридцать лет гипнотизировавший страну своими немигающими глазами цвета серого армейского сукна и лихо танцевавший мазурку с первыми красавицами Петербурга, и без того умер очень давно. Он зримо существовал, пока работал Следственный комитет, пока дотошный Чернышев во время допроса мог неожиданно встать из-за стола, поправить мундир и без объяснений отлучиться в другую комнату, откуда уже спустя минуту слышался жесткий и требовательный голос государя. Некоторым он предпочитал являться лично: Рылеев рыдал у него на плече, Муравьев-Апостол опускал глаза под его свинцовым взором. Потом он вроде бы исчез из их жизни, но его присутствие продолжало живо ощущаться, пока на валу

сооружали виселицу и затягивали удавку на шее несостоявшихся русских Робеспьеров и Бонапартов, пока в сводчатых петропавловских катакомбах читали приговор и назначали сроки каторги. Еще несколько лет после этого он жил в их снах, в их невольной надежде на скорое помилование, и все это время как будто продолжал наблюдать за их исковерканной судьбой из соседней комнаты, пока, наконец, на шестой или седьмой год каторги, они в одночасье вдруг не почувствовали, что комната давно пуста. Умерла всякая надежда, а вместе с ней умер и сам государь.

Теперь же император действительно почил, а надежда все не воскресала. И когда в разгар сибирской весны в гостеприимном доме у Трубецких собрались несколько погасших стариков, чтобы помянуть своего палача, ни у кого не нашлось духу запустить камень вслед новопреставленному рабу Божию Николаю. Посидели, поговорили степенно о последних иркутских новостях и разошлись.

Звали на встречу и князя, да он не пошел, отговорился недомоганием, а сам заперся в своей избушке-келье и неожиданно для самого себя проплакал три дня кряду. Но слезы его тоже не были слезами надежды — он давно не заглядывал в будущее дальше осенней мужицкой ярмарки да хлопот по хозяйству. К своему удивлению, он плакал именно по Николаю, по его закованной в воинские доспехи тяжелой душе, которая прямо со столичного паркета оступилась во мглу, и теперь стремительно падает куда-то, роняя прежние власть и величие. «Вот ведь как оно перед Богом-то», — шептал сам себе князь, как только что открывшуюся истину.

Оказалось, что он ничего не забыл, и фигура Николая, высокая и величественная, и в то же время по-бабы округлая, с затянутой в полковничий мундир талией и вихляющими бедрами, вспоминалась ему как вчера виденная.

Для того, чтобы вместе с другими бунтовщиками ненавидеть Александра, требовалось некоторое усилие воли, самовнушение — все-таки непросто было разглядеть за этими мягкими задумчивыми чертами жестокого тирана и притеснителя, каковым его почитали Пестель и его товарищи. А для того, чтобы ненавидеть Николая, никакого усилия вообще не требовалось: весь облик этого самовлюбленного, ограниченного полковника был словно нарочно слеплен, чтобы вызвать отторжение во всяком образованном и тонко чувствующем человеке. Это был античный диктатор, казнивший философов, ссылавший праведников и продававший живые души в рабство, укрепивший в стране крепостное пра-

---

во и казарму. Таким он виделся просвещенному обществу. И взбунтоваться против такого — было делом чести.

Но именно Николай, оловянный солдат Николай, гневно сверкавший очами и безобразно кричавший на своих узников, задал когда-то князю пронзительный вопрос, на который он до сих пор не мог для себя ответить: «Ты понимаешь, что ты не только против меня, своего благодетеля, — ты против Бога пошел?»

Это случилось спустя неделю после ареста, когда его, еще не в кандалах, а при генеральском мундире и эполетах, доставили из Умани в Петербург и привезли прямо в Зимний дворец. Оглушенный дорогой и переменой собственной участи, князь безмолвно стоял навывтяжку перед беснующимся императором, который бегал по комнате и ругал его «набитым дураком», «злодеем» и «подлецом». И сиятельный генерал, еще вчера, в дороге мечтавший о том, что его гражданский подвиг благословят потомки, вдруг почувствовал себя ничтожной козявкой, прахом перед лицом ветра, камешком под царским сапогом, вздумавшим бунтовать против чего-то огромного и непостижимого, что не исчерпывалось только рослым и богатырски сложенным государем, а простиралось от самых звезд до этого гулкого пустынного дворца, густо пропитанного январской ночью, как чернилами под пером Чернышева.

И об этом поплакал теперь князь, потому что только в эти три дня невольной тризны по Николаю осознал, что жестокий диктатор был, в сущности, прав. Это невозможно было вместить просвещенным умом XIX столетия, но это было так: бунт против государства, каким бы порочным и деспотическим оно ни было, и какие бы Нероны или Калигулы ни восседали на его престоле, неизбежно оборачивался бунтом против Бога и устроенного им мироздания. И как отпали некогда от неба Люцифер с его богоборческим воинством, так отпали от общества Пестель с его прапорщиками и сдуру присоседившимся князем.

В этом году он чаще обычного читал Писание, и вот однажды наткнулся на псалом «Господи, силою Твоею веселится царь...», пробежал его глазами и вдруг как обожгло: «Ибо они предприняли против Тебя злое, составили замыслы, но не могли выполнить их». И чем дольше перечитывал, тем более убеждался, что это про них, составивших когда-то замыслы, задумавших злое, метавших жребий о царевубийстве, но ничего не исполнивших, сказано: «Они восстали на меня в день бедствия моего, но Господь был мне опорой». Будто какая-то могущественная сила сковала тогда их по

рукам и ногам, повела под арест, в темницу, а затем сюда, в Сибирь. «Там пали делающие беззаконие, низринуты и не могут встать».

Но разве не против беззакония восставали и они? И почему поднять руку на тирана — преступление? Правда, сказано: «не убий», но этой заповеди для них, привыкших, не задумываясь, проливать кровь на войне и на дуэлях, как бы и не существовало. В почете были кинжал Занда, «ах, лучше смерть, чем жить рабами», «вражда и смерть временщикам». Или, как писал Пушкин: «Кишкой последнего попа последнего царя удавим...»*

И все же — низринуты и не могут встать.

4

Мария Николаевна уехала в Москву нынешним летом, как только слухи о переменах, могущих случиться с восшествием на престол нового государя, стали все более походить на правду. Впервые за все годы изгнания они расстались, впервые покинула она Сибирь, оставив князя в совершенном одиночестве, а ему почему-то не было жалко.

Их любви когда-то удивлялись, в салонах первых лет николаевского царствования они вошли в поговорку как новоявленные Орфей и Эвридика — причем, Орфеем, устремившимся в сибирский ад за своим неразумным сердечным другом, была, конечно, она, дочь прославленного генерала Раевского, прелестная молодая женщина с глазами черкешенки. И только князь знал, что любила она вовсе не его, а свой подвиг, целовала не мужа, а его оковы, искала не семейного счастья, а возможности спасти его и облагодетельствовать.

И ведь спасла — помнится, в Благодатском руднике он совсем умирать собирался от безнадежности, боли в груди и в ногах, как вдруг — светлым ангелом явилась она. А теперь отъезд Марии Николаевны неожиданно произвел на него то же благотворное действие, что и тридцать лет назад — ее приезд в Сибирь: князь воспрянул духом и здоровьем, передвигался с прежней легкостью, и в городе его все чаще стали видеть бодрым и спешащим по каким-то делам. Хотя дел, признаться, у него никаких не было — просто какое-то непонятное беспокойство подгоняло князя.

Это беспокойство не было разновидностью скуки или, тем более, тоски его сгнувшего десять лет назад приятеля Лунина по ярким впечатлениям и опасностям. Лунин и в Сибири никак не мог утомиться, жаловался в письмах: «В челноке

---

* Стихи, приписываемые Пушкину. — Ред.

переплываю Ангару, но волны ее спокойны, в лесах встречаю разбойников, они просят подаяния...» Тихие сибирские воды не раздражали князя, и дразнить медведя в его берлоге, как делал это лхой армейский товарищ, ему не хотелось. Хотя года два назад, когда началась война в Крыму, попросился он попроситься на передовую рядовым, но ему не просто отказали, а еще подняли на смех: нашелся, видите ли, седобородый ратник с подагрой, ходячий призрак генерала 12 года — одним своим видом французов распугает. А генерал-губернатор Сибири Николай Муравьев, вообще-то благоволивший к князю и его семейству, даже накричал на него тогда, что пора, дескать, уже угомониться, выбросить юношескую дурь из плешивой башки.

Но нет, не дурь (хотя был князь, по всеобщему мнению, человек дурной и неумный), или не только она, а что-то другое — незавершенное, неискупленное, вслух дотол не проносимое — томило старика. Казалось бы, многолетней каторгой и ссылкой он давно должен был искупить все, но прощения — он чувствовал — ему не было. Не того, что приходит вместе с амнистией или царским манифестом, а другого, которое дается не иначе как на Страшном суде.

И оттого понимал он, что Александр Павлович приснился ему не напрасно.

5

В понедельник пришел князь в дом к сибирскому генерал-губернатору Муравьеву, спросил слугу, дома ли барин, не примет ли. В прихожей, как всегда, много посетителей со всей губернии — купцов, мужиков, бурят. Сидят молчаливо и покорно, но поглядывают на князя с легким неодобрением: дескать, это еще что за дерзкий проситель — самого губернатора к себе требует?

Прошло несколько минут, и вот уже навстречу по лестнице спешит сам Николай Николаевич, слегка наклонив голову в радушном полупоклоне, лицо доброе, внимательное, тоже слегка вытянутое, и вся фигура словно нацелена вперед, легкая и стремительная. Приобнял князя:

— Идем, мой друг, как я рад тебя видеть. Что Марья Николавна, нет ли от нее вестей?

Губернатор только что вернулся из первой амурской экспедиции, помолодевший, загорелый, окрыленный и даже отчасти самонадеянный. Вот и выхаживает по гостинной, яко Колумб после открытия Америки.

— Сейчас принесут чай, Сергей Григорьевич. Ну, рассказывай, как тебе живется в одиночестве после отъезда супру-

---

ги? Как твое хозяйство: неужто опять дыни медовые в своих парниках вырастил?

Муравьев говорит быстро, участливо, а сам, видно, о чем-то своем думает, все еще мыслями витает где-то над Амуром.

Князь ему неспешно отвечает: так, мол, и так, по супружнице своей и детям, конечно, тоскует, но все равно несказанно за них рад, что они постыльную Сибирь покинули. А дыни в сей же вечер самолично принесет его превосходительству испробовать.

— Благодарю, князь, не труди себя. Я лучше к тебе сам как-нибудь с визитом нагряну, если соизволишь принять.

Поговорили немного о муравьевской экспедиции. Губернатор подвел князя к карте, пришпиленной к стене разноцветными бумажными крыльями, словно гигантская мертвая бабочка, и указкой прочертил ему свой легкий полет над нехоженой «русской Америкой». В этом жесте было столько победности и мужества, столько колумбовой воли к покорению пространств, что князю, засидевшемуся дома, стало даже немного завидно, и он спросил с лукавой усмешкой:

— А правдали, Николай Николаевич, что реку Амур в честь бога любви назвали? И что там крестьянки в чем мать родила по улицам ходят?

— Ты, я погляжу, все такой же шалун, Сергей Григорьевич! — погрозил ему ласково пальцем Муравьев. — Ну да какие там на Амуре крестьянки — все больше медведи или, если тебя это интересует, — медведицы. Разве что сейчас, когда первые поселенцы приживутся, тогда и крестьянские грации появятся....

— А у меня, между тем, к тебе дело, Николай Николаевич, — наконец, решился сказать князь, — как раз сахарных дынь касается. Хочу тоже в экспедицию съездить — в Томск, на ярмарку. Отпустишь?

— Что ты, батенька, как же я могу тебя отпустить? А если Марья Николаевна надумает вернуться и тебя здесь не найдет — что я ей скажу? Понимаю, что такое охота к перемене мест — очень хорошо понимаю. Но Томск — это сколько же от Иркутска верст будет... Да у тебя недели две уйдет, чтобы только туда добраться. Неужели поближе приличной ярмарки не найти? Недоговариваешь ты что-то, князь Сергей!

Князь потупился.

— Мне именно томскую ярмарку хвалили. Говорят, там торговать очень выгодно, а мне как раз деньги нужны.

— Коли деньги нужны, так займи у меня. А отпустить тебя так далеко — извини, не могу. Неужели сам не понимаешь, почему?

— Верно, потому, что я под надзором...

— А то как же. Ты бы немного подождал, — понизил голос Муравьев, — говорят, новый государь Александр Николаевич не сегодня-завтра всем «друзьям» его папеньки по делу 14 декабря амнистию выпишет. Вот тогда и поезжай, куда захочешь, — хоть в Томск, хоть в Петербург, хоть в Париж — держать не буду.

— Но пойми, Николай Николаевич, мне как раз сейчас надо.

— И не уговаривай. Сказал: не пушу.

— Тогда я сбегу, — решительно сказал старый князь и посмотрел с вызовом на Муравьева.

Тот как будто сразу не поверил, замахал на него надушенными губернаторскими ладонями:

— Да что ты, Сергей Григорьевич, говоришь — куда ты сбежишь в твоём-то возрасте? А если и вправду сбежишь и тебя поймают — это ведь новая каторга, не иначе. Да еще плетьми накажут — стыд-то какой, подумай!

— Все равно я сбегу, — упрямо повторил князь.

— Опять твои чудачества, — с досадой, словно про себя пробормотал Муравьев, отворачиваясь. Помолчали. Губернатор отошел к письменному столу, где была раскрыта одна из его многочисленных путевых тетрадей, и принялся усердно ее перелистывать, как будто забыв о госте. Он даже что-то отметил грифелем, потом резко повернулся к князю и сказал почти дружелюбно:

— Ну, хорошо, Сергей Григорьевич, я обещаю тебе подумать и сделать все возможное для твоего отъезда. Ты доволен?

В прихожей они простились суше, чем обычно. А на следующий день в дом князя постучался курьер, известивший, что через неделю его превосходительство губернатор Восточной Сибири отправляет Сергея Григорьевича с августовским почтовым обозом в Томск — с тем, чтобы он непременно вернулся назад с сентябрьским.

6

Накануне отъезда князь тщательно подмел двор у дома от первой в этом году облетевшей листвы — он всегда делал это сам, хотя княгиня Марья Николаевна прежде держала в доме слуг или нанимала работников. В фартуке и старом длинном пальто седобородый старик-князь был похож на дворника. На следующий день он уже двигался с обозом в сторону Томска, вместе с мелкими чиновниками, солдатами, старообрядцами и безымянными каликами переходжими.

Князь и раньше любил русских странников. Что-то было беспомощно детское и одновременно величественное в этих людях, неспешно идущих к горизонту в ветхой одежде и обуви. Прежде ему случалось рассматривать их с высоты кавалергардского седла, из окошка кареты или с усадебного крыльца, когда они заходили к нему в имение, чтобы попросить милостыни и ночлега. Он давал и милостыню, и ночлег и даже пытался вступать с ними в разговоры, но не вынес ничего из этого птичьего простонародного бормотания себе в бороду про хлебушко, дальние монастыри и Царицу небесную. Пару раз он пытался рассказывать странникам о том, чему его научили в масонской ложе и чему он сам теперь учил новообращенных — о тысячелетнем царствии праведников, в фундамент которого каждый должен заложить свой камень, о Христе распятом и Христе победителе, грядущем во славе, и о том, что в любом распятии заключена победа, а в любой победе — распятие. И хотя он старался говорить просто и понятно и со ссылками на Писание, странники слушали его молча и почти враждебно, или униженно бормотали благодарности, но не за беседу, а все за тот же хлебушко. И князь отступался, повелевал слугам позаботиться о каликах и уходил к себе в комнаты — в деревне он обыкновенно пробовал читать или сочинять уставы тайных обществ, а если не получалось — звал Глашку или Палашку с мягкой бабьей грудью, и снова забывал о своем сокровенном мире и предназначении — на недели, на месяцы.

Но теперь он и сам стал странником. По сибирским просторам в простой мужицкой телеге в сопровождении всего одного солдата, приставленного Муравьевым и мирно дремлющего под тулупами, припасенными на случай холодов, ехал он от горизонта к горизонту, сам управляя лошадьми, сам понукая этих крестьянских кляч заветными гусарскими словечками и иногда приподнимаясь на облучке, как в стременах. Ехал он неведомо куда и неведомо зачем, а если бы сказал кому, приняли бы за мужицкие бредни и за птичье бормотание в бороду. Потому что мимо высоких таежных сопкок и выходящих из-под земли холодных северных рек, мимо кедров и лиственниц азиатских, мимо настороженного лесного зверья и ранней сибирской осени ехал он в костюме бурятского охотника — на свидание к покойному императору Александру Благословенному, чтобы запоздало припасть к его ногам и испросить прощения.

Древние стремились дойти до конца мира — туда, где он обрывается в бездну, где пространство и время растворяются в плавающей небесной дымке или переходят в иное каче-

---

ство — стелются сверкающими ступенями к престолу Божию. Но потом выяснилось, что никакого конца мира нет, что мир закругляется и что, куда бы ты ни ехал и ни плыл по земному кольцу, — вернешься только к самому себе. «Так и наша жизнь», — думал князь. — «Кажется, что со смертью она обрывается в небытие, падает камнем в пустоту, но нет — она только закругляется...»

И вот сейчас — он ехал, чтобы замкнуть круг, подойти вплотную к той черте, за которой мир ускользает, подобно Стиксу, в ночное полушарие. Где-то там — либо на этом берегу Стикса, либо уже на том — живет (он в это верил) Белый царь, перед которым ему надлежит покаяться. Нет, не перед властью хотел он умалиться — перед ней он не чувствовал ни раскаяния, ни сожаления, а перед ним самим, Белым царем. Потому что Он — тот, кто не замыкает круг, а размыкает его, то есть выходит из круга. Князь не смог бы даже самому себе объяснить значение этой витиеватой мысли, но он чувствовал, что это так.

7

Первые слухи о Федоре Кузьмиче дошли до Иркутска несколько лет назад, еще до Крымской войны. Говорили, что появился в Сибири — в деревне недалеко от Томска — некий старец величественной наружности, удивительно похожий на покойного императора Александра Благословенного. Рассказывали, что он великий молитвенник и затворник: целыми днями не выходит из своей кельи и все время, от света до света, проводит в коленопреклоненной молитве. Но при этом не отказывает простым людям в помощи: исцеляет, исповедует и учит слову Божию. Однако поразительнее всего в этих рассказах была искренняя народная вера в то, что богобоязненный и таинственный старец Федор Кузьмич — и есть прержный царь, который был мертв и ожил, пропадал и нашелся. Как мог он оказаться в суровом краю каторги и ссылки, где томились и его бывшие противники, каким образом покинул свою хладную гробницу в Петропавловском соборе — слухи этого толком не объясняли. Одни языки утверждали, что старый император подстроил свою мнимую смерть, подговорив верных слуг положить вместо себя в гроб простого солдата, а сам сделался во искупление грехов странником, но был арестован за бродяжничество и отправлен в Сибирь, другие — что он попросту воскрес...

Новость о Федоре Кузьмиче обсуждали даже в иркутском салоне княгини Марьи Николаевны: как раз в доме гостил

чернобородый якобинец Поджио и отвратительно смеялся над известием, показывая гнилые стариковские зубы:

— Как там у Пушкина: «плешивый щеголь, враг труда» — и вдруг с нимбом над головой — о, это по-русски!

Никто не поверил в эту легенду, все посмеялись и забыли, и только князь, вероятно, потому, что был от рождения прост и доверчив, не мог успокоиться в тот вечер — странно растревоженный, ушел во двор, где имел привычку ночевать, завалялся на сене и вспоминал, думал...

Александр вспоминался ему молодым или даже совсем инфантом. Они не были ровесниками (государь превосходил его годами), и все-таки принадлежали к одному поколению, вошедшему когда-то в историю через триумфальные арки наполеоновских войн. По рождению князь был Рюрикович, с долей древней царской крови, поэтому с отрочества был допущен в ближний придворный круг, хаживал, прячась за пышной маминой юбкой (а мама была статс-дамой), во дворец государя, где все было так строго и тихо и где ему почему-то запомнился яркий до белизны солнечный свет, падающий из высокого окна к ногам наследника, тоже еще мальчика, хорошенького и кудрявого. Солнце во дворце неизменно пропитывало все: оно покоилось горячим нимбом над тронным залом, лежало на красных тяжелых шторах и зеркальном паркете, а в пасмурные дни сдержанно струилось с позолоты карнизов и фресок. В этом было что-то олимпийское или даже древнеегипетское, что-то от великих солнечных богов, освящавших царскую власть и свидетельствующих о ее небесном происхождении. Но царственный мальчик, несмотря на свою античную красоту, был бледен лицом и задумчив. Кроме дворца, они нигде больше не встречались и не разговаривали: маленький князь на приемах только кланялся, как учила его мама, и получал легкий кивок в ответ.

Зато через несколько лет, когда уже и Павла не было в живых, и за плечами у князя был иезуитский пансион и первые военные кампании, он встретил совсем другого Александра, блестящего юного офицера и полководца, уверенного в себе, изящного и окруженного поклонением свиты. Царь в то время соперничал с самим Наполеоном — неудачно и, как говорили недоброжелатели, бездарно, но это не отменяло благородства и величия его порыва — бросить перчатку самому могущественному тирану и завоевателю Европы. Они тогда впервые сблизились и, случалось, беседовали наедине. Между ними даже установилась особая шутивная манера общения: Александр именовал князя «мсье Серж», подчеркивая, что ему известна его легкомысленная репутация гвардейско-

---

го шалуна и повесы, а князь, пользуясь расположением молодого императора, нередко забывал про титулы и высокое положение собеседника и вел себя почти запанибрата. Но говорили они и серьезно.

— Знаешь, друг Серж, — как-то сказал ему государь, — Бонапарт, похоже, метит в Александры Македонские, но Александр-то не он, а я.

И действительно, было в этом единоборстве двух мировых владык что-то мистическое, что-то от извечного противостояния света и тьмы, священного и порочного. Даже внешне это было так: Александр — легок и статен, с белыми вьющимися волосами, светлым и немного меланхоличным лицом, а Бонапарт выглядел злобным, тяжелым и одутловатым, с черной плоской шевелюрой и хищным корсиканским носом. Когда они встречались в Тильзите, побежденный и победитель, эта разница так бросалась в глаза, что кумушки в салонах потом долго сплетничали, что Александр при подписании мира был похож на ангела, а от Бонапарта взаправду пахло серой.

Александр в те годы все больше проникался мистицизмом, метался в духовном поиске между масонством, латинской верой, ересью Лютера и традиционным православием — всем интересуюсь и все благословляя. При этом врожденная религиозность легко сочеталась в нем с либеральными и даже вольнодумными воззрениями, а также с вполне светским рассеянным образом жизни — не всегда безупречным. Это был стиль эпохи. Почти все свитские офицеры состояли в вольных каменщиках и обменивались при встречах тайными жемчугами и знаками, почти все работали над своим нравственным совершенствованием и мечтали принести себя в искупительную жертву, и в то же время — слыли шалунами и картежниками, дуэлянтами и бабниками, любителями попок и разгульной жизни. «Жизнь копейка — голова ничего!», — говорили в то время.

В масонских ложах, куда в 1812 году вступил князь, считалось едва ли не добродетелью на людях строить из себя человека пустого и ветреного, в чем-то даже никчемного, а на деле носить в себе бережно, не расплескав и ничем не выдав, тайный внутренний мир, причастный последним тайнам и проклятым вопросам. Князь и заключал в себе такой мир — иногда настолько сокровенный, что не только его близкие, но и он сам о нем по рассеянности забывал.

Сокровенный мир юного царя, о котором он говорил лишь с немногими избранными, был совсем особенным, мечтательным и почти ребяческим, словно государь толком не вырос

из того бледного задумчивого мальчика, каким видел его князь в начале жизни. Внешняя сторона этой жизни, казалось, состояла целиком из одних викторий — над Наполеоном, над женщинами, над сплетниками и завистниками. Но где-то рядом — по темным углам гостиных и лакейских — все равно странствовал тяжелый несмолкаемый шепоток, сопровождавший государя чуть ли не с первых дней царствования: «Какой же он ангел, когда отца убил...» При этом никто, похоже, не думал, что царь взаправду мучается отцовской смертью. Сказал ведь, восходя на трон, что при нем «все будет, как при бабушке». А бабушка не мучилась, что убила дедушку.

Князь Волконский в то время ничем не мучился и с гордостью носил на плечах пустую, причесанную по последней парижской моде голову кавалергарда. Жили они тогда вместе с Луниным на Черной речке, где снимали дачу, и предавались самому безудержному веселью и пороку, какие были только мыслимы в начале просвещенного девятнадцатого столетия. У себя на даче приятели запускали среди бела дня фейерверки, чем пугали мирных соседей, особенно — достойную графиню Загряжскую, кричавшую им через забор жалобно и просительно: «Мальчики, ведите себя потише!» Они и в самом деле были еще мальчики — лет по двадцать с небольшим — и поэтому им нравились гусарские выходки: побить камнями окна французского посольства или отправиться на лодках к Каменному острову, чтобы исполнить серенаду под окнами самой императрицы Елизаветы Алексеевны, а после едва уйти от погони — это считалось у них верхом вольнодумства, да и до настоящего заговора было еще далеко...

Впрочем, была у них с Луниным еще одна жестокая забава, в которой при желании можно было заподозрить «политику». Стоило Мишелю дать дворовой собаке тихую короткую команду: «Бонапарт», как та бросалась на первого встречного и сбивала с него шляпу — к оглушительному смеху обоих приятелей. Лунин уверял, что это не простая шалость — что он так натаскивает зверя и воспитывает его в ненависти к величайшему тирану Европы, и когда-нибудь собьет треуголку с настоящего Наполеона. Это был уже тот самый гусар Лунин, блестящий, ироничный и несчастный, который через полтора десятка лет, будучи арестован и заключен в убогую темницу Свеаборга, сырую, с протекающей крышей, на вопрос финляндского генерал-губернатора, не нуждается ли он в чем, ответит: «Я вполне доволен всем, мне недостает только зонтика».

Они и тогда были довольны всем — даже своим государем. Единственное, что оскорбляло их просвещенный вкус: Александр чересчур увлекся религией, перешел ту черту, которая отделяет благочестивого джентельмена от юродивого. Дошло до того, что в царских покоях нередко можно было столкнуться с самым настоящим мужиком в веригах, проповедником из народа, скопцом или духобором. Меж тем, отношения князя с государем заметно охладели. На дворцовых приемах император был с ним подчеркнуто сух и несловоохотлив. Вообще, всем своим видом показывал, что хорошо осведомлен обо всех гусарских проделках мсье Сержа, и что они перестали ему нравиться. Князь и не ждал от самодержца особенных ласк, а в остальном рассчитывал на тапан, по-прежнему ходившую в фрейлинах, на ее влияние и заступничество. И вдруг в 1811 году его вызвали из армии и назначили флигель-адъютантом императора, а еще через год случилась большая война и исполнились, казалось, давние мечты и надежды князя: после нескольких месяцев партизанства по русским лесам, не такого славного, как у Давыдова, но все же полезного Отечеству — перед ним открылись города Европы и сама французская столица. Ах, какие там были балы и бордели — в этом Париже! Да что там бордели — каждая хорошенькая парижанка была покорна, как и сам покоренный город, и считалась чуть ли не военной добычей, законной и купленной солдатской кровью. Государь в это время блистал в европейском высшем свете, где он был принят не просто как равный, а как новый властелин, как полноправный хозяин всех этих породистых и смешных, как комнатные собачки, монархов и дофинов, повывлезавших из всех щелей после пленения Бонапарта. Вот тут бы и развернуться, тут бы и воспарить над Старым Светом — но нет: как раз в это решающее время императором всероссийским овладело какое-то странное оцепенение.

Вроде бы все было то, да не то: продолжались пышные балы и дипломатические рауты, на которых государь был по-прежнему любезен, но рассеян; вся Европа повиновалась ему, а Россия без различия сословий аплодировала своему самодержцу, но он оставался равнодушен. По всему было заметно, что ему ничего этого не нужно, что он тихо отстраняется от огромной, абсолютной власти над миллионами людей. В этом, как оказалось, и состоял его главный ребяческий секрет — он **не хотел власти**, отрекался от нее сердцем, как Христос — от царств мира и славы их. Князь узнал об этом нечаянно от своего зятя Петра Михайловича, слывшего одним из ближайших доверенных лиц Александра и пользовавшегося

огромным влиянием при дворе. Любезнейший Петр Михайлович под большим секретом сообщил князю, что государь в ближайшие годы собирается абдикировать, то есть отречься от престола и жить исключительно частной жизнью. Были известны даже некоторые подробности этих тайных планов: наследный престол якобы переписут на Константина, а сам царь со своей супругой удалится как можно дальше от столицы, не исключено даже, что за границу, где поселится в сельской местности, в каком-нибудь маленьком уютном домике, увитом плющом, на берегу Рейна, чтобы уже более не покидать своего уединения.

Князь помнил, что тогда не придал этому известию никакого значения: ну, хандрит государь, малодушничают, отстраняясь от великой исторической задачи, — так ведь он всегда был больше созерцатель, чем деятель. Недаром в Европе его прозвали «северным сфинксом». И то уже смешно, что он собирается разделить уединение со своей постылой супругой — с той самой, которой изменял на глазах у всего двора и которая и здесь, в центре столичной и придворной жизни, выглядела отшельницей.

Кто бы тогда сказал Волконскому, что совсем скоро он сам удалится от столиц в сибирскую тайгу, где будет жить поначалу в крошечной комнатке Петровского завода с зарешеченным окном и часовыми у входа, и лишь по случаю особой монаршей милости к нему по выходным дням будут пускать его жену, а в остальное время он будет работать и молиться.

Вот тогда-то, после большой войны и покорения Европы, и затянуло князя в эту воронку сломанных судеб и наказанных тщеславий, скрутило в один узел с людьми неординарными и выдающимися, но гордыми и задумавшими злое.

8

В заговор он ввязался с той же легкостью, как раньше ввязывался в трактирные попойки или гвардейские приключения — как в минутную шалость, как в то, что сверкнет и погаснет, подобно брызгам дачного фейерверка. Заглянул как-то на чай к своему старинному знакомцу Михаилу Орлову, жившему в Киеве на частной квартире — роскошно, с размахом, в окружении блестящей дворянской молодежи, собиравшейся у него вечерами. Зашел в гости сиятельным князем и генерал-майором, а вышел от него будущим заключенным № 4.

Был ли он недоволен российскими порядками, роптал ли на государя, кипел ли его разум гражданским негодованием, как у тех высокопарных юношей, в кругу которых он тогда

впервые очутился? Да нет же, как ни был князь легкомыслен и неразумен, но не мог спутать свою тихую, грустную сердечную боль с революционной горячкой, или тем более облечь в офранцузенные политические формулы свою тоску по смыслу и свету. Хотя его новые приятели и проповедовали республику едва ли не как Царство Божие, но в то, что косная природа человеческая может быть преобразена конституцией, князь не верил. Просто сердце его было пусто, и оттого трескучие речи мятежников без труда наполнили его до краев, как шампанское наполняет пустой бокал.

Военная слава князя к тому времени начала меркнуть, прежние кавалергардские шалости стали не по плечу и не по возрасту, а тут — риск, тайна и настоящее дело... К тому же, складывалось впечатление, что ругать правительство теперь модно, и ни в одном салоне успеха иметь не будешь, ежели не прослывешь якобинцем. Но вот удивительно: хотя был князь едва ли не самый сановитый и заслуженный из злоумышленников, хотя его парадный портрет для галереи 12 года уже был заказан самому Джорджу Доу, с новыми друзьями он ощущал себя, как мальчик, допущенный до разговоров взрослых. Когда заговорщики патетическими голосами беседовали о грядущей победе вольности над тиранством, когда метали жребий о судьбе России и императора, он почти не участвовал в этом словесном пиршестве, а лишь трепетал и преклонялся. Преклонялся перед их умом и образованностью, перед их бесстрашием и грядущей славой, и всячески стремился показать им, что и он малый не промах. Провести переговоры с польскими заговорщиками? Возглавить революционную армию? Подписать под республикой как единственно верном способе правления? Он на все соглашался с легкостью, удивлявшей даже Пестеля.

Когда члены общества при нем заговаривали о необходимости убить Александра, он сперва внутренне, про себя, ужасался этим словам, но потом привык и даже заявил о себе как о горячем стороннике цареубийства. Раз такие умные, прогрессивные, во всех отношениях превосходившие его люди, как Пестель, Якубович или Муравьев считают, что главные лица царской фамилии должны быть истреблены — значит, так оно и должно быть, думал князь. Высоколобий Пестель не может ошибаться. Тиран, будь он даже человеком в личном отношении приятным и незлобивым, должен быть уничтожен.

Как только князь в кругу заговорщиков провозгласил, что «не токмо деспот, но и его ближайшие родственники и слуги могут быть ради святого дела освобождения народа живота

лишены», его значение в тайном обществе Юга несоизмеримо выросло. Можно даже сказать, что он стал вторым после Пестеля. Оказалось, что достаточно согласиться на убийство друга и кровителя — и тебя сочтут за умного и дельного человека. Более того — князь это понимал, — он именно потому и высказался за цареубийство, чтобы заслужить всеобщее одобрение, чтобы понравиться этим русским Брутам и Робеспьерам.

Государя он видел в последний раз осенью 1823 года на военном смотре. Князь в это время командовал бригадой в составе второй армии, которая стояла на постое в крошечном украинском городке, белом от солнца, степной пыли и выбеленных крестьянских домишек. Император со свитой явился прямо в этот сонный городок, пробыл в нем пару дней, и на смотре особо выделил превосходную выpravку и подготовку княжеской бригады, после чего благосклонно беседовал с самым бригадным командиром, то есть — князем. Был он все таким же, каким его привыкли видеть: молодцеватым, щеголеватым и усталым, разве что белее стали его и без того светлые от рождения волосы, теперь уже редкие и не такие курчавые, как прежде. Александр был в благодушном настроении и смотрел дружески, близорукими синими глазами, расспрашивал о здоровье домашних, интересовался, не надумал ли князь, наконец, жениться, а то пора, дорогой Серж, и остепениться, мол, твоя головушка прежде всего заносилась туда, куда ей не надо было бы заноситься, но теперь я убедился, что ты принялся за дело. Расстались они снова друзьями. Бывший флигель-адъютант проводил своего императора до городской окраины и, прощаясь, получил от него благословение и повторное напутствие в том, чтобы и далее ревностно заниматься делами своей бригады, нежеле управлением Российской империи. «Знает, он все знает! — похолодел князь, склоняясь в прощальном полупоклоне. — Как же он меня не арестует? Неужели он оставит меня — так?»

Но все действительно осталось так, как было. По-прежнему витийствовал полковник Пестель, по-прежнему собиралось тайное общество, и князь, как замороженный, то присягал на верность республике, то скакал в Петербург с поручением к Рылеву и Муравьеву, то агитировал офицеров собственной бригады в случае чего присоединиться к бунту. А в январе 1825 года он неожиданно для самого себя женился и хоть в том исполнил завет государя. Юная Мария Раевская, дочь знаменитого генерала Раевского, его не любила, он это видел, но относилась к нему с интересом и почтением, а для брака этого было довольно.

В ноябре пришло известие о внезапной кончине государя в Таганроге, причем князь узнал об этом одним из первых, через нарочного Петра Михайловича, явившегося в расположение армии с курьером, и тотчас поспешил предупредить Пестеля. Полковник Пестель, бывший недавно шафером на княжеской свадьбе, встретил новость спокойно, однако велел в ближайшее время собраться всем членам общества и быть ко всему готовыми, посему сейчас начнется» И вправду началось: 13 декабря Пестеля арестовали, на следующий день в Петербурге случилось возмущение, расстрелянное картечью, а еще через несколько дней князь получил от заговорщика Поджио письмо, в котором тот призывал немедленно поднимать восстание в дивизии и выступать с походом на российские столицы, дабы свергнуть самодержавие и освободить потерпевших неудачу товарищей. Письмо князь немедля сжег на свечке, никого к бунту подстрекать не стал, и вместо революционного похода на Петербург уехал на короткое время к жене в усадьбу. Его арестовали лишь в начале января 1826 года, а за пять дней до этого у него родился сын.

9

В первые месяцы в Благодатском руднике он так зарос темной бородой с проседью, что в шутку его стали звать Пугачевым — и, правда, проявилось в его внешности что-то разбойничье, волчье (оправдывающее его родовую фамилию) и в то же время мужицкое, простоватое, что раньше было скрыто за блеском мундира и эполет. Но что еще более удивительно — внутри у него пугачевского почти ничего не осталось, как будто болезнь выходила наружу, чтобы уйти совсем и оставить вместо себя лишь обреченность, молитву и тишину. Стал князь до неприличия слезлив и жалок. По общему приговору своих товарищей, и раньше-то был недалеким, а теперь совсем дураком заделался, ни одного слова связного от него не услышишь, все больше молчит или письма домой пишет (было это еще до приезда в Сибирь Марии Николаевны). Другие каторжники вели себя куда достойнее: насмешничали, с жандармами разговаривали свысока, песни дерзкие пели: «Свобода, свобода, ты царствуй вовеки над нами! Тиран, трепещи! Уж близок падения час!», чем приводили конвойных в оцепенение и ужас — и ведь плетью не ударишь, сплошные кругом сиятельства и господа...

Князь и раньше выделялся в среде заговорщиков — именно своей личностной неяркостью, недосказанностью, отсутствием явных талантов, взглядов и целей. С одной стороны, он во всем поддерживал радикала Пестеля, с другой — боль-

---

шим либералом никогда не был, толком никаких возмутительных книг не читал и даже сочинителя Пушкина с его модными стишками не жаловал. Не пришелся Пушкин ему по нраву во время их единственной встречи в Одессе: желчный, заносчивый, с длинными наточенными ногтями, словно черт какой-то, ни слова от него в простоте не услышишь, все шуточки — и то для потомства. Нервно смеялся, скалил зубы, плевался в царя и правительство, а после еще и попросил у князя денег в долг, да не на того напал. И, главное, сколько пустых слов — какие цветистые фонтаны и фейерверки у этого господина сочинителя! А вникнешь: обычная салонная болтовня, та самая, за которой почти и не услышишь России, не почувствуешь, как бежит по твоим жилкам молчание ее допетровских веков, как дышит в тебе жарптицей древняя княжеская кровь.

Ни с чем не сравнимая, звонкая пушкинская слава, совсем непохожая на его же прежнюю салонную известность, настигла князя уже в Сибири. После короткого замалчивания, оттеснившего Пушкина в разряд вышедших из моды литераторов, чуть выше Веневитинова и Кукольника, вдруг снова грянула всероссийская овация, под аплодисменты которой на светскую авансцену, откинув тяжелый занавес загробного мира, выскочил «на бис» невысокий вертлявый человечек во фраке, как будто никогда и не умирал. Он снова был первый поэт России и первый ее остро слов, но стократ более чтимый и хвалимый, и уже вполне можно было предвидеть ту бронзовую стену монументов, которая грозила вырасти между ним и его потомками. Даже его пустяковые стихи, читаемые когда-то между лафитом и клико, теперь обрастали фолиантами академических комментариев, и невесть какая глубина прозревалась в их гладких, как морские камушки, и едва прогретых на северном солнце ямбах. Князю оставалось только удивляться, как быстро забронзовел один из его вчерашних знакомцев, волочившийся в начале века за его будущей женой, не вылезавший из скандальных долгов и бранившийся в гостиных самым возмутительным образом.

И все же трудно было не склонить седой головы перед этим чудесным воскрешением одного из самых заметных людей твоего поколения. И не только потому, что без него, расслышавшего своим поразительным слухом и «горний ангелов полет», и сухое падение листа в осенних аллеях, мало что осталось бы от их времени. В позднем, неведомом ему Пушкине князь с изумлением узнал то, что сейчас тихо совершалось в нем самом: на смену кичливому якобинцу, автору «Вольности» и «Кинжала» пришел совсем другой поэт, рас-

---

терянный перед люциферической греховностью мира, несправимой никакими революциями и французскими «энциклопедиями», а только — молитвой, смирением и раскаянием. Как же это могло в одночасье произойти в еще молодом и совсем не безбурном человеке, который в те же годы продолжал появляться в свете, засиживаться до зари за ломберным столиком, писать колкие несправедливые эпиграммы, драться на дуэлях и которого только благодаря счастливому стечению обстоятельств никак не коснулась великая тишина Сибири? Поистине, дух дышит, где хочет.

В одном лишь, к великому огорчению князя, не изменился Пушкин — в своей ненависти к императору Александру. Сладко воспевавший в гремевших на всю Россию виршах Петра, Наполеона и даже Николая Палкина, он лишь Благословенному отказывал в едином звуке одобрения, и даже в своем «Памятнике нерукотворном» продолжал мериться с ним славою, запрокидывая непокорную курчавую голову выше Александринского столпа. В этом он оставался все тем же дерзким мальчишкой, чьи хлесткие четверостишия, каждое из которых было, по сути, равно картелю, ходили по рукам еще прежде всех заговоров. «Воспитанный под барабаном, наш царь лихим был капитаном», — смеясь, читали когда-то в салонах и казармах и без всякого стеснения повторяли вслед за жестоким пиитом: «Под Австерлицем он бежал, в двенадцатом году дрожал...» Князя это и прежде возмущало: что мог знать этот лицейский недоросль, этот гражданский писарь в змеистом фраке, никогда не ведавший ни тяжелого свиста неприятельских ядер, ни белого блеска атакующих штыков — о небе Аустерлица и об отчаянии 12-го года? И, тем не менее, он судил своего государя, и судил его судом немилосердным и страшным, подобным тому, каким парижская чернь судила несчастного Людовика Капета, прежде чем отправить его на эшафот.

В этой многолетней дуэли, которую Пушкин навязывал царю, пиит метил куда побольнее, а Александр милостиво и терпеливо отстреливался в воздух. Первый поэт России предполагал написать историю царствования самого светлого и христианского из российских государей «пером Курбского» — за это его ссылали к Черному морю или в деревню, к клавикордам Раевских, или к расстегаям и блинам Арины Родионовны, а не отправляли на дыбу, как во время оно непременно поступили бы с самим Курбским, если б он осмелился написать об Иване IV хоть десятую долю того, что вышло из-под пера Пушкина, не бежав предварительно за границу. Самое снисходительное, что обронил поэт о царе, было

знаменитое: «...он раб молвы, сомнений и страстей». Самое жестокое, чем отплатил Александр, — отдал Пушкина под негласный надзор, который больше походил на отеческую опеку, чем на гонения деспота.

Когда до Иркутска дошла в списках X глава «Евгения Онегина» (впоследствии считавшаяся утраченной, и слава Богу), князь испытал одновременно и омерзение, и негодование: эта пушкинская картель предназначалась уже мертвому льву. Александр, ушедший в безмолвие скита или могилы, не мог более поспорить с тем карикатурным образом, который на забаву будущим историкам мастерил ему Пушкин, марая ядовитыми чернилами прекрасное и грустное лицо победителя Наполеона. Зато «маленький капрал» Буонапарт, опустошивший со своей разноязыкой армией половину русских западных губерний, возвышался над русским императором как некий новый Прометей, как всадник, «папою венчаный», «пред кем унизились цари» и на чье купленное ценою сотен тысяч смертей бессмертие не смогла бросить тень даже «нечаянная слава» Благословенного.

Так вот что никак не мог простить Пушкин Александру: того, что в героическое столетие он не был и не стремился быть героем. Героями были Наполеон и Петр, Занд и Брут, Байрон или даже Пугачев, а вот Александр — не был. Чтобы угодить в мировой героический пантеон, стать персонажем поэмы или симфонии, следовало для начала, как Буонапарту, размазать человеческий фарш по паперти церкви святого Роха или хотя бы, как Незабвенный, швырнуть пригоршню картечи в лицо целому поколению. Невольное, болью отозвавшееся во всей последующей жизни соучастие в убийстве отца, в одном котором и был по-настоящему повинен Александр, не могло соперничать в своей гамлетовской изломанности с титаническим размахом этих решительных деяний. Он вечно проигрывал, этот северный сфинкс, а если и побеждал, то не собственным произволом, а Божьей волей, на которую всецело полагался и в 12-м, и даже в 25-м году, оставляя свой престол не младшим братьям, а через их голову — самому Провидению. И провиденциальные силы не подвели русского царя: обе батальи оказались выигранными, Россия сохранилась, пройдя между Сциллой наполеоновского нашествия и Харибдой внутренней смуты. И произошло это не благодаря Пушкину или блестящей гвардейской молодежи, а благодаря таким оплеванным и презираемым просвещенным обществом людям, как Уваров или Бенкендорф.

Александра Бенкендорфа, в противоположность Пушкину, князь почитал первейшим своим приятелем и всегда за-

---

щищал его перед сибирскими изгнанниками, относившись к создателю «голубых мундиров» насмешливо или враждебно. Всесильного главу Третьего отделения он помнил еще со времен флигель-адъютантства как «человека мыслящего и впечатлительного», а в прошлом — как просто Сашку, парижского гуляку, балагура и доброго товарища. И первый проект российской тайной полиции они когда-то обсуждали вместе, расписывая друг перед другом выгоды этого сокровенного рыцарского братства, поставленного, подобно иезуитам, на службу христолюбивому монарху. Но вот ирония: вместо тайной полиции угодил князь в тайное общество, и никакие дружеские уговоры Сашки его не остановили.

Ведь если вдуматься: совершенно непонятно, на что рассчитывал князь в случае победы заговорщиков. Близко к власти или, тем более, к диктаторству, его бы не допустили: все высшие должности в будущем революционном правительстве загодя были распределены между Бестужевыми да Муравьевыми. А потерять он мог многое — вернее, неизбежно терял и в случае удачи, и в случае неудачи заговора. Победы бунтовщики — все его должности и титулы станут недействительны, капиталы и имущества — национализированы, тысячи крепостных душ — отпущены на свободу или переведены в вольные хлебопашцы. Проиграют они — тут уж князя не только всего лишат, но и расстреляют или, по меньшей мере, сошлют (как оно и случилось). Чего ж он добивался, на что надеялся, принося пламенные клятвы, отправляясь то в Петербург, то на Кавказ по делам общества, соглашаясь, по плану Пестеля, возглавить восстание на Юге?

С бунтарями-прапорщиками-то все ясно — им бы власти над огромной империей да гремучей славы в веках. И князь им понятно зачем был нужен: 36-летний генерал, Рюрикович, с деньгами и связями — такой, будь он хоть кукла, ватой набитая, — в деле сгодится. Но он-то — неужели этого не понимал? Прав все-таки император Николай, когда назвал его после ареста «образцом неблагодарного злодея и глупейшего человека». Дурак, да и только.

Но вот теперь — никто бы из его товарищей не поверил в Федора Кузьмича: из умерших — ни вдохновенный Пушкин, ни надменный Якубович, ни рассудочный Пестель, из живых — ни комильфо Пуцин, ни болтун Поджио, ни одряхлевший Трубецкой. А дурак князь поверил.

10

Волконсекому снова приснился Лунин, молодой, прежний, в гусарском мундире, но без эполет, и князь во сне понимал,

---

почему без них — сорвали во время аутодафе. Князь и сам был в таком мундире, безукоризненно сшитом, совсем новеньком, с золотыми аксельбантами, но вот там, где положено красоваться генеральским эполетам — ткань безобразно разорвана и, что самое неприятное, нитки в разные стороны торчат, словно из наскоро зашитой раны. И вот они с Луниным спорят, о чем не договорили при жизни, причем, князь пылко доказывает, а его друг лишь улыбается.

— Ты пойми, Мишель, — говорит князь — мы ведь должны быть счастливы нашим страданием. Ты же сам говорил, что можно быть счастливым во всех жизненных положениях. Тем паче мы. Разве это не о нас, все потерявших и царскими опричниками преследуемых, сказано: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить...» Мы гонимы, мы страдаем, мы оклеветаны — разве это в понимании евангельском не блаженство?

Но Лунин почему-то не соглашается.

Читай внимательнее, говорит он, и указывает ему на строчки Писания, которые он только что пересказал. — Здесь сказано: «Неправедно злословить за Меня...» Вслушайся, это очень важно: за Меня, то есть за Христа, Сына Божия. А мы разве за Него страдаем? Нет, мы страдаем во имя свободы и равенства, во имя ереси французской. Да не возносятся мятежники... В этом вся и разгадка — Христос не с нами. Но он и не с гонителями нашими...

— А с кем же тогда Христос? — недоумевает князь.

— Ты сам знаешь, с кем Он, — мягко говорит Лунин и смотрит на него пристально. — Христос — с Белым царем.

11

По прошествии первой недели пути стало ощутимо холодать, задули северные стеклянные ветры и наполнили леса бумажным шорохом и торжественной тишиной библиотек. Князь и раньше почитал природу второй Книгой после Библии, только незаписанной, не переименованной человеческой рукой, а вышедшей, как могучее дыхание, прямо из уст Творца. И вот теперь он легко скользил взглядом по ее зеленым страницам, перелистывая их верста за верстой. Он всегда представлял себе лес как огромную библиотеку, где совершенно о разном, но одинаково волнующем, толковали кряжистый сибирский кедр и утонченная липа, где на обложках живых книг не были проставлены кичливые имена, но один автор был у всего на свете: от травинки под тележным колесом до таежных волков и медведей. И от этой смиренной безымянности тайги князю было радостно и покойно на душе,

---

как сопричастному всем этим бесчисленным божьим тварям, рожденным из единого корня. Он и сам ощущал себя всего лишь страницей Книги, более чем наполовину исписанной и скомканной, но еще ждущей прикосновения Создателя.

С наступлением холодов ночевать в телеге под открытым небом становилось все тяжелее, а постоянных дворов на здешнем тракте будто никогда и не было. Пуше всех муравьевских тулупов спасал князя его охотничий наряд из шкур таежных лисиц, и он с благодарностью вспоминал иркутского бурята, подарившего его.

Бурят тот был не простой (хотя познакомился с ним князь на деревенской ярмарке позапрошлой осенью), среди соплеменников он пользовался большим уважением и известностью, а некоторые так просто даже боялись его. Князь долго не мог понять, кто же такой его новый приятель — какой-нибудь местный бурятский вождь или шаман, судя по тому суеверному страху и трепету, которые он вызывал в других бурятах. Да и имя у него было чудное и какое-то отчасти звериное — лама Данзан. Хорошо, кто-то из ссыльных растолковал князю, что лама — это вовсе не зверь, а такой священнический сан, все равно что поп.

В Сибири он встречал много бурят, робких потомков могущественных северных моголов — сперва сторонился их и относился с тем высокомерием, с каким столичный европейский человек относится к диким народам, потом привык и даже подружился с некоторыми из них. Жили они по-прежнему в первобытной скудости и нечистоте, но в их приземистых юртах с тряпичным пологом князю неожиданно открылся новый, свободный, сквозящий инобытием мир, недоступный ни русскому царю, ни жандармам, ни даже кому-либо из его ссыльных друзей.

В этом мире шаманы запросто летали над Байкалом, как чайки, последователи индийского царевича Будды шествовали по водам, проходили сквозь стены и вели разговоры с людьми, жившими за тысячи верст и за тысячи лет отсюда. Под Новый год на ритуальных бурятских кострах сжигались все грехи и болезни, а таинственные травы, собираемые в тайге, способны были воскресить мертвого. И вся эта вера, горячая и необыкновенная, как древнее христианство, хранилась в глубокой тайне от властей. А князь по старой привычке любил все тайное, и вот — его заворожили заклинания и бубны, потянула к себе тайная вера, как когда-то — тайное общество.

Удивительна была эта встреча декабризма и буддизма. То, о чем они когда-то шептались по масонским ложам, здесь

было известно неграмотным бурятам. Единственное, чего они никак не могли взять в толк: почему он, такой большой и важный человек в прошлом, вдруг все потерял, сделался нищ и жалок. И в этом первобытном мире, как и везде среди людей, любили не побежденных, а победителей, считая неудачи и поражения следствием какой-то непонятной князю зловещей «кармы». (Он так и представлял себе эту «карму» в виде надсадно каркающей траурной вороны, которая прицельно кружит над твоей головой.) И приходилось объяснять, что ведь и Будда тоже отрекся от своего наследственного права на царство, предпочтя мишурному имперскому блеску — просветление.

В Сибири князь впервые осмыслил для себя эту древнюю легенду об индийском принце Гаутаме, который не захотел царствовать, узнав, что в мире существует страдание. Так и он когда-то — дожил почти до тридцати лет, прошел через несколько войн, десятки сражений, прежде чем разглядел страдание за гусарскими попойками и кутежами. Только Будда ушел в аскеты, а князь Сергей — в заговорщики.

Вспомнилось, что и Александр любил историю царевича Будды и даже как-то пересказывал ее князю, да тот по кавалергардскому неразумию своему не внял беседе. А теперь так ясно представилось, как идут они с государем по тенистой аллее в Петергофе, и фонтаны шепчут в глубине парка, и морским ветром веет в лицо, и ни единой души кругом, а государь рассказывает ему вот эту самую незамысловатую заморскую сказку, изредка вставляя в нее ироничные французские словечки, и получается мило и вполне светски:

— Подумай, мсье Серж, каким могуществом обладал от рождения этот индийский *le prince* — наследник престола, любимый сын своего царствующего родителя, будущий *le empereur*... И вдруг отказаться от всего этого — и не ради покойной жизни без государевых забот и тревог, а ради беспокойного поиска истины. И не для одного себя и даже не токмо для всего человечества, а ради каждой страждущей твари: мухи, травинки, лесного зверя, человека... — И, вздохнув: — Я ведь тоже мечтал от престола отречься, да и батюшка мой, ты знаешь, сильно бы не настаивал. Он меня в столпы империи никогда не прочил. Влучшем случае — по военной части. Но...

И тут Александр умолкал, и князь, не понявший ровно ничего из государевых слов, но зато отлично расслышавший оборванную струну царского многоточия, тоже ничего не говорил и лишь тихо шел рядом. Чутьем придворного он хорошо различал, что пряталось за тактичным «но» — какие имена и тайны императорских спален.

И только спустя сорок лет после того забытого разговора, на пути к Томску, его посетила простая в своей очевидности мысль: Александр ведь тоже мог уйти, как Будда. Отречься, как и обещал, от царства, стяхнуть с себя прах заговоров и интриг и кануть в бескрайние российские пространства. Где бы его теперь сыскать, если бы не слухи о таинственном старце? Как говорит лама Данзан: «Чем ближе человек к просветлению, тем он незаметнее». А кто в России может быть незаметнее бродяги, родства не помнящего, Федора Кузьмича?

*Где ты, светлый царь царей,
Ангел мира, друг людей?
Где ты, солнце наше красно,
Где ты, где теперь?..*

12

Песню о Белом царе он знал и раньше, но впервые по-настоящему расслышал только в Петровском заводе — от каких-то заезжих казаков. Где-то за деревянным частоколом под топот копыт невидимой азиатской конницы громкий и уверенный голос выводил:

*Ездил русский Белый Царь,
Православный государь
Из своей земли далеко
Злобу поражать!*

Песня дышала степью, ветром, небом — всем тем, что открывалось по ту сторону тюремного забора и что было ему теперь недоступно. И еще в ней было прошлое, его прошлое — с таким же частым боем копыт, уверенной в себе молодостью и стремительным полетом за Белым всадником, возглавлявшим их святое воинство 12-го года.

Белый царь — так сибиряки почему-то прозвали русско-го самодержца, и как же это шло Александру! Ни малорослому Павлу, ни мрачному Николаю это имя не было впору, а вот Благословенному подходило, как сшитый по мерке белый кавалергардский мундир. Все в Александре — от волнистых волос и бледного меланхоличного лица до кончиков изнеженных пальцев — источало вот это легкое белое свечение, не теплое и не холодное, а какое-то неотмирное, инопланетное, делавшее императора почти призраком в плотном материальном мире Российской империи. Эта прозрачность и раздражала в нем многих: в самом деле, все его

реформы, все посулы и обещания и самая его столица — были, по сути, призрачны.

Но нет — было одно несомненное и незыблемое, как камень Петра: победа над богоборческой армией Наполеона и блестящий заграничный поход в Европу, увенчанный весной 1814 года в Париже белыми знаменами, белыми лилиями и белыми кокардами роялистов. Об этом и в казачьем сказании говорилось: ездил белый царь не зачем-нибудь, а «из своей земли далекой злобу поражать». Даже князь ощущал себя в то время не обычным гвардейским шалопаем, а воином Христова войска, средневековым крестоносцем, заплутавшим в заколдованных партизанских лесах на пути к победе и свету.

*Крови там лились моря,
Смерть летала вокруг царя:
Посреди военной бури
Бог его хранил...*

За всю жизнь ему не довелось выстоять столько церковных служб, как в те несколько военных месяцев. Пока война шла в России, они служили почти каждую неделю: где встретится по дороге храм, там и пели вместе с безымянным священником хвалу русскому Богу или выплакивали ему свои скорби. Ошеломительным для князя оказалось православное церковное богослужение: он и предположить раньше не мог, что оно так красиво и задушевно. В его среде светских повес и остроумных вольтерьянцев, а позднее в масонских ложах с их таинственным и сложным обрядовым языком православие считалось мужицкой темной верой, с которой надо было почему-то считаться, но которую совсем не обязательно было принимать всерьез. И вдруг от простеньких деревянных икон, будто нарисованных рукою ребенка, от беленых сводов, синих и золотых куполов, от крылатых псалмов повеяло на него чем-то родным и смягчающим сердце, что казалось, было знакомо еще до рождения.

Один библейский стих запомнился ему с тех военных времен, и часто потом повторял он его в изгнании: «Господь поддерживает всех падающих, и восставляет всех низверженных». И Мария Николаевна в одном из своих писем в Сибирь прислала ему именно этот 144-й псалом, удачно названный кем-то из его товарищей декабристским.

Осенью 1812 года, когда было еще неизвестно, в какую сторону переломится война и быть ли вообще России, когда князю с его маленьким партизанским отрядом порою каза-

---

лось, что они одни во всей отчизне еще не подпали под власть француза, и что нет больше ни милых усадеб, ни московских невест, ни шумных балов в императорском Санкт-Петербурге, а есть только эта холодная смертельная осень и слякоть обезлюдевших российских дорог, этот псалом звучал в нем как надежда, как восходящий поток тепла, в котором чудесным образом сберегалось все: и усадьбы, и император, и сама Россия. Да и потом, когда он по собственной глупости действительно все потерял, псалом придавал ему силы и был его тайной свободой — свободой отверженного и сброшенного на дно империи арестанта, о котором все реже вспоминали близкие, но с которым едва ли не каждую ночь беседовало сибирское небо, намоленное монахами, старообрядцами и буддийскими ламами.

Примостившись на облучке телеги, одинокий и маленький, словно муравей в сибирской тайге, впервые за много лет он чувствовал, что делает то, что должно делать, и оттого он не ехал, а как будто плыл, увлекаемый к Томску течением невидимой, бережно подхватившей его реки. Он ничего не делал для достижения цели, ни о чем больше не тревожился, но был полон, как медленной водой, тишиной, и в то же время был легок и тонок, как только что выструганная лодка-берестянка.

Путешествие его подходило к концу, и ему опять вспоминался умница Лунин, говоривший: «Чем ближе я к цели своего плавания, тем попутнее становятся ветры». Осенние ветры сопровождали князя всю его дорогу от Иркутска до Томска, но сейчас они словно смирились и ложились у его ног, как уставшие собаки из ездовой упряжки, почуявшие окончание пути.

13

В Томск обоз прибыл даже раньше срока, так лихо они гнали по еще не раскисшему от дождей Сибирскому тракту, и вдруг въехали на всем ходу в тихий деревянный городок, темный от времени, как древняя старообрядческая икона, и поутру еще как следует не проснувшийся, безлюдный. Долго стучались в ворота одной из городских гостиниц, пока их запыленный караван с лошадьми, странниками и солдатами, наконец, пустили внутрь, и можно было напиться чаю и подняться наверх в убогую комнатку с одной-единственной дешевой свечкой, уже наполовину прогоревшей. Тут князь и подремался как следует до дневного света, чтобы затем в сопровождении муравьевского солдата идти отмечаться в городское правление, а уже после — на ярмарку.

Он почти не обманывал драгоценного Николая Николаевича, когда уверял его, что собирается в Томск по делам торговым. Князь и в Иркутске часто наведывался на тамошний рынок и привык чувствовать себя своим в этом светлом и певучем людском море, перекатывающим в своей глубине бесчисленные камушки простонародных слов и затертых медных монет. Ему даже нравилось быть здесь неузнанным, безмянным, одним из сметливых мужицких Иванов с сеном в окладистой бороде и с огрубевшими руками, перепачканными дегтем. В этой шумной толпе, текущей вокруг него и сквозь него, никто не знал его как сиятельного князя, никто не ведал его запутанного прошлого, зато каждый был готов от души поторговаться с ним или просто поговорить об урожаях и о Матушке Богородице. Пала невидимая стена, когда-то отделявшая князя от мира очарованных странников и народных правдоискателей, и Божий мир открылся перед ним во всем сверкающем множестве своих обителей, в одной из которых и ему могло быть приготовлено место.

Томский гостиный двор был с виду даже больше иркутского и такой же богатый: сюда сходились купеческие потоки со всего большого Сибирского тракта, сюда везли китайские шелка и фарфор, таежную пушнину, звонкую фаянсовую посуду, овчину и сукно. Болтались на крюках багровые мясные туши, как тела казненных злодеев, остро пахло рыбой и сибирскими реками, а на соседних прилавках споро торговали зерном, орехами и заморским чаем. Князь степенно прохаживался вдоль рядов, кивал зазывалам, присматривался, приценивался и неспешно советовался со своим солдатом. Роскошен был китайский фарфоровый сервиз, увитый змеями травяных узоров и напоминающий о чем-то далеком, щемящем и брошенном, да вот поди попробуй доведи это хрупкое чудо обратно до Иркутска. Хороши были томские сладости, да только куда ему все эти пряники да сахарные петушки, коли все княжеские зубы давно выпали. И все же не зря приехал: накупил семян впрок до будущей весны, выторговал у старого охотника тяжелый зимний тулуп, отороченный волчьим мехом (такой по сибирским морозам в самую пору) да умудрился выгодно сбыть свой товар, схороненный в телеге — все свои хваленые медовые дыньки, картошку в шершавой земляной кожице и крепкие, как мужицкий кулак, садовые яблоки с акварельными бочками. И, освободившись от всех мирских дел, расставив денежный прибыток по крестьянским карманам, вдруг представил себя — тутошнего, в армяке и высоких сапогах, стоящего крепкими ногами черниговского князя на главной площади сибирско-

---

го городка — глазами пестелевских прапорщиков, и внутренне рассмеялся. Прапорщики желали умереть как герои и действительно умерли, а он, уже тогда старше их летами, выше по званию и положению, не только уцелел, но, кажется, только сейчас научился жить и ощущать каждый новый день как прощение и милость Божию. Все конституции и все тайные общества мира, да и сам «священный кинжал Занда» он теперь охотно отдал бы за простой дождь в саду, за глубокие утренние сны, за семейные чаи с самоваром и за русую головушку сына.

14

О Федоре Кузьмиче в Томске знали многие: у кого-то из здешних обывателей он учил грамоте детей, других чудесным образом спас от тяжелой болезни, с третьими просто не раз беседовал и наставлял в разных вопросах — от Писания до ведения домашнего хозяйства. В этом городе старец не считался, как представлялось из Иркутска, диковинкой и легендой, а просто был добрым соседом, хотя и облаченным в ореол праведности. Теперь он был совсем рядом от князя: в каком-нибудь часе пути отсюда, а ехать к нему (вот так сразу) было боязно.

Князь еще прогулялся по ярмарке, дивясь пестроте здешней жизни: прямо у базарных ворот тесной кучкой стояли заграничные купцы в яркой азиатской одежде, делавшей их похожими на нахохленных редких птиц с красочным тропическим оперением. Они молча созерцали ярмарочную сутолоку, наверняка привычную для них и давно наскучившую, и лишь один из заморских гостей о чем-то неторопливо беседовал с долговязым парнем, по внешности — молодым сибирским казаком, с гордой осанкой и подвижной легкостью кавалериста. О чем-то сговорившись, собеседники поклонились друг другу, и парень отошел — как раз в сторону топтавшегося на месте князя.

— Ты что же, по-ихнему понимаешь? — спросил князь, перехватив взгляд казака и кивая на заграничных купцов.

— Калякаю понемногу, — лениво отозвался парень. И, думая было пройти мимо, все же остановился:

— А ты из каковских будешь?

— Из иркутских, — с готовностью отрапортовал князь.

— Знаю, — простодушно, по-детски улыбнулся казак. — Сто рублей не деньги — триста верст не крюк. Торговать к нам издалеча приехал?

— Да я уже... — отмахнулся князь. И, собравшись с духом, наконец, решился:

— Человека одного хотел в ваших краях повидать. Старца Федора Кузьмича. Может, знаешь?

Парень словно и не удивился:

— Как не знать: его мой батька почитает, даже к себе жить зовет. Только он теперича неохотно с людьми общается.

— Как же так, — растерялся князь, — а я слышал как раз наоборот.

— Это раньше так было. Прежде к старцу не токмо со всей Сибири, но даже из Сам-Петербурха приезжали какие-то важные господа. Иные богомольцы и живали у него в келье по нескольку дней. А страждущих он лечил, яко Спаситель — наложением рук. Вот так протянет свои ладони (казак растопырил свои корявые руки, чтобы показать нагляднее) и снимет боль, будто занозу из пальца вырвет. Меня однажды тоже так вылечил, когда у меня сильный жар был. Но теперича старец заперся у себя и никому не отворяет. Батька говорит: молится он, боится, что остатка жизни на молитву не хватит.

Князь всматривался в томского казака, думая, верить ему или не верить, есть ли еще надежда или нет ее вовсе.

— А как-то вообще прогнал одного бродягу, — добил его парень. — Тот только в келью к нему зашел, чтобы познаться, а Федор Кузьмич на него как гаркнет: «Иди, иди отсюда!» А у старца в это время в доме гости были, они и удивляются: чего ты его, дескать, гонишь, разве ты его знаешь? А старец упрямый, стоит на своем. Пусть, говорит, этот человек уходит, потому как у него руки в крови, он свой грех другому отдал. Тут — поверишь ли — бродяга побледнел и выбежал поскорее из избы, а вскоре выяснилось, что он и вправду убийца и разбойник, и должен был на каторгу идти, да только поменялся именем с кем-то из сосланных за бродяжничество, да так и жил в Томске под чужой фамилией. А старец наш прозорливый — его разоблачил.

«Вот и меня он наверняка прогонит, — похолодел князь. — У меня ведь тоже, как подумаешь, руки в крови...»

— А вообще-то старец добрый, — смягчился казак, заметив смятение на княжеском лице. — Он за нас за всех, за всю Россию молится. Сможешь повидаться с ним — и за тебя помолится. Ты-то сам к нему зачем приехал? За советом али с хворью какой?

— С хворью, — согласился князь.

— С хворью может и примет, — неопределенно пообещал казак. — Езжай в Краснореченское, это отсюда всего несколько верст, там старцу избу справили, в ней он и живет.

Прям завтра с утра и езжай, да передай старцу, коли увидишь его, от батьки моего, казака Сидорова, поклон. Может, он к тебе и смягчится.

15

С солдатом князь распростился на ярмарочной площади: велел ему вместе с товарами возвращаться в гостиницу, а сам в рассеянности отправился побродить по городским улицам. Где-то поблизости перекликались детскими дискантами частые церковные колокола: это звонили к вечерне в городском монастыре, носившем название Богородице-Алексиевского. Князь пошел на звоны, как заблудшая овца на пастушескую дудку. В монастырские ворота заходили нарядно одетые томичи с женами. В храме шла подготовка к службе, волновалось золотистое море голов и свечей, и хор пел что-то сахарно-старославянское, но слов, как всегда, было не разобрать. В лавочке князь приобрел грошовых свечек и пару гравюр, изображающих Богородицу. Свежеотпечатанные богородичные образы шли в этот вечер особенно ходко, и многие, как заметил князь, покупали их.

В церкви он бывал нечасто и оттого плохо знал, что ему теперь делать и где стоять, отойдя куда-то в угол, где молилась тихая крестьянская семья с детишками.

«Он ли это разоблачает грешников и лечит сибирский люд простым наложением рук? — думалось ему про себя. — Возможно ли, чтобы через одни и те же руки прошла и огромная власть, и великая праведность?»

По крайней мере, одного святого отшельника довелось ему повидать в своей жизни, но об этой встрече он предпочел бы забыть. И теперь ни за что бы не вспомнил, если бы не рассказ томского казака...

Случилось это всего за несколько месяцев до ареста, теплой осенью 25-го года, в Саровской обители, куда его подбил заехать брат Никита, средний в их семье. Никита рассказывал, что в здешних краях обитает некий знаменитый старец, удивительно светлый и добрый, так что всех приходящих к нему встречает ласковыми словами: «Радость моя» и «Сокровище мое» и никого не оставляет без утешения и совета. Советов князь никаких не ждал, да и что бы ему, блестящему петербургскому кавалергарду, мог посоветовать этот необразованный старичок, всю жизнь просидевший в лесу среди медведей и разбойников, но так — любопытно было бы взглянуть...

Старец оказался и в самом деле популярен — со всей России съезжались к нему. Местная монастырская гостиница

была полна расслабленными, мрачными и убогими, а самый лучший номер в ней уже был отведен какой-то пожилой графине, тоже нуждавшейся в душеспасительной беседе со святым подвижником. Князь думал было повернуть назад, но Никита куда-то сбегал и, вернувшись, уверил его, что старец примет их уже сегодня.

Старичок был маленький, чистенький, беленький, чуть сгорбленный, с окладистой седой бородой и в простой монастырской одежде. Кажется, только недавно занимался какой-то черной работой — то ли двор подметал, то ли дрова рубил, но все равно смотрелся опрятно. Брат склонился под старческое благословение, следом за ним — князь. Но ласковый старичок вдруг посуровел, руку для благословения поднимать не стал и даже как бы за спину ее спрятал и говорит вдруг тихо, но грозно:

— Гряди, откуда пришел!

Князь даже не сразу понял, что эти слова обращены к нему. А понял, лишь когда поднял глаза и был буквально отброшен назад твердым взглядом встречных синих глаз.

И тотчас же уехали. Князь — в гнев, Никита — в недоумении. Вот тебе и христианский подвижник, вот тебе и «Радость моя»! Вот тебе и утешил! Княжеской ноги больше не будет у этих бородатых варваров! Ни копейки больше не пожертвует на их азиатские купола! А еще распустили после в обществе слухи, будто подвел старец Никиту к монастырскому колодцу, помешал в нем палкой, так что вода сделалась мутной и грязной, и изрек, указывая в сторону князя: «Вот что они хотят сделать с нашей Россией!» Но эти сплетни по столичным салонам гуляли много позже их декабрьского возмущения, тогда же их, вероятно, и придумали.

И лишь спустя несколько лет, будучи уже в ссылке, дозволился князь, как звали того старичка: Серафим Саровский.

Никогда он не мучился этим воспоминанием, даже совсем и не думал о нем, но вот теперь, в нижнем приделе монастырского храма, через все долгие годы и длинные сибирские версты оно все-таки настигло его и обожгло, как пощечина. «Не примет он меня! Прогонит! Зря только ехал! Господи, дурень я старый!... — простонал он про себя и внезапно, не в такт службе, опустился на колени. В эту минуту он, наконец, ощутил над собой неподъемную гробовую крышку своего одиночества: жена уехала, дети выросли, друзья умерли или стали чужими, и так вышло, что во всем мире, на всех его ветрах и дорогах не осталось для него ни одной теплой точки, к которой он мог бы спешить и стремиться, кроме кельи сибирского старца. Но вот и эта точка, приветно мигавшая ему все

последние дни его путешествия по сибирскому тракту, гасла на глазах и проваливалась в темноту. И туда же вслед за ней падала и вся жизнь князя, камнем в тишину.

И в воцарившейся тишине князь, наконец, разобрал, о чем взволнованным мальчишеским речитативом читал дьячок с кафедры у алтаря:

— Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. ...Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во истине... Хранит Господь вся любящая Его, и вся грешники потребит.

Это был 144-й «декабристский» псалом.

16

В томской гостинице князю снова приснился Лунин, и опять они разговаривали с того места, на котором в прошлый раз прервались. И вроде сердцем князь давно согласен с Луниным, а умом все еще недоумевает.

— Как же ты говоришь, что Христос — с Белым царем? — вопрошает он. — Разве все, о чем мы говорили раньше, не противоречит этому? Разве не ты сам утверждал когда-то, что Спаситель покровительствует праведникам, а не тиранам?

— Все, о чем мы говорили — слова, — уклончиво отвечает Лунин. — А истина открывается нам в безмолвии сердца.

— Но разве не горело в нас сердце наше, когда мы беседовали с тобой о несправедливостях и мерзостях царских? — восклицает князь. — Разве не удвоилось ныне все то, что уже тогда вызывало наше негодование: мздоимство, произвол и крепостничество? Разве не в презрении к человеческому достоинству — вся суть русского государства? И разве не после нас писано о России: «В судах черна неправдой черной и игом рабства клеймена, безбожной лести, лжи тлетворной, и лени мертвой и позорной, и всякой мерзости полна»?

Молчит Лунин. Какой-то сосредоточенной грустью подернуто его строгое лицо, а фигура почему-то скрыта под походным плащом, который, если приглядеться, и не плащ вовсе, а скорее сутана католического священника.

И все же не унимается князь:

— А Аракчеев и его военные поселения? Или скажешь, что и они — от истины?

— Друг мой, — мягко отвечает Лунин и неожиданно смотрит князю прямо в лицо своими умными дерзкими глазами, — а ты забыл, что Россия — всего лишь часть мира, а мир и вообще-то не слишком справедлив? Вот мы ругаем государя, а почему ты нам не поругать самого Господа Бога, Вседержителя и Творца за то, что его творение для человечес-

---

кого глаза так неприглядно? Ты ведь не будешь отрицать, что в мире, созданном Его всеблагой и могущественной волей, зачем-то торжествует зло, смерть и жесточайшая борьба за существование? Значит ли это, что мы во имя добра и справедливости должны взбунтоваться и свергнуть Бога с его небесного престола? Собраться однажды всем лейб-гвардии кавалергардским полком и гаркнуть Ему ввысь: дескать, слезай со своего заоблачного трона, Ваше Божественное Величество, Царь царей, потому как со своими обязанностями верховного абсолютного добра Ты не справился? Все ли слезы вдов и сирот Ты утер, все ли войны остановил, всех ли злодеев наказал? А раз не всех и не все, то и уходи с мирового престола, будет теперь на Небе — республика! Правильно ли это?

— Не знаю, — смущается князь. — Против Бога я как-то не готов...

— И хорошо, что не готов, — одобрительно кивает Лунин. — Но тогда ты не очень последователен: государя ты с легкостью обвиняешь в лихоимстве и крепостничестве, а Бога, в чьей руке не только сердце цареве, но и все три кита мироздания — обвинять в мировом зле отказываешься.

— Но как же можно..., — разводит руками князь. — Что ж я, нехристь какой?

— Откуда же, по-твоему, в мире существует зло? — продолжает спрашивать безжалостный Лунин.

— Но ведь это все за грехи наши, — тихо говорит князь. — Перестанем грешить, и не будет в мире зла.

— Так почему же ты думаешь, что государство устроено каким-то иным образом? Оно только гораздо более немошно, чтобы бороться со всеми пороками своих подданных, не смотря на то, что, в отличие от Небесного Царя, не гнушается насилием. Но ведь с греховной природой человека — одними жандармами и урядниками не справишься. Мы слышали, что Царство Божие силою берется — да. Но штурмуют его молитвой и покаянием, а не как мы — с ротой мужичков и со шпагой наперевес. Говорю тебе: еще пройдут над миром великие войны и революции, как прошли мимо пророка Илии смерчи и ураганы, и все они будут «за счастье человечества», но не в них будет Господь. И будет большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий империи, и землетрясение, и огонь с неба, но не будет в них Господа, а лишь — честолюбие и низость людская. И лишь когда повеет над миром простое тихое Слово, как дуновение слабого ветра, — тогда и успокоится всё. Тогда, возможно, и нас, посеявших в России злую бурю, простят.

— Всё так, — соглашается князь. — И всё же никак не могу взять в толк: ты ведь раньше, Мишель, совсем другое думал...

— Мой друг, — вздыхает Лунин, — мертвые должны быть хоть в чем-то мудрее живых.

— Ты что же, и республику теперь отвергаешь? Разве народное правление не справедливее самозванных властителей?

— Не может властвовать тот, кто в самом себе не властен, — возражает Лунин. — Вспомни Писание. Кто чествовал пророков, а потом побивал их камнями? Кто поначалу следовал за Моисеем, а потом поклонялся Золотому тельцу? Кто кричал Спасителю «Осанна», а всего через несколько дней: «Распни его»? Народ. И не простой, а избранный. Почему же ты думаешь, что в русском мужичке нравственной основательности больше, чем в библейских фарисеях и мытарях? Народ — это трава, колеблемая ветром, а не сам ветер. Какой сильнее подует, тому и поклонится.

— Но кто же тогда источник власти? — недоумевает князь.

И тут из угла неожиданно выступает еще одна скорбная фигура, прежде стоявшая в тени, и князь, присмотревшись, узнает в ней Сергея Муравьева-Апостола в мундире полковника Черниговского полка. Полковник поправляет на шее то ли галстук, то ли удавку, и говорит грозным, слегка охрипшим голосом, каким он прежде витийствовал на офицерских собраниях:

— Источник власти только один — Бог!

17

Крохотная избушка стояла в стороне от дороги на травянистом взгорье у обрыва. Сделанная из крупных потемневших бревен богатырского калибра, она казалась неприступной и основательной, как маленькая крепость. Дверь была плотно прикрыта, и ставни затворены — так что по всем признакам, как сказали князю местные крестьяне, хозяина либо нет дома, либо он, запершись, молится.

В Краснореченское князь прибыл в одиночестве, оставив верного солдата в Томске под благовидным предлогом стеречь вещи. В тайге, обступавшей деревню, заливались утренними восторженными голосами птицы небесные. День был ласково теплым и совсем не осенним, и на правой стене кельи Федора Кузьмича золотым царским плащом лежало солнце.

«Так вот этот «домик, увитый плющом!», — с неожиданным смятением подумал князь, вспомнив про юношеские

мечты государя жить частной жизнью на ухоженных берегах Рейна. Совсем не походило это грубое неказистое жилище ни на пасторальную картинку, ни на царские чертоги, прежде виденные князем в его досибирской жизни, и он снова засомневался — вопреки светлому дню — в успехе своего предприятия.

«Почему я так уверен, что это — непременно он? Вдруг это просто замолившийся мужик, каких много на Руси? И что я ему тогда скажу — зачем приехал?» — думал опечаленный князь.

И действительно: разве можно было одним днем переписать набело целую жизнь, разом вычеркнув оттуда и Петербург, и империю, и поставив во главу угла вот этот приземистый домик под сибирскими соснами? Разве мог могущественный русский царь, прогремевший военными викториями на всю Европу, так незаметно ускользнуть из истории, тихо прикрыв за собою таганрогского дворца, как ускользают со двора крестьянские дети, затеявшие игру в прятки? Князю вдруг представилось, что его иркутская телега полна не только ярмарочной утвари, но и всем многоцветным скарбом его эпохи, и что поверх скарба восседают на ней все, кого он прежде видел рядом с Александром: Сперанский и Барклай, Бенигсен и Голицын, Меттерних и Фридрих-Вильгельм, Коленкур и Мармон и еще много другого сановного народу. И все они, от неудавшегося российского реформатора до наполеоновского маршала, открывшего союзной армии ворота в Париж, дружно хохочут над ним, вздумавшим искать «владыку Севера» в этом глухом скиту на краю оврага. Вот и доехал князь до края мира, вот и коснулся сонных вод Стикса, вот и достиг заоблачной кельи Белого царя — и всё, оказывается, ради того, чтобы услышать за спиной этот отрезвляющий хохот...

И ему, уже почти поставившему долгожданную точку в своем чудаковатом паломничестве, хотелось в отчаянии развернуть телегу и с пустой душой гнать лошадей обратно. И надо было уговаривать себя подождать хотя бы до полудня, а потом еще часик, и еще часик...

Ждал, ждал князь, да и задремал по-стариковски. И во сне почудилось, что прошел мимо кто-то высокий ростом, по-мужицки одетый, обернулся к нему неразличимым лицом и скрылся в келье. Открыл глаза: нет никого, и ставни в избушке по-прежнему наглухо прикрыты. Тяжко стало князю и дальше сидеть, скрючившись, завалился он спиной на те-

---

легу и теперь уже по-настоящему заснул. И во сне ли или наяву — вдруг слышит над собой знакомый повелительный голос:

— Грешный князь Волконский!

Встрепетнулся князь, со сна и не сообразишь ничего. Кто его зовет? Кто в этой глуши может знать его древнее родовое имя?

А голос не понимается:

— Князь Волконский? Ты ли это ко мне пожаловал?

Вскочил князь с телеги, как по зову кавалерийской трубы:

— Я, я это, государь...

Смотрит: дверь в келью открыта. Белый свет над домом столбом — то ли дым, то ли солнце так светит. Значит, дома хозяин и даже дверь для неожиданного гостя растворил, но самого на пороге нет, из глубины откуда-то зовет.

И пошел князь медленными, тихими, как во сне, шагами, и нагнулся, чтобы не стукнуться о низкую дверную притолоку, а вышло — словно бы поклонился. И видит: сидит в маленькой избе у стола величественный старец в белой рубахе, едва освещенный свечой, и на него строго смотрит. А глаза у старца, несмотря на его грозный облик, по-детски синие и ласковые, да и видел он уже не раз эти глаза...

Растерялся тут князь, хотя долго к этой встрече готовился, не знает, что и сказать, лишь всматривается спросонья в старца: так он или не он это? С виду мужик мужиком: борода длинная белая, лоб высокий в зальсынах, рубаха простой веревкой подпоясана, вот только спина излишне прямая — такой у крестьян не бывает. А старец тем временем приподнялся во весь свой гренадерский рост, плечи распрямил и к нему навстречу шагнул, прямо под белый отвесный луч, струящийся откуда-то сверху. И по этому лучу, наконец-то, признал его князь. Да и как не признать, когда вот такое же вертикальное солнце падало когда-то к ногам наследника в Екатерининском дворце, куда он в младенчестве был допущен вместе с татан, и где античный принц впервые приветливо кивнул ему в ответ на его ребяческий поклон.

И упало тут старое княжеское сердце прямо на дощатый пол отшельнической кельи, рухнул князь на колени и разрыдался, как давно уже не плакал. И будто нахлынули в эту затерянную сибирскую избушку, сменив собою сановных насмешников, все дорогие тени минувшего: и маменька в нелепом наряде фрейлины, и папенька-губернатор, и Лунин в гусарском ментике, и светлый ангел Николенька — все стояли кругом него и плакали, а пуще всего он сам — тем благодатным даром слез, о котором молят монахи и о котором свя-

---

тые отцы говорили, что, «плача, избавляемся мы от вечного огня и прочих мук». И казалось ему, что всё теперь уже сказано и прощено, и вечный огонь затушен, и он снова чист, как деревенский мальчик, только что вынутый из крестильной купели.

Но нет, опомнился князь, как же он может быть чистым... Поднял лицо к белому лучу и забормотал в смятении: «Государь, выслушай меня... Я ведь убить тебя соглашался. Тебя и всю твою семью...»

Однако чувствует князь, что поднимают его с пола руки старца, слышит и голос: «Ну, полно, мой друг, полно... Вставай вровень...»

Руки у Федора Кузьмича сильные: подхватил князя как сена мешок и в мгновение на ноги поставил. Посмотрел еще раз в глаза своей теплой синевой:

«Нашел, перед кем виниться... Я ведь, как подумаешь, разбойник еще похуже тебя буду. Ты ведь только соглашался, а я и соглашался, и убил...»

Сказал и даже лицом потемнел, и совсем стал похож на себя прежнего.

Оглянулся князь робко кругом: а изба у Федора Кузьмича простая и в то же время намоленная, как часовенка. Все в ней ладно и прибрано: заметно, что хозяин к порядку привык и не терпит неряшливости. Но и следить в доме особенно не за чем: из мебели, кроме стола, лишь низкий деревянный топчан, на котором старец спит, да несколько стульев. На стенах — дешёвые картинки из тех, что в мужицких домах висят, да иконы в углу, среди них заглавная — Александра Невского.

Перекрестился старец на образ великого воителя, и князь следом за ним торопливо осенил себя крестом. Склонили оба головы, помолчали. Помолились. Вот точно так же, наверное, молились они в 12-м году о победе русского оружия, о спасении Отечества, о вызволении собственной судьбы из французского аркана, а сейчас будто и не надо было слов, ни о чем не надо было больше просить, поскольку исполнилось всё.

— Ну, с Рождеством тебя, князь! — обнял и поцеловал своего гостя старец.

— С каким Рождеством, государь? — удивился тот.

— С Рождеством Пресвятой Богородицы — вчера как раз было. А ты, конечно, и не знал?

Спохватился тут князь, полез в свой кафтан за подкладку, а там — две гравюры, купленные накануне в томском монастыре. Одна — Почаевской Божией Матери, а другая — Федоровской. И протянул их старцу, словно для него и вез. Тот

несказанно удивился: «Вот ведь чудо. И как ты угадал?»

А князь и сам не знал как. Просто — всё сложилось, все маменькины пасьянсы сошлись, все порванные нити сплелись заново. Сколько чужих эпох над ними минуло, сколько летейских дождей прошло над далеким Петербургом, и все, оказывается, ради того, чтобы теперь два белых седых старика стояли друг подле друга и горели душами ровно и прямо, как свечи, пронесенные когда-то порознь по петербургским и парижским гостиным, по дворцам, балам и викториям, и сблизившиеся догорающими огоньками в сумеречной сибирской избушке.

После молитвы сели к столу чай пить — с медом и травами. И вспомнил тут князь, что еще ничего о себе толком не рассказал: ни о каторжных норах рудников, ни о жестокой жене-княгине, ни об одиночестве среди товарищей-ссылных, да и вообще обо всей своей нелепо скомканной жизни.

А старец опять глазами улыбается:

— Молчи, княже, все про тебя знаю. Сколько дней ты ехал сюда, столько мы с тобой и беседовали. Разве ты этого сам не чувствовал?

Призадумался князь: а ведь, пожалуй, действительно чувствовал...

Государь добавляет отечески:

— А вот о чем бы тебе надо заботиться — так это о будущем. Ты ведь еще поживешь...

Смотрит на него князь с надеждой: неужели правду пророчит ему Федор Кузьмич, и он не в сибирскую землю ляжет?

Качает головой старец:

— Нет, князь, о смерти тебе помышлять рано. Уедешь ты отсюда совсем скоро за княгиней своей. Но прежде постарайся сердцем примириться с ней: ведь ради тебя она своей судьбы не пощадила. А что возгордилась своим страданием, то ей Господь извинит...

Поведаю тебе даже больше: не только Петербург и Москву, но и Париж ты снова увидишь. А в России тебя и вовсе на руках носить будут. Только не очаровывайся этим, потому как та же пена тебя наверх поднимет, что и сюда забросила...

А бывший флигель-адъютант и государственный преступник уже словно чувствовал, как его подхватывает бережная волна и несет обратно в большой мир. И от добрых предсказаний, и от горячего травяного чая, и от осознания того, что он все-таки прощен, размягчился князь и плохо внимал дальнейшим словам государя, а просто отогревался сердцем под его взглядом. До основания гор нисшедший, ввергнутый в глубину подземного моря, отринутый от очей и снова в них

ненароком заглянувший, он теперь был как Иона, выброшенный из чрева кита на милый берег после тридцати лет заключения. И можно было встать и идти в великие города, и радоваться каждой травинке, пробившейся без него сквозь их мостовые, и примириться с женой, и посетить могилку Николеньки, и поцеловать своих взрослых детей, и даже навестить старенькую, потерявшую всякую надежду свидеться сестру Софью Григорьевну.

И все же никак он не мог вместить одного: сам-то государь неужели так в Сибири и останется? Может быть, довольно ему анахоретствовать? Не пора ли и в самом деле воскреснуть и удивить мир своей беспримерной судьбой, рядом с которой меркнет не только легенда об индийском царевиче из рода Шакьямуни, но и многие жития святых?

Но непреклонен старец:

— Это тебя, Сергей Григорьевич, сюда царской волей сослали, а я, как подумаешь, в этих краях совсем по другой доле очутился. И не мне разрешать свои сибирские узы. Да и рано кому-либо о моей здешней жизни знать, не время еще...

— А скоро ли придет это время, государь?

Улыбается Белый царь:

— Ты, верно, князь, до сих пор уповаешь на золотой век человечества, на лучезарное завтра? Веришь в светлую зарю, которая ждет всех нас в будущем? Боюсь я, князь, что не дождемся мы никакой зари в веке сем. А если и есть там заря, то совсем другая. И за ней — не солнечный белый день, а долгая ночь...

— Но ведь будет когда-нибудь и утро, государь?

— Всемогуш Господь: если есть Свет — то будет и утро.

Темнело и в избушке, и за деревенским окошком — долго они, оказывается, проговорили, а ведь он сказывался солдату, что вернется к вечеру.

Кивнул Федор Кузьмич:

— Ступай, князь, пора.

И все же так просто не уйти. Приостановился князь в дверях, как будто спохватился о чем-то важном:

— А с Россией что станется?

Встал государь из-за стола картинно, как его обычно на императорских портретах изображали, и даже руку, как прежде, на грудь положил:

— Россия ниже всех падет и выше всех поднимется.

И заключил с горечью:

— Внешнего Наполеона я, как ты знаешь, сокрушил, а внутренний так и остался непобежденным. Но и его звериной власти со временем придет конец. Тогда и разрешится

все.

И видя, как князь приуныл, ободрил его:

— Не отчаивайся: все наши горести на час, а спасение — вечно.

Перекрестил тихо:

— Ступай с Богом. Да смотри — никому не говори, что со мной виделся.

Простился князь — как проснулся. Вышел за порог, а над головой уже первая звездочка белой свечой затеплилась.

День, который казался ему едва начавшимся, навсегда уходил к западу.

Было 9 сентября 1855 года.

18

Домой князь вернулся, как и обещал, спустя месяц после своего отъезда.

В Иркутске все оставалось по-прежнему, как и не отлучался никуда. Губернатор Муравьев опять был в отсутствии, а от княгини Марьи Николаевны — ни писем, ни вестей.

К октябрю в городе воцарилось ненастье, шли ледяные дожди со снегом, по пустому княжескому дому гуляли ветры, и князь остерегался ходить в заброшенные семейные покои, с утра до ночи топил свою избушку и снова много спал, но теперь уже без сновидений. И казалось ему, что вся его жизнь, с гусарством, мятежами и Сибирью, привиделась ему в прошлых цветных снах, а теперь он проснулся.

И перепуталось все в его старческой голове, и все не ехал добрый вестник из Петербурга, чтобы возвестить об амнистии, а в городе уже выпал первый снег, пахнувший летеиским холодом и отливавший белизной новой жизненной страницы. И с наступлением иркутской зимы князь уже искренне не мог отличить, приснилось ли ему путешествие к чертогу Белого царя или взаправду было.

РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

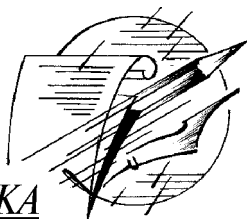
Глава 12. КРАХ ДОЛЛАРА — АМЕРИКЕ КИРДЫК

Я уже писал о том, как возникла и что представляет собой Федеральная Резервная Система США (ФРС) и как американский доллар стал мировой резервной валютой. Разбирался и весь финансовый механизм, позволяющий Америке паразитировать на остальном человечестве, получая реальные товары и услуги за свои теперь уже практически ничем не обеспеченные банкноты. Читатели знают, что ФРС была создана в 1913 г. группой банкиров, тесно связанных с банкирским домом Ротшильдов. Ей предоставлено исключительное право выпуска долларов в обращение. Правительство США, имея нужду в деньгах, имеет право обращаться за ними только к ФРС, которая печатает соответствующее количество долларов и даёт их правительству в долг под проценты. Казначейство выдаёт ФРС свои казначейские долговые обязательства (трежери), которые ФРС продаёт иностранным вкладчикам (инвесторам). Так как доходов государства, как правило, не хватало на выплату зарплат чиновникам, на содержание вооружённых сил и на тот

Продолжение. Начало в №1-2 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

минимум социальных обязанностей, без которого нельзя было обойтись, оно не только не могло вернуть долг ФРС, но даже для уплаты процентов по нему также должно было обращаться к этому финансовому монстру. Государственный долг США Федеральному резерву принципиально нельзя было выплатить, и потому он непрерывно рос, в конце XX — начале XXI века уже астрономическими темпами.

Таким образом, США не имеют своей национальной валюты, потому что доллар — это деньги, выпускаемые ФРС, и они представляют собой только её долговые обязательства. Все страны, даже Сейшельские острова, печатают собственную валюту. А США своей валюты не имеют.

Но страна, не имеющая своей валюты, не может считаться суверенной. Тот, кто управляет денежным обращением в стране, фактически является и её хозяином. Значит, с момента создания ФРС Соединённые Штаты потеряли независимость. Это — одна из причин, по которой я назвал США «иллюзорным государством».

После Второй мировой войны другие страны, принимавшие в ней участие, были разорены, а США, нажившиеся на военных поставках союзникам, сосредоточили у себя более половины золотого запаса мира. И потому им легко было навязать всем странам доллар в качестве мировой резервной валюты, то есть заменителя золота в международных расчетах. При этом они обязались свободно обменивать доллары на золото по согласованному со всеми курсу. Однако в 1971 г. это обязательство было ими отменено, и бумажный доллар остался единственным средством расчётов в мировых торговых-финансовых операциях. Это дало возможность США печатать доллары в любых требуемых им количествах, сбрасывая избыток денежной массы в другие страны, то есть экспортируя инфляцию в экономики своих партнёров. По сути, США занимаются узаконенным выпуском фальшивых денег. Так был создан финансовый механизм, заставляющий практически весь остальной мир работать на США, на благосостояние американцев. Впрочем, в самих США этот дополнительный источник дохода, чем дальше, тем в большей степени поступал в распоряжение правящей элиты. Уровень жизни «низов» тоже рос в 50—70 гг., но затем стал падать, и в настоящее время значительная часть населения США находится на грани, а то и за гранью нищеты, что было показано в предыдущих главах.

Повторять эти известные вещи нет смысла, зато есть несколько моментов, замалчиваемых не только американскими, но почти и всеми остальными мировыми СМИ. И речь

идёт не о каких-то курьёзах или частностях, а о тайнах, раскрытие которых заставит многих по-иному взглянуть и на историю США, и на историю России, и даже на судьбы человечества. Остановлюсь на некоторых из них.

Победы и поражение «новых венецианцев»

Хитроумный механизм закабаления человечества, переходящий ныне во всесветное рабство под игом мировой финансовой олигархии, не был изобретён американцами. Полнее других историю его возникновения и развития исследовал американский учёный и общественный деятель Линдон Ларуш.

Хотя о Ларуше и его идеях у нас писали много, но больше по частным вопросам. Целостного представления о его концепции наши читатели в большинстве своём не имеют. Эту его концепцию замалчивают не только у нас, но и, можно сказать, во всём мире.

Более всего Ларуш известен тем, что он ратует за развитие «физической экономики», направленной на производство реальных материальных благ и услуг, тогда как ныне в мире господствует спекулятивная монетаристская экономика, нацеленная на получение максимальной прибыли (часто «из ничего», «из воздуха») и на погоню людей за наслаждениями. Её поборники видят смысл экономики (и экономической науки) лишь в стремлении «купить подешевле и продать подороже», наживать богатство путём создания разного рода «финансовых пузырей» и громадной массы деривативов (по сути, мнимых денег). Но концепция Ларуша гораздо глубже, она исходит из представления о высоком призвании человека и миссии человечества во Вселенной, что, разумеется, противоречит господствующей ныне идеологии торгашества. Попытаюсь изложить выводы из концепции Ларуша, касающиеся современной мировой финансовой системы.

Идеология торгашества идёт из глубины тысячелетий, но Ларуш проследил узловые моменты в её триумфальном шествии по миру.

Монополия на деньги. Это важнейший источник обогащения, и правители государств, чеканящие собственную монету, зорко следили за тем, чтобы эта их монополия не нарушалась, жестоко карая всевозможных фальшивомонетчиков. Но ещё опаснее, когда частные лица или некие общественные слои пытались установить свою монополию на деньги. Классический пример, приводимый обычно в учебных пособиях, это практика менял при храме в Иерусалиме.

Согласно Евангелию, Иисус Христос изгнал менялы из храма. Это был единственный случай использования силы в земном существовании Иисуса. Чем же заслужили менялы такое к ним отношение?

Когда евреи приходили в Иерусалим платить храмовый сбор, менялы в храме принимали плату только специальной серебряной монетой — половиной шекеля. Она, в отличие от других монет, не носила на себе изображения римского императора. Поэтому для евреев, в связи с их религиозными заповедями («Не сотвори себе кумира»), она была единственной монетой, угодной Богу. Менялы монополизировали рынок этих монет, а затем ради наживы подняли на них цену как на любой другой рыночный товар. Они извлекали из денежной монополии фантастические барыши, превратив храм Божий в место поклонения мамоне. Для Иисуса это являлось грубым нарушением святости Божьего дома.

С того времени установление монополии на деньги использовалось разными финансистами как мощное средство для своего обогащения и усиления влияния.

В Древнем Риме менялы также стремились монополизировать рынок денег. В 48 году до н.э. Юлий Цезарь отобрал власть чеканить деньги у менял и стал выпускать деньги в интересах всего общества. Значительное увеличение денежной массы позволило осуществить грандиозные общественные проекты. Народ полюбил Цезаря, но менялы его возненавидели. Есть основания полагать, что это стало причиной его убийства. Со смертью Цезаря изобилию денег, а с ним и процветанию, в Риме пришёл конец.

Выросли налоги, коррупция и подделка денег стали обычной практикой. Простой народ разорялся, терял свои земли и дома, а вместе с тем и уважение к власти. И со временем просвещённый Рим стал жертвой многократного нашествия варваров. А в 476 г. Западная Римская империя пала, и Европа на века была ввергнута во тьму Средневековья. (Хотя эти века на деле отнюдь не были столь тёмными.)

Возвышение Венеции. Исключительную роль в истории Западной Европы сыграла город-республика Венеция. В Средние века в других государствах в правящей элите преобладала земельная аристократия. Венеция же первоначально располагалась на островах, другой аристократии, кроме банкиров, ростовщиков и менял, там не было.

И в Венеции, впервые в истории, власть всецело принадлежала денежной олигархии. Кучка олигархов («Большой совет») контролировала и деятельность дожа — формально

пожизненного правителя Венеции, а на деле марионетки олигархии. Там, где царит торгашество, нет место морали. И Венеция считалась самым развратным городом Европы.

Политику правящей элиты Венеции отличали особая жестокость и коварство. Первоначально Венеция формально входила в состав Византийской империи, и это позволяло ей, как хищнику и паразиту, выгрызть экономику империи изнутри, держать в своих руках не только внешнюю, но и внутреннюю торговлю Византии. А в 1204 г. венецианцы натравили крестоносцев, направлявшихся в Святую землю для освобождения Гроба Господня от неверных, на христианскую же (только не католическую, а православную) Византию. Ограбление Константинополя (особо ценные трофеи до сих пор украшают Венецию) породило подлинную анархию на международном денежном рынке, продолжавшуюся до XV века, а **Венеция, эта имитация древнего финикийского Тира, стала европейской столицей ростовщичества.**

В конце XIII века итальянские купцы, в том числе и венецианцы, перебрались во Фландрию, и за короткое время поставили под свой контроль всю европейскую торговлю. Именно Венеция оказала наибольшее влияние на экономическое и политическое развитие Европы. Как писал известнейший французский историк Фернан Бродель, общеевропейская «мир-экономика» начинается с Венеции, и в течение двух столетий вся Европа зависит от неё. Бродель даже делит историю мировой экономики на два периода: «до и после Венеции». Коммерческой философией венецианцев был культ наживы, составляющий суть конкурентной рыночной экономики.

Открытие Америки привело к перемещению главных торговых путей со Средиземного моря на Атлантику. Хотя Венеция сохранялась как независимое государство до завоевания её Наполеоном, она сумела заблаговременно подготовить себе плацдарм на побережье Северной Европы — в Нидерландах (или, как тогда говорили, в Нижних странах). Коренное население этих земель — фризы — стало материалом для появления совершенно нового (в социально-экономическом смысле) типа человека. А маленькая Фрисландия стала очагом зарождения новой североморской (протестантской, антифеодальной) культуры.

Фризы жили в низовьях Рейна, в местности, часто затапливаемой. Поэтому им приходилось устраивать свои жилища на насыпных холмах, на каждом из которых могло уместиться 1—3 семейства. Уже в силу этого у фризов выработался характер индивидуалистов. Но необходимость стро-

---

ить дамбы для защиты от наводнений заставляла фризов объединяться в коллективы на основе самоорганизации, и они не терпели никакого внешнего владычества (хотя формально Голландия входила в состав империи Габсбургов). Фризам приходилось заниматься и земледелием (в основном животноводством), и рыболовством, и торговлей (в том числе и с Англией, и со странами Балтийского моря), и морскими перевозками, не гнушались они и пиратства. Фризы считались лучшими мореходами и кораблестроителями североморского региона. Рыночные отношения и стремление к обогащению фризы усваивали на генетическом уровне. А когда возникала опасность вторжения извне, фризы брались за оружие. При необходимости они разрушали созданные их невероятным трудом дамбы, и такое искусственно созданное цунами смывало с лица земли армию вторгшегося противника.

Из Венеции — в Нидерланды. Уже в XIV в. в Нижних странах сложились капиталистические принципы хозяйствования. Культура фризов и венецианцев предопределила распространение протестантизма на территории нынешней Северной Германии, Голландии, Чехии, Швейцарии, отчасти на севере Франции (а в дальнейшем — и в Англии, и в США.)

В конце XV в. сильно изменился и этнический состав населения Нижних стран. Ещё ранее рядом с фризами поселились саксы и франки. Возникшие там крупные порты привлекали множество разноплеменного народа, из которого судовладельцы всегда могли набрать команды для своих кораблей. Пришедшие со своими гигантскими капиталами венецианцы дали мощный импульс развитию промышленности и (особенно) торговли в Нижних странах. К этому времени евреям, по приказу католической инквизиции высланным из Испании и Португалии, было разрешено поселиться в этих, с точки зрения владык Испанской и Португальской империй, населённых еретиками местах. Евреи протестантами не стали, но торгового духа им было тоже не занимать.

В XVI в. голландцы (финансируемые ростовщиками и купцами Брюгге и Антверпена) не только стали главной финансовой опорой всех испанских и португальских заморских предприятий (и получали львиную долю прибыли от них), но и приступили к захвату испанских и португальских колоний, снаряжая экспедиции в Америку и в Индию. Для этого были созданы Голландская Вест-Индская компания и ещё более могущественная Ост-Индская компания, ставшая «государством в государстве». Она располагала флотом и вооружёнными силами, от имени Голландии заключала догово-

---

ры с другими странами, чеканила свою монету. В XVII веке сложилась голландская колониальная империя с центром в Батавии (Джакарте). Образовались голландские колонии и в Северной Америке, а в 1614 г. был основан Новый Амстердам (впоследствии переименованный английскими колонистами в Нью-Йорк).

Реформация (разрыв с католицизмом) началась в Германии, и вскоре она вылилась в опустошительную Тридцатилетнюю войну. Ларуш приводит свидетельства того, что именно Венеция создавала кризисы и разжигала религиозные войны с 1492 г. до Вестфальского мира (1648 г.) Но германский тип протестантизма (лютеранство) был отвергнут в Нижних странах в пользу более индивидуалистического и радикального учения, возникшего в Швейцарии, — кальвинизма.

Попытки короля Испании восстановить свою власть над Нижними странами привели к Великой нидерландской революции. Жители Нижних стран, эти индивидуалисты, всегда враждовавшие между собой, перед лицом врага объединились.

И они, одержав победу, создали сильную независимую республику. По существу, революция была войной североморской (протестантской, буржуазной) культуры против культуры феодальной (католической). За рождением этой республики следили даже очень далёкие страны (в том числе «турки и московиты»). Вот тут и сказали своё решающее слово венецианцы.

В XVI веке Венеция проводила политику «баланса сил» между двумя конкурирующими друг с другом сильнейшими европейскими державами — Испанией и Францией. Испания, которая попыталась подавить восстание Нижних стран, тут же лишилась кредитов. Её экспедиционный корпус, не получавший денег, сократился с 60 до 8 тысяч человек. Начались солдатские волнения. Испания была вынуждена отступить. Постоянные войны истощали Испанию, и она погрязла в долгах. Так «золотой век» Испании сменился «золотым веком» Голландии — республики, населённой преимущественно кальвинистами.

За кулисами всех этих событий их ход направляли венецианцы, точнее «новые венецианцы». Ведь за время, прошедшее со времени переселения венецианцев в Нижние страны (а это три столетия), они, которые и в Венеции представляли собой разноплеменное сообщество, вступали в брак с представителями правящих кругов тех стран, куда их забросила судьба. Это уже не были итальянцы, их национальную принадлежность порой трудно было определить, но что сохраня-

---

лось и тщательно культивировалось в них — это дух торгашества и страсть к обогащению любыми способами.

К этому времени изменился характер мировой торговли. В связи с большим ростом объёма торговли от покупки-продажи всей партии товара перешли к торговле по образцам, для чего понадобилась специальная площадка. В XVI веке основывается первая в мире антверпенская биржа. И вскоре в Европе **роль центра деловой активности, мировой торговли и кредита переходит к Голландии**, из Антверпена, подвергшегося разрушению во время карательной экспедиции испанцев, он перемещается в её столицу Амстердам. **Фактически произошёл и перенос финансовой столицы ростовщичества из Венеции в Амстердам.** Купечество Голландии создало мощный флот и обогащалось на посреднической торговле.

В XVII веке Голландия заняла ведущее положение в европейской и мировой торговле. Вопреки широко распространённому в России мнению, **именно Нидерланды, а не Англия, стали первой капиталистической державой**, и Англия была вынуждена их догонять.

Зарождение спекулятивной финансово-экономической системы. Профессор А.П. Столешников отметил и ещё один важный момент: *«...печатный станок... наряду с большими положительными качествами принёс человечеству и беду. Этой бедой оказались бумажные деньги, банкноты, векселя, акции и другие виды долговых расписок и псевдоценных бумаг, которые хлынули из печатного станка, вызывая чистое безумие, астрономическим образом умножая беды и ужасы человечества. Источником бумажных денег являются банки, и первыми бумажными деньгами были именно банкноты.*

В 1604 г. (не случайно именно в Голландии) появляется первый такой банк нового типа. Он выпускал банкноты, замещающие золотые монеты, учитывал векселя, торговал акциями... До протестантства ростовщические операции были почти нелегальными. Однако с протестантской революцией они стали почётной и выгодной привилегией, ведущей к образованию богатства, то есть капитала» (Столешников А.П. О чём умолчал Карл Маркс. М., 2004).

Голландия стала вторым (после Венеции, как и писал Ларуш) государством в Европе, где власть полностью принадлежала финансовой олигархии. Но торговое господство Голландии не соответствовало уровню её промышленного развития. Англия обогнала её в промышленном отношении и вступила в борьбу с ней за мировое лидерство. Англо-голландские войны XVII—XVIII веков закончились поражением Голландии, и она навсегда утратила лидерство и престиж великой дер-

---

жавы. Она стала всё больше тяготеть к финансово-кредитным операциям, и её капитал стал переливаться в сферу иностранных займов, что также было в духе венецианцев. Но даже на развитие политической системы США, казалось бы, отпочковавшихся от Англии, Нидерланды оказали гораздо большее влияние, чем Англия.

Создание плацдарма венецианцев в Англии. Отработав механизм завоевания власти в Голландии, финансовая олигархия использовала её как плацдарм для решающего прыжка — для завоевания Англии, которая стала следующей жертвой международных банкиров.

Там место старой английской знати, истреблённой в междоусобной войне Алой и Белой розы, заняло «новое дворянство» («джентри»), связанное с рынком и устремлённое к становлению капиталистического способа производства. Этому процессу способствовала и Реформация 1530-х годов, приведшая к образованию государственной англиканской Церкви, близкой к протестантизму. Первоначально накопление капитала требовало «освобождения» будущих рабочих от средств производства. Это достигалось путем изгнания крестьян с земли (известного как процесс «огораживания»). Согнанные с земли крестьяне вынуждены были наниматься на фабрики (к чему их принуждали и суровые законы против бродяжничества).

Жертвами этих новых социальных отношений стали сотни тысяч англичан.

Подробности почти детективной истории того, как венецианцы создали себе плацдарм в Англии, можно прочитать в статье Джеральда Роуза «Захват власти в Англии Венецией», опубликованной в Бюллетене Шиллеровского института науки и культуры (статья есть в Интернете). Вот её краткое изложение.

Роль венецианской агентуры влияния играли влиятельные родовитые семьи Говардов, Расселов и др. Но для того, чтобы венецианское иго могло опуститься на Англию, Венеции надо было разрушить союз Англии с Испанией, залогом которого служил брак английского короля Генриха VIII и испанской принцессы Катарины Арагонской. «Венецианская партия» в Англии победила, когда Генрих попался на сексуальную наживку, подsunутую ему венецианцами. Эту женщину звали Анна Болейн. Она была внучкой лидера английских венецианцев — Томаса Говарда, герцога Норфолкского. Настоячивое желание Генриха развестись с Катариной Арагонской и жениться на Анне Болейн означало для него заключение союза с Венецией против Испании. Оно также привело к от-

---

ставке его премьер-министра кардинала Вулси, хорошо знавшего, какое зло представляет собой Венеция. Место Вулси занял технократ из «венецианской партии» — Томас Кромвель, который управлял английским правительством, пока сам не был свергнут и казнен в 1540 г. Но, пока Кромвель был у власти, он культивировал «гуманистов», выступавших за разрыв с Римом, а также за ограничение власти короля, чтобы в Англии было «как в Венеции», где «нет большого желания становиться Герцогом (дожем), поскольку он ограничен в полномочиях». Сторонники венецианской партии воспитывали и протестантских детей Генриха — Эдуарда и Елизавету.

Папа не дал согласия на развод Генриха с Катариной, и «венецианская партия» добилась разрыва Генриха с Римом. Это обеспечило свободу рук венецианцам для развёртывания операций в Англии и перемещения части финансовых накоплений из кладовых собора Святого Марка в кальвинистскую Голландскую республику и Англию.

Ключевой фигурой в войне венецианцев против христианства был Гаспаро Контарини, представитель одной из древнейших венецианских семей и величайший знаток трудов Аристотеля. Почему же идеи Аристотеля оказали такое влияние на западную цивилизацию? Ведь его труды почти не поддаются прочтению. Но они представляют собой апологию олигархической модели общества. Это более всего проявилось в его книге «Политика».

Цель политики, по Аристотелю, — сохранение неравенства. Государство должно охранять этот принцип. Отношения «хозяин-раб» Аристотель считает «естественными», «природными». «Необходимо подчинение одних другим... Одни от рождения созданы править, другие — повиноваться... Одни по природе своей свободны, другие — рабы».

Платон тоже признавал рабовладение, однако строил свой идеал государства на идее Справедливости. Сам базис его «Республики» основывался на принципе Добра.

Поскольку Аристотель работал в философской среде, созданной Платоном, он не мог полностью отвергнуть концепцию учителя, но исказил её.

Аристотель именно потому стал популярен в Венеции, что там было рабовладельческое общество, построенное по олигархическому принципу. Христианство эпохи Возрождения было антитезой «звериной» концепции олигархизма. Оно основывалось на научном наследии Николая Кузанского, противопоставившего языческой идее «человек есть зверь» концепцию Человека как *imago Dei* (образа и подобия Божь-

---

его) и сарах Dei (имеющего способности Божьи). Миропонимание Николая Кузанского поддерживал и папа Пий II. Кстати сказать, это был период самого быстрого прироста населения в человеческой истории. Идеи Возрождения были костюм в горле работорговцев: человек, фундаментально отличный от зверя, не мог быть объектом торговли. Идея человека, отрицающая рабство и ростовщичество, ставила под вопрос само существование венецианской олигархии, и она отвергла её.

Аристотелизм есть ненависть как к Богу, так и к человеку. А взгляды Контарини лежали в основе движения радикалов — верхушки венецианской олигархии.

Наиболее разрушительной фазой операций венецианцев по завоеванию английского плацдарма руководил венецианец Паоло Сарпи. Вот когда у англичан отнимут мысль и душу, и страна станет бастионом псевдорелигии Новой Эпохи. Смысла её не понять, если не знать, кто стоял за Сарпи в Венеции.

В 1583 г. в Венеции окончательно победили радикалы, противники католицизма. Они устраивали протестантские восстания и, кажется, были готовы даже уничтожить само христианство. Идеологом и организатором радикалов и был монах Сарпи, ставший в XVII веке фактическим правителем Венеции.

Сарпи писал памфлеты, отстаивая право Государства против права Папы. Посол Англии в Венеции отправлял все труды Сарпи в Англию для перевода на английский.

Так Сарпи стал европейской знаменитостью и прослыл героем в Англии.

Сарпи — настоящий венецианец: номинально католик-монах, в философских трудах был радикальным атеистом. Кроме того, он был гомосексуалист и богохульник, считавший Библию чем-то вроде сборника фантастических рассказов. Он осмеивал идею о том, что Моисей получил от Бога десять Заповедей Божьих. Ему принадлежит сравнение Папы с Антихристом.

Сарпи был создателем эмпиризма и обучил Фрэнсиса Бэкона его так называемому научному методу. С того времени в Англии развивался англосаксонский тип научного мышления, рассматривающий мир как совокупность объектов, сталкивающихся друг с другом подобно бильiardным шарам, до сих пор господствующий в мировой науке, а также философия Гоббса, Локка, Бентама и др., исходящая из того, что «человек человеку — волк», а государство — это Левиафан, враждебный человеку.

Сарпи — фактический основатель модернизма и Просвещения. Он создавал языческий культ, синкретическую религию, из которой возникает масонство, до сих пор доминирующее в Англии. Из его салона вышел Джордано Бруно. Католик Сарпи организовывал по всей Европе радикальную протестантскую оппозицию, что не должно нас удивлять: ведь это же Венеция... В своих трудах Сарпи подвергает сомнению саму необходимость существования Церкви, и эти его идеи сыграли важную роль в разжигании Тридцатилетней войны. В ходе этой общеевропейской бойни наследие Николая Кузанского и Пия II было потоплено в море крови.

Венецианские радикалы сознательно выращивали свою фракцию в английской аристократии, а также в среде контролируемого протестантами купеческого класса. Спонсором пуританского движения в Англии был лорд Лестер, создатель Венецианской компании. В 1581 г. под контролем Венеции была создана также Турецкая торговая компания. Эти две компании в дальнейшем сливаются в одну — Левантискую, на базе которой в 1600 г. возникает печально известная Ост-Индская компания. Создавая богатый купеческий класс, Венеция получает рычаг давления на короля, подрывая его авторитет и влияние. В так называемый период Английской республики, о котором будет сказано ниже, Англию захватывают радикальные протестантские секты. Англия станет оплотом нового язычества, ростовщичества и работоторговли. Отрицание человека как образа Божьего — это и была программа и замысел Сарпи. Этим, по существу, завершилось разрушение английской души. Венеция, венецианские методы были перенесены в Англию.

Статья Роуза начиналась так: «Цивилизация современно-го мира находится ныне на краю гибели. Это результат непоправимой ошибки, совершенной в 1509 г., когда Венеция, разгромленная международными силами Камбрейской лиги (включавшей Испанию, Францию и римского папу), была, казалось, обречена. Но тогдашняя папская власть боялась боевых действий иностранцев на итальянской территории: раньше не раз бывало, что эти войска расчленили Италию на части. Хитрая дипломатия венецианцев добилась того, что антивенецианский альянс распался. Венеция, которая вместе с турками создала оплот ростовщичества и работоторговли, устояла — на беду множества поколений и народов».

Из Голландии — в Англию. Англия в XVI—XVII веках разбогатела, и английская буржуазия уже не хотела мириться со строем абсолютизма и с англиканской Церковью, возглавляемой королём. В стране набирали силу кальвинисты, на-

---

зывавшие себя в Англии пуританами («чистыми», в смысле наибольшей близости к Ветхому Завету). А король Яков I был сторонник абсолютизма и католик. У него обострились отношения с парламентом, в котором всё большее влияние приобретали буржуазия и новое дворянство. Наследовавший ему Карл I довёл это противостояние до того, что парламент образовал собственную армию во главе с Оливером Кромвелем, выступившую против армии короля. Так началась Английская буржуазная революция.

Академик Игорь Шафаревич отметил, что «во время пуританской революции в Англии возникает какое-то загадочное тяготение к иудаизму — чисто идеологическое, так как евреи были изгнаны из Англии ещё в 1290 г. указом Эдуарда I». Это были мечты о слиянии Ветхого и Нового Заветов, еврейского «избранного» народа и пуританской Общины и о том, чтобы, как раб, служить Израилю и пр. В парламент был внесён проект о переносе праздничного дня с воскресенья на субботу, раздавались и требования ввести в Англии Моисеев Закон. «Новые венецианцы», заправлявшие всем в Голландии, поддержали евреев в их борьбе за возвращение в Англию.

Парламентская армия разгромила армию короля. Сам король сдался шотландцам, которые выдали его парламенту. Кромвель, тесно связанный с крупными банкирами в Голландии, в обмен на финансовую поддержку обещал бороться за разрешение евреям вернуться в Англию. Но это невозможно, пока Карл жив. И Карл был казнён. В Англии была провозглашена республика.

«Это убийство английского короля Карла, — продолжает профессор Столешников, — уже знаменует собой конец и окончательные похороны докапиталистического, христианского, лучшего мира, в котором не было ни лихвы, ни процента, ни бесконечных долгов. В мире стали распоряжаться не законная власть, а люди, которые за кулисами обладали возможностью создавать неограниченные суммы бумажных денег и контролировать бумажные денежные потоки, и вследствие этого свергать и назначать бумажных королей и бумажных президентов по своему усмотрению. При этом, закулисные махинаторы, обладая реальной властью, в отличие от видимых королей и президентов, не несли никакой личной ответственности.

Кромвель фактически был предателем национальных интересов своей страны. Как писал Игорь Лебедев, «начиная с «подвигов» Кромвеля, Британская империя потеряла свой суверенитет и перешла во власть некой группы олигархов».

После смерти Кромвеля в Англии была восстановлена монархия. На престол взошёл сын казнённого короля Карл II Стюарт. Наследовавший Карлу Яков II Стюарт был приверженцем абсолютизма и католиком, что не нравилось новой правящей верхушке страны. Английские и голландские банкиры профинансировали вторжение в Англию штатгальтера (правителя) Нидерландов Вильгельма Оранского. Сторонники Оранского подкупили Джона Черчилля, командующего армией Якова II. И Черчилль, посланный сражаться против голландцев, перешёл на их сторону. Кроме того, чтобы поддержать пуритан, в Англию прибыли кальвинисты из разных стран Европы. В их числе были вооружённые банды из тысяч боевиков (милиция повстанцев), которые, терроризируя столицу, ставили своей целью провоцирование гражданской войны. В итоге государственного переворота 1688—1689 гг. (так называемой «Славной революции») Яков был низложен, и королём Англии стал Вильгельм III Оранский, женившийся на дочери низложенного короля Марии. Кальвинисты стали проповедовать строгое соблюдение «шабата» (субботы).

«Страна была искусно разделена на тех, кто соблюдает шабат, и на остальных... Кальвин, — писал позднее Исаак Дизраэли (отец Бенджамина Дизраэли), — считал, что Шабат... ограничен в своем соблюдении кругом святых людей... Кальвинисты держали фактически всю страну в своей власти, а в 1650 г., после казни короля, был принят закон, согласно которому те, кто не соблюдал шабат, подвергались наказанию».

Евреям опять было разрешено проживание в Англии, несмотря на протесты ряда членов Государственного Совета. (Вот почему королевский акт изгнания евреев не отменён по сей день.) Впоследствии они вошли в состав правящей элиты Англии, а Бенджамин Дизраэли, фамилия которого означала буквально «из Израиля», получил титул виконта Биконсфилда и стал в 1868 году британским премьер-министром.

Многие исследователи полагают, что банкиры из Голландии привели к власти в Англии игрушечную королевскую династию, которая с тех пор и по сей день служит ширмой для настоящих, денежных королей. В действительности **английская монархия — это центр мировой правящей элиты**, которая объединяет монархии (существующие и свергнутые), верхушку мирового масонства, верхи разных религиозных конфессий, финансовых тузов планеты, руководство спецслужб и ряд других кланов. Но исследователи правы в том, что денежные мешки в 1696 г., по образу и подобию голланд-

---

ского, создали Центральный Банк Англии, который с этого времени и стал главным бастионом финансовых королей. Именно в эти годы Англия начинает превращаться в бастион международного капитала, который эксплуатировал всю планету. Так же, как Голландия была плацдармом для завоевания Англии, сама Англия, в свою очередь, стала плацдармом для завоевания Северной и Южной Америки ростовщической олигархией. А какой ужасной рабовладельческой тиранией капитала олигархов Англия стала уже к началу XIX века, хорошо описал Фридрих Энгельс в своей знаменитой работе «О положении рабочего класса в Англии».

Как венецианцы захватили власть в Англии. Новый король Вильгельм III убедил правительство в необходимости займа у частной корпорации на ведение войны против Франции. Корпорация будущих акционеров Банка Англии готова была предоставить эти деньги в долг королю под проценты. **И в Англии возник первый в истории центральный банк государства, принадлежащий частным лицам, и начался выпуск национальной валюты (бумажных денег), создаваемой центральным банком из «воздуха». (Это и был прообраз ФРС.)** Банк скупил векселя короля и превратился в хозяина финансов Англии. Начался быстрый рост национального долга. И король не мог отменить привилегии Банка без согласия парламента, то есть фактически без согласия самого Банка Англии, который умело «настраивал» работу парламентариев.

Легализация Банка Англии привела к санкционированному законом выпуску не обеспеченной резервами национальной валюты во имя частных интересов. Правительство получило столько (бумажных) денег, сколько ему требовалось, но народ расплачивался за это инфляцией, ростом цен и усилением налогового бремени. Поскольку денежное обращение находилось под жёстким контролем банкиров, британская экономика начала колебаться между кризисами и депрессиями (что банк и должен был предотвращать).

Ларуш свидетельствует, что сторонников монетаризма в Англии (так же, как во Франции и в Швейцарии) именовали «венецианской партией». Так «новые венецианцы» захватили власть в Англии, **финансовый центр Европы переместился из Голландии в Англию. Лондон на длительное время был превращен в столицу международного ростовщичества**, британские государственные институты — в «политических лакеев» финансовой олигархии, а страна — в механизм для производства денег. Именно это олигархические лорды Англии называют демократией.

После смерти Вильгельма III в Англии были приняты законы, исключавшие потомков короля-католика из числа претендентов на английский престол. Королевой стала младшая дочь Якова II Анна, вполне устраивавшая протестантов. Она умерла бездетной, и на престол взошёл её дальний родственник, бывший протеже Вильгельма III Георг Людвиг из Ганновера, ставший королём Великобритании Георгом I. Он мало интересовался английскими делами, заботясь в основном о своей «вотчине» — Ганновере. Это вполне устраивало «новых венецианцев», планировавших сделать Лондон центром морского могущества в Северной Европе по модели донаполеоновской Венецианской республики.

При Георге I Англия, бывшая до того островным государством, в результате успешной для неё Семилетней войны против Франции и Испании, по Парижскому мирному договору (1763 г.) приобрела Канаду от Гудзонова залива, все нынешние Соединённые Штаты к востоку от Миссисипи и ряд других земель, ставших её колониями. Так Великобритания стала империей, которая в дальнейшем расширялась за счёт завоевания всё новых колоний и обращения других стран в полукolonии.

В числе других позорных деяний Англии — её опиумные войны против Китая под лозунгом свободы торговли (их обосновывал Адам Смит, бывший одним из директоров компании, у которой была монополия на торговлю опиумом). Вся индустриализация Англии в XIX веке была сделана на деньги, полученные от продажи Англией индийского опиума китайским крестьянам. Ларуш, проследившая историю становления монетаристских взглядов с древнейших времён, именно в Венеции видит тот пункт, откуда монетаристские воззрения через Голландию перешли в Англию, где они послужили **основой для создания классической политической экономии**, с его точки зрения, антихристианской. Вообще говоря, не только теория, но и сущность ростовщической экономики противоречат основам не только христианства, но и ислама, не говоря уж о буддизме.

Несмотря на то, что после Второй мировой войны Англия лишилась колоний, Британская империя, — считает Ларуш, — по-прежнему существует уже как Британское Содружество. Британское государство — лакей нескольких тысяч влиятельных фигур — правящих фамилий разветвлённой британской и международной финансовой олигархии. Это финансово-олигархическая империя, в отличие от прежней земельно-олигархической. Виндзорское семейство — наследственный вариант дождей старой Венеции.

Чтобы больше не возвращаться к английской истории, отмечу, что с 1714 г. вплоть до начала XX века Британской империей верховодила германская ветвь, и английские монархи изъяснялись только по-немецки. «Дом Виндзоров» был создан в 1917 г., когда ещё шла война Англии с Германией. Это «переименование» династии должно было скрыть немецкие корни короля и королевы, ибо немцев тогда в Англии ненавидели. Но сути дела это не изменило, и современный королевский дом Великобритании — это прямые наследники «новых венецианцев».

Читатели, хорошо знающие историю России, но гораздо менее знакомые с тем, как развивалась Западная Европа, могут задаться вопросом, а не одержим ли Ларуш (а вместе с ним и автор данной работы) навязчивой идеей, будто «всё зло от Венеции». Но это утверждает не один Ларуш. Вот и российский историк профессор Андрей Фурсов видит корни мирового порядка, насаждаемого ныне всепланетной олигархией, именно в Венеции: *«На последнем Давосе председатель форума профессор Клаус Шваб сказал, что «капитализм в своем нынешнем виде уже не соответствует миру вокруг нас», и он не может решать проблемы. Они говорят обычно — «проблемы человечества», но всем этим людям на человечество плевать. Речь идет об одном проценте мирового населения, который выковывал свою власть с рубежа XVI—XVII веков, с так называемой протестантской революции, о переселении венецианцев в Англию и о формировании хищного исторического субъекта, который и создавал капитализм. Они демонтируют систему, которая их больше не устраивает, и создают на её месте совершенно другую систему».*

То же говорят и известные иностранные историки, вроде упомянутого выше Фернана Броделя.

«Новые венецианцы» начинают наступление на США. США возникли как британские колонии. Заселение Новой Англии началось в декабре 1620 г., когда там поселились английские пуритане. Однако вскоре по соседству с ними поселились колонисты иных религиозных убеждений и разного социального статуса: немцы (лютеране), меннониты, английские католики, французские гугеноты, шведы, польские, немецкие и итальянские ремесленники и пр.

Только тогда, когда «новые венецианцы» прочно утвердились в Англии, они приступили к созданию частной финансовой корпорации, которая должна была управлять финансами Америки. К тому времени ограбление Англии банкирами-частниками достигло такой немислимой степени, что

правительство не могло уже выплачивать проценты по государственному долгу. Тогда оно ухватилось за идею увеличения доходов бюджета за счёт налогообложения американских колоний.

Великобритания старалась установить полный контроль над экономическими операциями американских колоний, реализуя схему, при которой все промышленные товары (от металлических пуговиц до рыболовецких судов) импортировались в колонии из метрополии в обмен на сырьё и сельскохозяйственные товары. И английские предприниматели, и английское правительство были не заинтересованы в развитии промышленности в колониях, а также в торговле колоний с кем бы то ни было, кроме метрополии.

Но американская промышленность достигла значительных успехов, особенно в постройке судов, что позволило наладить торговлю с Вест-Индией и тем самым найти рынок сбыта для отечественной мануфактуры.

Английский парламент счел эти успехи настолько угрожающими, что в 1750 г. запретил строить в колониях прокатные станы и железорезательные мастерские. В 1763 г. были приняты законы о судоходстве, по которым товары разрешалось ввозить и вывозить из американских колоний только на британских судах. Кроме того, все предназначенные для колоний товары должны были грузиться в Великобритании, независимо от того, откуда их везли. Колонии были обременены множеством пошлин и налоговых сборов на товары, которые колонисты собственноручно ввозили домой.

Америка в это время была бедной страной. Для обеспечения развития промышленности и торговли катастрофически не хватало монет из драгоценных металлов. И колонисты стали выпускать свои деньги — серебряные монеты. И вскоре в стране началась экономический подъём.

То, что Америка начала чеканку собственных денег и, следовательно, могла вырваться из петли, накинутой на неё международной финансовой олигархией, встревожило английских венецианцев, и они решили положить этому конец. В Англии был принят в 1764 г. «Закон о валюте», которым администрациям колоний запрещалась эмиссия собственных денег. Но все налоги колонисты должны платить золотыми и серебряными монетами.

Переход на золотой стандарт резко подорвал экономику Америки, вызвал огромную безработицу. Именно это, а не бунт против налога на чай (так называемое «бостонское чаепитие»), как принято считать, стало, — утверждал Франклин, — первопричиной Американской революции. В 1776 г.

тринадцать британских колоний объединились, создав Соединённые Штаты Америки, и объявили о своей независимости. Война за независимость продолжалась до 1783 г. и окончилась победой колонистов. Это было крупнейшим поражением Великобритании за всю её историю. **Так в жертву корыстному интересу банкиров была принесена целостность Британской империи.** Ветхозаветная идеология постепенно взращивала ростки грядущих потрясений и в самой Англии. Именно в Британской империи, по Ларушу, зародились такие извращения человеческой природы, как либерализм, мальтузианство (затем неомальтузианство), в совокупности образующие идеологию универсального фашизма.

А на карте мира возникло новое государство — США, усроенное принципиально иначе, чем все предшествующие государства в истории. Оно не возникло исторически, а было создано, так сказать, с чистого листа, на основе выработанных «отцами-основателями» принципов. Ларуш считает вдохновителем создания США Бенджамина Франклина, последователя учения Лейбница. В основе политических воззрений Франклина лежала концепция естественных и неотъемлемых прав человека, к которым он относил жизнь, свободу, собственность. Он выступал против усиления роли исполнительной власти, в частности, против предоставления Джорджу Вашингтону чрезвычайных полномочий, за установление всеобщего избирательного права, не ограниченного имущественным цензом, был решительным противником рабства.

Однако вскоре после обретения независимости в США произошёл нравственный раскол. Нашлись и там сторонники новой венецианской партии Англии, в основе воззрений которых лежала порочная вера в деньги как таковые, которая коренным образом отличалась от американского конституционного принципа кредитной системы. Последняя, даже с учётом уклонений от идеала, отличается от всех монетаристских систем планеты.

В США англофильская финансовая олигархия была представлена финансовым домом Дж. Моргана и другими банкирами на Уолл-стрите. Это имперское образование в британском стиле «наложилось» на государственные институты США. И американские госслужбы по сей день контролируются олигархами.

Первые схватки за Америку шли с переменным для венецианцев успехом. В конце XVIII в. семья Ротшильдов решила распространить свой опыт печатания денег в Англии на молодую бурно развивающуюся Америку. Для этого в 1790 г.

они добились назначения на пост министра финансов Александра Гамильтона, усилиями которого был основан «Первый национальный банк Соединенных Штатов».

Относительно роли Гамильтона и Центрального банка есть разные мнения.

Одни исследователи считают их орудиями Ротшильдов в формировании денежной системы в США. Ларуш полагает, что Гамильтон стремился создать именно национальную кредитную систему, которая обеспечила бы развитие экономики долговременным и дешёвым кредитом. Дескать, за это Гамильтон и был убит (на дуэли).

Власти США не раз пытались отбить атаки Ротшильдов. Но те неизменно брались за восстановление своих позиций. Ради этого они приложили все усилия, чтобы разжечь гражданскую войну (1861—1865 гг.). Лондонский банк Ротшильда финансировал Северян, парижский банк — Южан. Для Ротшильдов это было очень прибыльным делом. Если финансировать обе стороны и снабжать их оружием, то невозможно не выиграть в финансовом отношении.

В 1862—1863 гг. долг армии северян Ротшильдам стал астрономическим. Президент Линкольн отказался в 1863 г. выплачивать Ротшильдам огромные проценты и поручил Конгрессу начать печатать доллары, чтобы иметь возможность расплачиваться с армией Севера и по процентам за кредиты. 14 Апреля 1865 года Линкольн был убит.

Позднее президент США Гарфилд предостерегал: «Тот, кто контролирует денежную массу страны, является полным властелином её промышленности и торговли. Когда вы поймете, как просто вся экономическая система так или иначе контролируется несколькими влиятельными людьми, вам не нужно будет объяснять, где причины депрессий и инфляций!» Ему выстрелили в спину. И полгода он не руководил страной.

Ротшильды финансировали президентскую кампанию Вудро Вильсона на условии, что тот примет Закон о Федеральном Резервном Банке. Вильсон, став президентом США, однажды предупредил свой народ, что есть где-то настоящая тайная власть страны: «Великая промышленная страна контролируется собственной системой кредита. Наша кредитная система сконцентрирована в частных руках. Рост страны поэтому и вся ее деятельность находятся в руках нескольких человек... которые неизбежно, по причине их собственной ограниченности, заморозят, остановят и разрушат подлинную экономическую свободу... Мы стали одним из хуже всех управляемых, одним из самых полностью контролируемых и подчиненных правительств в мире — нет больше пра-

---

вительства со свободным мнением, нет больше правительства по убеждению и голосованию большинства, но есть правительство с мнением и по принуждению небольших групп господствующих людей». Незадолго до смерти Вильсон якобы заявил друзьям, что он был «обманут» и что «он предал свою страну». Вероятно, он имел в виду Закон о Федеральном резерве, принятый во время его президентства. И тут выясняется ещё один пикантный момент.

Николай II финансировал создание ФРС США? Ещё до Первой мировой войны Николай II тайно отправил в США «казенное» русское золото для создания Федеральной резервной системы. Профессор В. Сироткин отмечает, что она «тогда задумывалась, как мировая, как некий аналог будущего МВФ. В этот пул вошли несколько тогдашних крупных акционерных банков — семейства Ротшильдов (всех трех ветвей — французской, английской и американской), Морганов, Рокфеллеров, немецких Мендельсонов и др. Николай II вошел в этот пул как частное лицо, но как «хозяин земли Русской» отправлял в США не личное, а «казённое» золото. Вся эта операция всплыла в прессе США и Западной Европе в 1909 г., когда очередной корабль с грузом золота «Флорида», столкнувшись в тумане с другим пароходом, затонул вблизи Атлантического побережья США. Убедил царя внести такой вклад в этот пул министр Витте.

ФРС США была действительно создана в 1913 г., но уже не как «мировая», а как сугубо «национальная». Но «николаевские» золотые червонцы в подвалах Форт-Нокса (основного хранилища золотого запаса США) остались». Они и стали основой для создания ФРС. В книге Константина Романенко «Почему ненавидят Сталина? Враги России против Вождя», данными которой я воспользовался, приведены подробности того, как члены династии Романовых сколачивали и растрачивали громадные состояния, а также сведения о коррупции, следствием которой стали и Цусима, и отсутствие накануне войны у русской армии тяжёлой артиллерии и пр.

Уже на следующий год после создания ФРС грянула Первая мировая война. В отличие от стран, схватившихся в битвах на полях Европы и терявших свои человеческие и финансовые ресурсы, для США война стала новым Клондайком. Получая огромный «навар» от поставок воюющим государствам, США превратились из мирового должника в мирового кредитора. Но для того, чтобы США могли решать судьбы послевоенного мира, им надо было вступить в войну, причём во избежание лишних жертв со своей стороны, на заключительной стадии, когда исход её уже будет предreshён.

Американский народ был против войны за непонятные ему интересы, там были сильны настроения изоляционизма и невмешательства в европейские дела. Сенатор Джеральд Най прямо заявлял: «Война выгодна фабрикантам и банкирам, но разорительна для фермеров», которые к тому же теряли на фронте своих сыновей. Най с документами в руках доказывал, что роковую роль здесь сыграл банковский дом Морганов: «Эти банкиры находились в самом центре той системы, которая сделала наше вступление в войну неизбежным». И президенту Вильсону, чтобы США вступили в войну, пришлось прибегнуть к обману народа — в интересах американских банкиров, жизненно заинтересованных в возврате своих кредитов странам Антанты.

И опять в роли донора Запада оказалась Россия. Еще с довоенных времен, для осуществления российских финансовых операций, в зарубежных банках хранилось 516 тонн золота; в обеспечение русских военных займов во время войны дополнительно вывезли в страны Антанты ещё 4755 тонн золота. К этим богатствам добавилось и 93,5 тонны золота, переданного немцам по условиям «похабного» Брест-Литовского договора. И после поражения кайзеровской Германии всё вместе взятое «золотое сокровище России» было присвоено странами Антанты. Демократический Запад обобрал Россию, как простодушного простака. По мнению К. Романенко, и последовавшее затем долгое непризнание Советской власти объяснялось не столько идеологическими противоречиями, сколько нежеланием иностранных банков возвращать украденные российские богатства. (По той же причине Запад был заинтересован в уничтожении всех Романовых, которые могли претендовать на семейное золото в зарубежных банках.) Подробнее о том, сколько золота должны были бы России разные страны Запада см. в статье писателя и дипломата Ивана Алексеява («Природа и свет», 2012, №12).

В США тогда жили и занимались финансовой деятельностью братья Макса Варбурга — Пол и Феликс, компаньоны Шиффа и банка «Кун и Лоеб». Причем Пол Варбург являлся вице-президентом ФРС США. Но главное — он был секретным представителем в США банкирского дома Ротшильдов — истинного создателя ФРС (и к тому же родственник Якова Шиффа). В сейфах американских финансистов и оказалось царское золото, и лучшим способом присвоить его было свержение самодержавия в России.

Но и это дело не могло обойтись без участия главных «новых венецианцев» из Англии. Через её агентов осуществлялась связь «серого кардинала» США полковника Хауса с

верхушкой правительства Англии — Ллойд Джорджем, Бальфуrom и Мильнером.

Планы Англии шли гораздо дальше этого. Еще в 1891 г. в Лондоне было создано тайное общество под названием «Круглый стол». Среди его членов-основателей были: лорд Мильнер, лорд Ротшильд, лорд Бальфур, будущий английский посол в России Бьюкенен и др. Основной задачей общества стало **утверждение мирового британского господства**, введение английского языка в качестве всемирного и **создание единого мирового правительства**. В 1904 г. главой «Круглого стола» стал Альфред Мильнер, с которым был тесно связан полковник Мандель Хаус. Сотрудничал с «Круглым столом» и Ллойд Джордж. Через Ротшильда «Круглый стол» имел связи в США с семействами Шиффов, Варбургов, Гуггенхаймов, Рокфеллеров и Карнеги. Шифф, Варбурги, Ашберг щедро финансировали кайзеровскую Германию в её подрывной деятельности, направленной против России, через международный банк Варбургов в Гамбурге, начиная с 1914 г.

Руководящий центр межнациональных финансовых групп, спонсировавших империалистическую войну, «окопался» в США. В его небоскрёбе в Нью-Йорке на Бродвее размещался Клуб банкиров. В нём состояли все «киты» финансового капитала Америки. В этом же здании располагались и кабинеты директоров ФРС. Здесь же устроил свой офис представитель банкира Моргана. И получилось так, что после завершения войны **мировая финансовая столица переехала из Лондона в Нью-Йорк**, где находится главный банк ФРС.

В 1929 г. внезапно началась Великая депрессия. Нобелевский лауреат Милтон Фридман, другие экономисты считали: к этому приложила руки ФРС. Затем на сцене появился Рузвельт. Многие считают его спасителем нации, вытащившим страну и Запад из Великой депрессии!

На самом деле, — считает бывший вице-премьер РФ Владимир Полеванов, — Рузвельт — слуга ФРС, выполнивший две ее важнейшие задачи. Потому его и выбирали президентом на четыре срока. Именно Рузвельт сделал зеленые бумажки единственными деньгами США. Американцы же признавали только золото за настоящие деньги. (Вспомним Клондайк, золотые лихорадки, фильмы про Дикий Запад.) Придя в Белый дом в 1933-м, Рузвельт тут же запретил хождение золотых монет, слитков, сертификатов. Потребовал сдать золото в ФРС. За нарушение — штраф в 10 000 долларов и 10 лет тюрьмы! Народу позволили иметь лишь недорогие украшения типа обручальных колец. Формально запрет на хождение золота в США действовал до 1974 г. Янки за годы Ве-

---

ликой депрессии утратили свободолюбивый дух, потому и подчинились указу. Молодежь — потенциальных бунтарей — сослали в трудовые армии строить за доллар в день знаменитые дороги, сажать лесополосы (сбылась мечта Троцкого о дармовом труде!).

В 1944 г., когда исход Второй мировой был ясен, победитель Рузвельт успешно выполнил второе задание ФРС — назначил доллар главной мировой валютой (знаменитое Бреттон-Вудское соглашение). Под золотое обеспечение, как и полагается серьезным деньгам. Кто из союзников посмел бы тогда Рузвельту возразить? Сталин ещё был занят руководством военными действиями, он сам за боевую технику со Штатами колымскими самородками расплачивался. А Германию с Японией и не спрашивали.

В 1946 г. Черчилль в Фултоне вдруг призвал к крестовому походу Демократии против Коммунизма. На самом деле идеологией в споре недавних союзников по антигитлеровской коалиции и не пахло. Просто Сталин отказался подписывать Бреттон-Вудское соглашение. Притормозил победное шествие доллара. Нам тут же объявили «холодную войну».

Ларуш, не отрицая приведённых выше фактов, оценивает деятельность Рузвельта положительно. Рузвельт, надавив на банкиров, создал всё же зачатки национальной кредитной системы. Он полагал, что ради спасения страны можно пойти на бюджетный дефицит. Кредитование национальной экономики должно осуществляться на основе развития в будущем, а не на прошлых достижениях. Величайшие экономические достижения США в прошлом основывались на национальной банковской системе (противоположной монетаристской системе). Она и начала складываться при Рузвельте. Без кредитной системы победа над Гитлером была бы невозможной. При этом Ларуш ничего не говорит о том, что Рузвельт ради обеспечения доминирования США в послевоенном мире, открытия рынков британских колоний для американских товаров, а также для выхода его страны из кризиса втайне от народа стремился вовлечь её во Вторую мировую войну. Он также был убеждён в необходимости ликвидации антисемитского режима Гитлера. Когда Гитлер напал на Польшу, Франция и Англия хотели повторить «мюнхенский сценарий», то есть пойти на уступки Германии и не вступать с ней в войну, Рузвельт слал телеграммы послу США в Лондоне, призывая его положить под зад британскому премьеру горячую сковородку. Франция и Англия были предупреждены, что если они не вступят в войну, они не получат от США никакой помощи, когда Гитлер нападёт и на них. Чемберлен

потом признавал, что Англия объявила войну Германии только под давлением США. Эти (и другие) факты дали Николаю Овчинникову основание согласиться с теми, кто считает Рузвельта «главным поджигателем войны».

Но Ларуш прав в том, что, по мысли Рузвельта, после войны мир должен был стать обновлённым объединением суверенных государств. А на смену финансового господства Британской империи должны были прийти кредитные системы национальных государств. За это Рузвельта до сих пор ненавидят и Уолл-стрит, и Обама.

Но после убийства Рузвельта правящие круги Британской империи и их прислужники Черчилль и Трумэн изменили политику США. Физическая экономика США рухнула после убийства Кеннеди, попытавшегося вернуть государству выпуск денег, и на планету обрушилась чума «постоянной войны и перманентной революции». Но это — путь к геноциду и замиранию жизни на Земле. А с середины 60-х годов, с первого правительства Гарольда Вильсона в Англии и Никсона в США — вообще возобладала тенденция повернуть время вспять, к XIV веку, к новым тёмным векам. «Контролируемая дезинтеграция экономики» — такова была официальная линия президента Картера (автором её был Бжезинский). И резко пошёл вспять прогресс физической экономики, успешно развивавшейся в 1945—1964 гг.

Пока был СССР, повернуть мир к феодализму было трудно. А после свёртывания агропромышленного прогресса во имя общего благосостояния людей началась глобализация, правящая верхушка Запада начала принимать промальгузианские меры с намерением разрушить суверенные нации — государства, тот институт, от которого зависит прогресс. Дезинтеграция мировой экономики, естественно, привела к кризису. Нация — это суверенная личность в составе человечества. Против суверенных наций и направлена антивозрожденческая линия, идущая от Венеции.

У В. Полеванова есть своё толкование и так называемого «золотого мятежа» де Голля, о котором рассказывалось в главе о Франции. В 1965 г. де Голль собрал во Франции всю заокеанскую «зелень», погрузил на корабль и потребовал у американского коллеги Джонсона обменять её на золото по установленному Бреттон-Вудским соглашением курсу. Он забрал более тысячи тонн золота в обмен на зелёную бумагу. Под шумок немного золота получила и Германия. (Но по секретному канцлер-акту 1949 г., побеждённая Германия обязана 150 лет хранить свой золотой запас в США.) Примеру Франции решили последовать и некоторые другие страны Запада.

На самом деле, владельцы ФРС в душе радовались, что де Голль клюнул на наживку. Потому что этот эпизод дал США повод отказаться от Бреттон-Вудских соглашений. И 15 августа 1971 г. президент Никсон отказался от привязки доллара к золоту. После этого отвязанный от золота доллар так и остался единственной мировой валютой, и эти фантики можно было уже печатать в неограниченном количестве. И скупать на них по всему миру реальные вещи, ресурсы, нефть. Зато стоимость унции золота (31 грамм) выросла с 35 долларов до 1800! Ну а после падения Берлинской стены, развала соцлагеря и краха СССР доллар победил окончательно. **Преобразование доллара в мировую резервную валюту — это как бы повторение на новом этапе установления монополии на деньги деньгами при иерусалимском храме.**

Один из самых авторитетных экспертов, в том числе и по части финансовых махинаций, генерал Владимир Колесников видит истоки нынешнего кризиса именно в решении США от 1971 г. отказаться обменивать доллар соответственно золотому содержанию. *«Деньги освободили от государственного контроля, и мировая финансовая система начала постепенно функционировать не в интересах развития национальных экономик, роста промышленного производства и повышения уровня жизни людей, а в интересах увеличения могущества мировой финансовой олигархии и укрепления позиций стран так называемого «золотого миллиарда». До кризиса на долю финансов, обслуживающих реальный сектор мировой экономики, приходилось не более 10—12 процентов от общего оборота мировых финансовых ресурсов. Весь остальной денежный капитал находился в свободном плавании, не имея реального материального наполнения. Это был спекулятивный рынок, где деньги делали деньги, не подкреплённые реальным товаром.*

Мировая финансовая олигархия просчитывает всё очень точно: в странах, где начинает подниматься национальная валюта, путём определённых манипуляций сжимается денежная масса, в результате чего реальному сектору экономики перестает хватать оборотных средств, он начинает задыхаться, и доллар, как привычное оборотное средство, вновь становится востребованным. Естественно, под соответствующий процент — под так называемую ставку рефинансирования. Страна попадает в кабалу.

Раз США отказались обменивать доллар соответственно золотому содержанию («включили» печатный станок), он вообще превратился в простую бумагу. Резервная система США теперь делает деньги на разнице между номиналом купюры и

затратой на её производство. Если себестоимость 100-долларовой купюры — 10 центов, значит, чистая прибыль от неё составит 90 центов. Ни наркобаронам, ни торговцам оружием и не снилась такая прибыль. И уже много десятилетий за разноцветные американские бумажки люди всего мира отдают золото, нефть, газ, лес и т.д.

Сконцентрировав в своих руках мощнейшие рычаги финансово-экономического и общественно-политического влияния, мировая финансовая олигархия (персонифицированная, в частности, в транснациональных компаниях), по существу, стала представлять собой **наднациональный центр глобального управления**. Он и повёл мир по пути реализации тупиковой модели глобализации в интересах «золотого миллиарда», сверхпотребление которого базировалось на относительном и абсолютном обнищании большей части населения Земли.

Суверенитет государств мира стал размываться. Происходит ограничение суверенитета независимых государств. И даже прямая агрессия против них. Возьмите Ирак, Ливию, Сирию... И в то же время ТНК, присваивая себе функции, изначально свойственные государству, приобретали всё более зримые черты суверенности, до этого момента присущие только исторически сложившимся национальным государствам. И зазвучали с различных международных трибун тезисы об «упадке государства», а в политический лексикон вошли такие термины, как «ограниченный суверенитет», «гуманитарная интервенция», «верховенство прав человека над правами государств», «общечеловеческие ценности» и т.д.

Родившаяся в результате экономического кризиса система могла развиваться только за счёт создания всё новых и новых кризисов. Без них система теряла стабильность. И каждый новый кризис выводил систему на новый виток власти». («Литературная газета», 2013, №5). То же происходит и сейчас. Только в настоящее время сделана самая высокая ставка — **речь идёт уже о глобальной власти над всеми странами**. (О том, что сейчас главным препятствием для глобалистов на пути установления нового мирового порядка в интересах «золотого миллиарда» стала Россия, речь пойдёт в соответствующем месте.)

Некоторые президенты США пытались оспорить монопольное право ФРС на эмиссию доллара. Есть основания полагать, что причиной убийства Джона Кеннеди был его приказ, согласно, которому государство приступало к эмиссии денег. Это означало покушение Кеннеди на святую святых всемирной олигархии — ФРС США, на власть Ротшиль-

---

дов и связанных с ними других претендентов на господство над миром. (Подробности устранения всего клана Кеннеди из политической жизни США можно прочитать в книге Николая Старикова «Кризис: Как это делается».) Пришедший на место Кеннеди Линдон Джонсон отменил акт о передаче печатания денег государству. После 1963 г. ни одному президенту США не приходило в голову возрождать эту идею. При этом мировая финансовая олигархия не осуществляет инвестиции, не вкладывает свои деньги в промышленность, в производство (там риск, долгосрочная перспектива), а даёт кредиты. А кредит — это ростовщичество. Созданная олигархией мировая экономика — это ростовщическая, паразитическая экономика, совсем в духе венецианцев.

О том, каким структурам и лицам в действительности принадлежит ФРС, не известно никому. Лишь тесные дружеские и семейные связи всех глав ФРС с Ротшильдами и Рокфеллерами, а также история создания Федрезерва указывает на них как на истинных владельцев. Несколько банкиров собираются вместе с их сообщниками, чтобы решать судьбы мира. Конечно, они связаны с Билдербергским клубом и Трёхсторонней комиссией. В более благоустроенном мире их следовало бы арестовать по мандату, например, Международного уголовного суда. Но кто же выпишет подобный мандат, если все европейские правительства являются сообщниками этих мошенников?

Иными словами, **весь правящий слой современного западного мира — это преступники, виновные в тягчайших злодеяниях и преступлениях против человечества. А США, как государство, стали лишь инструментом для достижения группой неизвестных лиц мирового господства.**

Тут, мне кажется, самое время сказать, наконец, о главном в концепции Ларуша — самого непримиримого борца против этого мира, где господствуют олигархи-ростовщики.

По Ларушу, до XV века в мире не существовало политической концепции человека, кроме как инобытия животного. В этих обществах олигархи смотрели на «низы» как на одомашненных или диких животных. Но и сами хищники тоже оставались животными — просто другими животными.

В XV в. в Европе началось формирование наций-государств. Несмотря на ужасные религиозные войны, развязанные финансистами-рантье Венеции в целях сохранения их господства в Западной Европе, неоспоримо стала видна тенденция к росту населения и улучшению условий жизни, к новому обществу, где моральное право на управление будет

принадлежать тем правительствам, которые реально способствовали общему благосостоянию населения и его потомства.

Но олигархическое наследие не искоренено и сегодня. Старая феодальная имперская традиция Габсбургов осталась в прошлом, а имперская морская традиция, порождённая финансовой олигархией Венеции, жива и заправляет большей частью мировых дел из таких центров, как Нидерланды, Британская империя и центры финансовой власти в нижнем Манхэттене, Бостоне и Вашингтоне. Великая революция XV века не завершена, развитие шло с многочисленными откатами к прошлому.

Нынешние венецианские партии не могут не осознавать бессмысленности войн в современном мире, но и не в состоянии от них отказаться: ведь это — средство их самосохранения. А что касается мировой экономики, то ныне она может быть возрождена только как физическая экономика, но современная валютно-финансовая система спасена быть не может. Уровень современного производства, если измерять его реально производимой продукцией, а не дутыми цифрами ВВП, уже недостаточен даже для простого поддержания человеческого существования населения планеты. Проводимое в странах Запада урезание бюджетов — это преступление, сравнимое с массовым убийством. Нужен новый рост производства. А для этого необходимы новые источники долгосрочного и дешёвого (под 1—2 процента годовых) кредита. Он может быть обеспечен в рамках системы с фиксированными обменными курсами, привязанными к золотовалютным резервам.

Создавая свою концепцию, Ларуш подвергает уничтожающей критике политическую экономию и Смита, и Маркса, и фон Хайека. Достается от него и современным политикам Запада: чего стоит, например, одно название его работы «Деградация — от человека до Буша».

Ларуш настойчиво повторяет: товары не производят товары. Рабочая сила — не просто один из элементов затрат производства. Ларуш развивает идеи («специфически русского происхождения») Владимира Вернадского: в мире есть неживое, живое и творческий человек. По Вернадскому и Ларушу, Вселенная — живая. Но она не только живая, но и познающая, и её орган познания — человек. Оба названных мыслителя продолжают традиции Платона (тогда как венецианцы опирались на идеи его оппонента — Аристотеля). Только человек способен к сознательной деятельности. Развитие человека должно идти по восходящей и увеличивать власть человечества над природой. Именно сознательная де-

---

тельность человека ведёт к снижению энтропии, и это — единственный постоянно возобновляемый источник прибылей в экономике. А двигателем развития экономики должна выступать наука.

При правильно поставленной экономике в стране должна нарастать плотность потока энергии и увеличиваться потенциальная относительная численность населения. Отразить это в формулах школьной математики невозможно, и потому Ларуш создаёт собственный математический аппарат, развивая идеи последователей Лейбница.

На место монетаристской экономической теории должна прийти та наука физической экономики, которую основал Лейбниц в работе «Общество и экономика» (1671 г.). Чем выше поднимается человек, как вид, в процессе эволюции, тем в большей степени существование человека зависит от того, насколько он человечен. Это требование отражает человеческую природу (вопреки античеловечным идеям Гоббса, Локка и др.). В этом, по Лейбницу, заключается необходимое и достаточное основание для продолжения существования человеческого рода.

Для Ларуша главное — это не материальные оболочки явлений, а их дух. Он апеллирует к предназначению человека во Вселенной, к Разуму, благородству, внутренне присущему человеческой природе, к возвышенному началу в человеке. В этом его сила. Но в этом же и слабость концепции Ларуша, ведь он сам признаёт, что здравомыслящий индивид до сих пор представлял в мировой истории скорее исключение, чем правило. Как разрешить это противоречие — неизбежность гибели человечества при продолжении монетаристского курса и неготовности основной массы человечества к деятельности на основе разума и высокого вселенского призвания человека, похоже, не знает никто. Но Ларуш уверен: неповторимый, хотя и малый шанс на спасение у человечества есть, и в этом деле он отводит решающую роль России с некоторыми её потенциальными союзниками, но это — особая тема, которой я здесь не буду касаться.

Ларуш не ограничивается построением общемировых систем, но и подробно разбирает пути реформирования США в духе физической экономики. Это обеспечит восстановление обанкротившихся США. А в сочетании с соответствующими российскими проектами создаст возможность для решения глобальных задач, в том числе — защиту Земли от астероидов и осколков комет. (Недавнее падение метеорита вблизи Челябинска показало, насколько такая защита необходима.)

Мировой финансовой олигархии мало было сделать ФРС частной лавочкой, не зависящей от правительства США. Ей потребовалось установить такой же порядок на всей планете. Картину того, как решалась эта задача, нарисовала известный украинский политик Наталия Витренко:

«В триаде реформ по рецептам МВФ (либерализация, приватизация, макроэкономическая стабилизация) едва ли не главное место отводилось банковской системе. Банковская система в обязательном порядке должна была стать независимой от государства (!) (и наряду с государственными должны быть созданы коммерческие, т.е. частные, банки). И как эмитентные центры они стали давать правительству деньги в долг. В долг, под проценты. Именно банковский процент стал одновременно и источником обогащения самой банковской системы, и источником инфляции (роста цен на все товары и услуги). Корпоративные интересы собственников банковского капитала объединяют их в мировую банковскую мафию.

Своей деятельностью она раскручивает спекулятивные финансовые пузыри (деривативы), одновременно разрушая реальную экономику (производство материальных благ и услуг), что ведет к массовой безработице, обнищанию и вымиранию населения. При этом ускоряется процесс обогащения мировой олигархии, увеличивается в каждой стране пропасть между богатыми и бедными. Мировое правительство рассматривает независимость банков только как независимость их от национальных правительств. Но вся мировая банковская система зависит (и еще как зависит!) от единственного в мире эмиссионного центра главной мировой валюты — доллара...

Защищая интересы мирового правительства, МВФ переводит центробанки стран-жертв на работу в режиме «currency board» (валютное управление). В таком режиме эмиссия денежной национальной единицы разрешается только в объёме, равном приращению валютных резервов Центрального банка страны. Значит, не объём внутреннего рынка, а только объём экспорта (т.е. реализация товаров и услуг на мировом рынке и, как правило, за доллар) обеспечивает рост золотовалютных резервов и разрешение на эмиссию эквивалентного объёма своей валюты. Что обеспечивает долларизацию экономики вроде бы суверенного государства.

Все государства мира страдают от такой банковской системы, которая уничтожает реальный сектор экономики, за-

---

щищая интересы спекулятивного финансового капитала. Не исключением являются и сами США, где государство зависит от частной структуры ФРС, от интересов и appetитов двух десятков банковских воротил».

Часто приводят примеры наказания тех, кто покушался на монополию доллара.

Саддам Хусейн отказался на доллары продавать нефть, перешел на евро. Каддафи запретил банкам давать кредиты в рост, т.е. отменил банковский процент. Да ещё развернул работу по интеграции североафриканских стран, готовил введение их общей валюты — золотого динара. Известно, чем это кончилось.

Менее известно, как расправились с Венгрией, правительство которой решило взять под свой контроль Центробанк. Это уже был вызов мировому правительству. Посыпались угрозы выгнать Венгрию из Евросоюза, лишит кредитов МВФ и довести страну до банкротства. И Венгрия отступила.

«В этом вся суть, — продолжает Н. Витренко. — Им нужно, чтобы банки — «кровеносная система» экономики не подчинялись правительству, государству. Им плевать на проблемы нашего общества, на задачи, которые нужно решать ради населения, ради развития производства! Вместо обеспечения жизнедеятельности страны, такая банковская система во главе с таким Центробанком превращается в раковые клетки, пожирающие, убивающие весь организм. Без её радикального изменения, без изменения роли Центробанка и речи не может быть о развитии экономики, о модернизации производства, о переходе на инновационную модель развития».

И надо признать, что мировой олигархии удалось решить эту задачу. По крайней мере, на 90 процентов.

Современное стояние ФРС и её проблемы

Грамотные читатели, в общем, в курсе нынешних дел ФРС, знают о них всё, кроме того, естественно, чего не знает никто.

Не так широко известно, что сейчас ФРС уже держит, в частности, в залоге почти всё землевладение Соединенных Штатов Америки — как государственное, так и частное. Да и много чего другого. Ведь Великая депрессия для того и была устроена венецианцами, чтобы банкиры смогли скупить промышленные и сельскохозяйственные предприятия за гроши. (Сценарий сегодняшнего финансового кризиса тот же, что и в период Великой депрессии: создать условия, при которых большое количество компаний увязнет в зависимости от финансовых институтов, в том числе в кредитах, оттянуть

деньги из экономики, «обрушить рынок» и приобрести обанкротившиеся предприятия и богатства разных стран за бесценок). Значит, ФРС управляет Америкой не только как распорядитель денежного обращения в стране, но и как крупнейший собственник. Сейчас ФРС — самое крупное предприятие в мире, причём, явно жульническое. И если прежде мало кто осмеливался выступить против господства ФРС и над США, и почти над всем остальным миром, то сейчас положение изменилось.

Намерение правительства США решить свои проблемы путём включения печатного станка ФРС вызывает недовольство среди развивающихся стран, которые столкнулись из-за этого с масштабным притоком иностранного капитала и укреплением национальных валют. Бразилия ввела новые ограничения на иностранные инвестиции и призвала другие страны искать скоординированный ответ на ослабление доллара, на объявленную миру «валютную войну».

Далее, если прежде никто и заикнуться не смел о необходимости проверки деятельности ФРС и установления контроля над ней, то недавно конгрессмены Рон Пол и Алан Грейсон добились позволения провести аудиторскую проверку счетов ФРС. И два сенатора — Берни Сандерс и Джим Деминг — провели такую проверку. Несмотря на бешеное сопротивление ведущих мировых банкиров, сенатор Сандерс поместил все данные проверки на свою страницу в сети. Хотя СМИ и стараются замолчать этот факт, а сам Сандерс подвергся травле, аудиторская проверка ФРС выявила потрясающие факты.

В частности, установлено, что в 2007—2010 гг. ФРС в обстановке абсолютной секретности выдала находившимся на грани банкротства банкам, корпорациям и правительствам различных стран в долг (причём без процентов, то есть бесплатно) 16 триллионов долларов, из которых ни один доллар не вернулся обратно. И даже американский Конгресс не был об этом проинформирован.. По всей видимости, подпольная эмиссия американских долларов ФРС не прекращалась с момента её возникновения. Нужны ли новые доказательства того, что мы живём в условиях диктатуры преступного суперклана?

Вот типичные заголовки статей в ведущих газетах Запада о положении США:

«Вашингтон не может командовать» («The Financial Times», Великобритания),

«Прощай, «Американский век» («The Nation», США), «Всё кончено» (в London Review of Books.) Хотя можно встретить и

заголовки обратного свойства: «Кудрин дает понять, что альтернативы глобальному статусу доллара нет» («Bloomberg», США)

Не от хорошей жизни уже четверть штатов США (Южная Каролина, Вирджиния, Джорджия, Миссури, Юта и др.), в соответствии с Конституцией и решениями Верховного суда, заявили о возможности ввести собственную валюту. Причем не бумажную, а настоящие золотые и серебряные монеты. Власти этих штатов полагают, что в случае падения ФРС надо защитить своих граждан.

Всюду — тупики

Ну и как же выходить из кризиса, созданного мировой банкирской мафией?

«...Все, в общем, понимают, что причины, которые осенью 2008 года привели к кризису, никуда не делись и что второй удар финансово-экономической стихии неизбежен. При этом свои свободные средства государства и корпорации заметно исчерпали... Остается только один сценарий — государственный дефолт. Проектное и управляемое обрушение доллара», — пишет аналитик Сергей Переслегин.

В прессе циркулируют слухи о новой американской валюте — амеро (общей для США, Канады и Мексики). В. Полеванов даже утверждает, что в США уже напечатаны «синие» доллары для внутреннего обращения. Готовы ли могущественные семьи (а на сегодня, по мнению большинства экспертов, основными владельцами ФРС являются Ротшильды) поделиться властью над печатным станком с соседями? США допускают возможность перехода на новую валюту — на золотые монеты. Это произойдет неожиданно. Но США будет менять золото на доллар по своему курсу. И все страны снова попадут в зависимость от США.

Но гораздо большую опасность для ФРС и доллара эксперты видят в том, что всё большее число стран мира стремится в своих торгово-экономических отношениях отказаться от доллара и перейти в расчётах между собой на национальные валюты. Известный американский экономист Майкл Хадсон, например, опубликовал в «Financial Times» статью под названием «Екатеринбургский перелом: дедолларизация и конец военно-финансовой гегемонии США». В ней речь идёт о встрече глав стран Шанхайской организации сотрудничества в Екатеринбурге, которую Хадсон считает «самой важной встречей на высшем уровне с начала XXI века», ибо на ней крупнейшие торговые партнеры США сде-

---

лали первый шаг по пути к замене доллара другой мировой резервной валютой. Причём интересен и такой факт: США, обратившись с просьбой об участии в саммите в качестве наблюдателя, получили отказ. Такого унижения США не испытывали давно. И Хадсон делает ошеломляющий вывод:

«Возможно, Екатеринбург войдет в историю как место, где нашёл свой конец не только последний русский царь, но и американская империя...»

Это означает конец доллара. Китай, Россия, Индия, Пакистан и Иран официально создают военно-финансовый блок, чтобы выставить Америку из Евразии. Дефицит платёжного баланса США связан прежде всего с военными ассигнованиями. Это дефицитное финансирование зависит от зарубежных банков, от центральных банков. У них нет другого выбора, кроме как возвращать нам полученные от нас деньги, скупая американские государственные облигации. Получается, что азиатские страны финансируют собственное «окружение» нашими военными базами. Их вынуждают принимать долларové обязательства, которые никогда не будут погашены. Они платят за военную агрессию Америки против самих себя. Естественно, им хочется положить этому конец.

Китай, — продолжает Хадсон, — уже заключил двусторонние торговые соглашения с Бразилией и Малайзией, предусматривающие взаиморасчеты не в долларах, фунтах или евро, а в юанях. Россия обещает перейти на расчеты с другими странами в рублях и их собственных валютах. Председатель китайского Центробанка в открытую призывает отказаться от доллара в качестве резервной валюты, заменив его принятыми в МВФ «специальными правами заимствования». «Бегство от доллара» уже началось.

Цель всех этих шагов — создать многополярный миропорядок, который разрушит экономическую, а значит и военную гегемонию Соединенных Штатов. Китай лихорадочно расходует свои долларové резервы на скупку промышленных предприятий и недвижимости по всему миру, избавляясь от запасов американской валюты. Пекин понимает, что очень скоро его долларové резервы полностью обесценятся».

Хадсон уверен: «Архитекторы этой новой глобальной системы взаиморасчетов хорошо осознают: сломав хребет доллару, они покончат и с американской гегемонией в военной сфере... Когда мы не сможем заваливать долларами иностранные Центробанки, и никто не станет покупать наши облигации, американская империя рухнет. Безудержные военные расходы — до триллиона долларов в год с учетом косвенных ассигнований — станут невозможными».

Тегеран намерен вскоре полностью отказаться от расчетов в долларах и евро при осуществлении экспортно-импортных операций. Уже сейчас немалую часть нефти Ирану приходится продавать за юани, рупии или за бартерные поставки различной продукции. Из-за жёстких санкций США и Евросоюза крупные западные банки отказались от обслуживания операций с Ираном. И ему приходится изобретать непростые и дорогостоящие финансовые цепочки для получения конвертируемой валюты.

Индия и Китай уже частично оплачивают нефтяные поставки из Ирана в своих национальных валютах, а Турция расплачивается за иранский газ золотом — к великому недовольству ее союзников по НАТО, ведь именно это золото позволило Ирану осуществлять необходимые закупки тех товаров и технологий, которые нельзя купить за юани и рупии. А Турция благодаря контракту с Ираном обеспечила пятую часть своих потребностей в газе. Однако в этом году США ввели запрет и на продажу Ирану ценных металлов. Ирану все больше приходится во внешнеторговых отношениях переходить на бартерные расчеты (например, с Туркменией). Таким образом, Иран вошел в открытое противостояние с США — только не вооружённое, а финансово-экономическое. И на этом фронте он может нанести сверхдержаве куда более ощутимые удары. Ведь примеру Ирана могут последовать и другие страны. Это будет означать конец эры доллара.

Но и Иран может рухнуть первым. Его финансовая система тоже находится на грани обрыва: ВВП страны сокращается, национальная валюта обесценивается, и нефтяные доходы — основа благосостояния — падают. И на китайские юани передовые технологии не купишь, США продают их только за доллары, да и то не всякому покупателю, есть у них и «чёрные списки» государств и даже фирм, против которых введены санкции. Наконец, в долларах нуждаются жулики и коррумпированные чиновники многих стран, которые стремятся вывезти украденное «у себя дома» за рубеж.

Я знаю россиян, которые жаждут краха доллара, и их можно понять, настолько сильна всеобщая ненависть к мировому паразиту. Но надо иметь в виду, что если с обрыва упадет Иран, это всего лишь на время дестабилизирует нефтяной рынок. Но если рухнут Штаты, вслед за ними может полететь вся мировая экономика, которая еще не успела отвязаться от доллара. А Россия только делает первые шаги на этом пути. И нам всем при крахе США придётся столкнуться с невероятными трудностями. Пусть ситуация созреет до той степени, когда крах доллара не причинит бед России.

Когда демократы и республиканцы договорились о повышении планки государственного долга США, известный экономист, лауреат Нобелевской премии Пол Кругман назвал это решение «катастрофой» не только для демократов и Обамы, но и для экономики страны. И Владимир Путин, тогда ещё председатель правительства РФ, прокомментировал американскую финансовую политику. По его словам, американцы, в очередной раз увеличив предельный размер госдолга, получили лишь ещё немного времени, однако в дальнейшем властям США всё равно придётся решать давно назревающие проблемы. Путин выразил одобрение тому, что власти США не пошли на дефолт американского доллара. По его словам, дефолт доллара США нанесёт мировой экономике сильный удар, так как в современном мире все страны так или иначе связаны друг с другом в экономическом плане. Но Путин выразил мнение, что США для мировой экономики являются паразитом, так как тратят денег больше, чем зарабатывают, при этом перекладывая свои проблемы на плечи других стран. Путин заявил, что российский рубль вполне может стать резервной валютой.

Да, США — паразит. Но доллар имеет цену, потому что используется в мировой торговле. То есть, мировая торговля контролируется американскими банкирами. И вот если мир по какой-то причине перейдет на другую валюту, он может начать сбрасывать доллары. В этом случае доллар обесценится. Однако для Америки это может стать неплохим источником выгоды. Ведь США — крупнейший должник мира, но они — одна из немногих стран мира, которая должна в своей собственной валюте. США, грубо говоря, могут хоть до нуля снизить цену доллара — и тогда отдача долгов будет для неё совсем необременительна.

Важную причину устойчивости доллара как мировой валюты раскрывает экономист Михаил Хазин (изложу его соображения с некоторым сокращением):

В 1944 г., когда на конференции в Бреттон-Вуде закладывались контуры современного мира, приоритет отдавался США — они на тот момент составляли более 50 процентов мировой экономики. А сейчас доля США в мировом производстве упала до уровня примерно в 20 процентов, и есть по крайней мере два региона, которые им, как минимум, не уступают. Это Евросоюз и Китай. И тем не менее Штаты абсолютно доминируют и в финансовой сфере, и в военной, и во многих других. Почему же ЕС или Китай не могут дать адекватный отпор? Потому что мировая экономика так устроена с точки зрения системы разделения труда, и это предполагает

безусловное доминирование США. Это можно понять, если вспомнить «план Маршалла».

Суть его, как принято считать, состояла в выдаче кредитов странам Европы на восстановление промышленности после войны. Однако построить в Германии завод, чтобы он изготовлял продукцию, можно. Но кто в нищей и разоренной Европе эту продукцию будет покупать?

Ключевой момент «плана Маршалла» состоял в том, что США открыли для Европы рынки сбыта её продукции. Это главный момент, который и обеспечил «экономическое чудо»: европейские предприятия стали получать прибыль, перераспределение которой и создавало рынок сбыта собственно внутри стран, вовлечённых в этот план.

В итоге, во-первых, произошло быстрое восстановление экономики Западной Европы. Во-вторых, доллар США де-факто стал в этих странах второй, а то и первой валютой — поскольку именно в нём эти страны получали прибыль, которая и стала основой их восстановления. В-третьих, они оказались прочно «привязаны» к США — и потому что вначале основная, а потом значительная часть получаемой ими прибыли была не просто номинирована в долларах, но и формировалась в рамках экономики США. В-четвёртых, в США в результате произошло разделение спроса и производства: второе стало меньше первого, если считать в долях мировой экономики. Это компенсировалось потоками капитала и чистым экспортом в другие регионы, кроме Западной Европы.

После провозглашения Китайской Народной Республики США начали противодействие этой социалистической стране, предложив аналогичную схему с доступом национальных производителей на свои внутренние рынки Японии, Тайваню и Сингапуру. В этих странах тоже началось «экономическое чудо». Соответственно, роль доллара опять выросла, а разрыв между производством и потреблением в США увеличился.

Затем схема была повторена ещё два раза: с Южной Кореей после окончания Корейской войны, и опять с Китаем — после визита Никсона в эту страну в начале 70-х годов (после дефолта США 1971 года и начала «кризиса 70-х»). В результате доля потребления США в мировой экономике стала (относительно) уже существенно больше, чем производство. А после того, как в начале 80-х было в рамках «рейганомики» запущено кредитное стимулирование частного спроса, этот разрыв увеличился ещё больше. Ныне доля США в мировой экономике по паритету покупательной способности по производству составляет около 20, а по потреблению — около 40 процентов.

И вот в этой ситуации становится понятна роль США и доллара. Доминирование доллара в мире связано с тем, что именно в нём выражен спрос. Заменить его на что-то другое достаточно сложно, поскольку это «другое» нужно ещё как-то доставить американскому (или какому-нибудь другому) потребителю. В США эта система отлажена за многие десятилетия, а вот, скажем, попытки Китая повторить опыт стимулирования внутреннего спроса пока заканчиваются серьёзными проблемами с надуванием финансовых пузырей.

Борис Кагарлицкий, директор Института глобализации и социальных движений, считает, что давление кризиса на население США будет возрастать. Международные ресурсы для поддержания американской политики эмиссии исчерпаны: «Россия вместе с десятками других государств подошла к пределу финансовых возможностей. Властям приходится выбирать между усилиями по сохранению международной финансовой стабильности и удержанием социальной стабильности в своей стране. Работа на усиление доллара увеличивает в РФ рублёвую инфляцию и ускоряет рост общественного недовольства, что оценивается уже как политическая угроза».

Укрепление рубля облегчает для крупного бизнеса РФ ситуацию с внешними долгами. К предстоящему снижению мировых цен на сырьё государство готовится сокращением социальных расходов и попытками восстановить валютные резервы. Возможная девальвация рубля оценивается чиновниками как социально чрезвычайно опасная. Произошедшее в первые месяцы 2011 года ослабление доллара к рублю, а также и к евро является сигналом, что США должны ускорить переход к жёсткой экономии и отказаться от ставки на эмиссию. «Меньше печатать денег, больше экономить — такова доктрина, уже опробованная в Европе. Революции в арабских странах — это сигнал Вашингтону, что периферия не выдерживает, и США должны ускорить переход к менее разрушительной для внешних экономик валютной политике, — полагают в ИГСО.

В 2008—2010 гг. США для поддержания финансовой стабильности прибегли к беспрецедентной в новом тысячелетии эмиссии. Было напечатано от 7 до 15 триллионов долларов. При этом инфляционные издержки взяли на себя другие страны, поддерживая американскую валюту. В мире не произошло и отказа от политики государственного сбережения в американской валюте. К концу 2010 г. Вашингтону стало ясно, что пределы такой политики почти достигнуты. Обама вынужден был объявить о переходе федерального правительства

к жёсткой экономии с осени 2011 г. Многие штаты уже в 2010 г. стали урезать социальные расходы и искать способы переложения бюджетных издержек на население.

Есть ещё один источник дохода для США: «раскулачивание» иностранных олигархов, хранящих свои доллары за рубежом. Ради этого, по мнению В. Полеванова, и был навязан миру лозунг о борьбе с терроризмом. Под этой ширмой стало возможным «ликвидировать святую тайну банковских вкладов. Изнасиловали даже Швейцарию, процветавшую за счёт этой тайны. Теперь в любой момент можно аннексировать любые счета. Даже без решения судебных органов. Достаточно подозрения, что они могут принадлежать террористам. Вот так сейчас вскрываются миллиарды Каддафи, Мубарака и других восточных лидеров, ещё недавно друживших с Западом. Организаторы провокации получили контроль над всеми мировыми финансами, находящимися в «надёжных» западных банках. Главное — знать номер счета и хозяина, а уж повод для «приватизации» вклада всегда можно найти.

Наконец, в США начали борьбу с офшорами. Выяснилось, что 83 из 100 крупнейших корпораций США имеют «дочек» в офшорах, у некоторых число таких «дочек» доходит до 400. Кроме того, с офшорами очень сложно бороться, поскольку в американском законодательстве нет чётких характеристик налоговой гавани. Включился в борьбу с офшорами и лично Барак Обама. Стало знаменитым его высказывание об офисе одной юридической фирмы на Каймановых островах, в котором зарегистрировано более 18 тысяч компаний: «Либо это самое большое здание в мире, либо величайшая в истории налоговая афера». В ответ представитель островов обратил внимание на офис, находящийся в штате Делавэр (во внутреннем американском офшоре), в котором числится 285 тысяч компаний, в том числе «дочки» Google, General Motors, Coca-Cola и Deutsche Bank.

И что же будет со Штатами в случае краха доллара?

Мало кто представляет себе, что означало бы для США падение доллара. И тут нам ещё раз поможет уже знакомый знаменитый американский журналист Крис Хеджес. Вот что он написал в 2009 г. в статье «Банкротство американской империи» («RINF News», Великобритания): «Заканчивается эпоха правления доллара в качестве мировой резервной валюты. Она же знаменует собой начало периода ужасающего экономического и политического упадка Соединенных Штатов. Американская империя испускает последний вздох. Все

кончено. Возврата к прошлому не будет. И впереди нас ждет нечто очень, очень болезненное.

Барак Обама, криминальные кланы Уолл-стрита и их помощники — контролируемые большим бизнесом СМИ, выдающие вздорные сплетни и пустую болтовню за новости в тот момент, когда страна переживает жесточайший экономический кризис в своей истории, возможно, сумели одурачить нас, американцев, но остальной мир отлично понимает, что мы — банкроты. И черта с два другие страны будут продолжать поддержку завышенного курса доллара и гигантского дефицита нашего федерального бюджета, уже превысившего 2 триллиона, за счет которого мы оплачиваем экспансию Америки в Евразии и финансовую пирамиду, в которую превратился наш капитализм. Они взяли нас за горло, и теперь начнут сжимать пальцы.

Если они успешно доведут это дело до конца, курс доллара рухнет, импортируемые Америкой товары, в том числе нефть, резко подорожают, процентные ставки возрастут, а безработица примет такие масштабы, что последние месяцы покажутся нам верхом благополучия. Услуги, предоставляемые населению региональными и федеральными властями, будут сокращены в объёме или просто аннулированы из-за недостатка средств. США станут похожи на Веймарскую республику или Зимбабве. Обама, которого сегодня многие считают чуть ли не Спасителем, вдруг станет выглядеть жалким и никчемным слабаком.

«Нам придется самим финансировать свои военные расходы, — дополняет Хеджеса Хадсон, — и сделать это можно только за счет резкого сокращения зарплат. Классовая борьба снова с нами. Уолл-стрит это понимает. Именно поэтому он заставил Буша и Обаму раздать большому бизнесу 10 триллионов долларов: в результате подобного разграбления государства его воротилы получили достаточно денег, чтобы выжить»...

Хеджес считает: *«Когда доллар рухнет, стоимость жизни — от питания до медицинских услуг — станет непосильной для подавляющего большинства американцев. Пенсионные фонды региональных и муниципальных органов власти растают как снег, и их придется закрыть. Государство вынуждено будет распродавать объекты инфраструктуры — в том числе дороги и транспортные средства — частным корпорациям. Приватизированные коммунальные службы будут постоянно повышать тарифы за услуги населению, прежде регулировавшиеся и субсидировавшиеся государством. Коммерческая и частная недвижимость потеряет больше половины своей нынеш-*

ней стоимости. Если сегодня рыночная стоимость 25% американских домовладений оказалась меньше взятых под них ипотечных кредитов, то вскоре с такой ситуацией столкнутся почти все собственники жилья. Получить кредит будет трудно, а продать недвижимость без больших убытков — невозможно. Наши городские кварталы будут представлять собой печальное зрелище — пустые магазины, заколоченные дома. По стране прокатится эпидемия выселений за долги. Массы бездомных выстроятся в очереди за бесплатным супом. Контролируемые большим бизнесом СМИ — уже сегодня примитивные и банальные — будут работать день и ночь, отвлекая нас бессмысленными сплетнями и зрелищами, сексом, сценами беспричинного насилия, ужасниками и пустопорожними политическими дебатами. Американское общество будет состоять из гигантского обездоленного низшего класса и крохотной властной олигархии, управляющей жестокой и беспощадной системой неофеодализма из неприступных замков-резиденций. Всякого, кто дерзнет сопротивляться, заставят замолчать — зачастую силой. За гигантские злоупотребления нашей правящей элиты придется заплатить нам — очень дорого и очень скоро.

Говорят, что ураган Катрина продемонстрировал неспособность американского общества противостоять подобным неприятностям. Предстоящий же финансовый ураган — значительно сильнее. И никакой национальной гвардии на горизонте — только массы шакалов, желающих урвать от падающего гиганта кусок повкуснее. Или международные спекулянты враз перекуются в овечек?! И не будут рвать финансовую систему США так же, как они рвали РФ?».

А В.Полеванов добавляет: «Глобальный смуткризис будет таким, что мы забудем об этих глупеньких и бессильных клоунах — лидерах государств. Ядро капсисистемы попало на «дорогу ужасов», где его поджидает один монстр за другим. Кое-как справишься с одним — а тебя уже атакует следующий. А не успел с первым совладать — на тебя наваливаются уже два чудовища, и следом третье к тебе спешит. Даже если США и Европе удастся как-то решить проблему колоссальных долгов (хотя я не вижу этой возможности в принципе), то дальше они столкнутся с жуткой проблемой взрывного роста пенсионных расходов и банкротства пенсионных фондов, с экономико-демографическим кризисом. А дальше — проблема бунтов и восстаний низов с последующим падением экономики. А дальше — монстр аварий истощенной, недоинвестированной инфраструктуры; чудовище «войны поколений» (бунт обездоленных молодых против стариков, опустошающих бюджет и

экономику в целом); монстр разгула «нового варварства» из-за массового падения качества образования. Это когда не будет хватать инженеров и квалифицированных рабочих, когда на улицы выйдут орды необразованных и неквалифицированных, жестоких и сексуально озабоченных «постиндустриальных дебилов».

И уже ничего нельзя изменить. Все это — неизбежность. Горькая, кровавая расплата за десятилетия неолиберального, монетарного и «постиндустриального» безумия. Невозможно быстро исправить и ликвидировать те страшные проблемы, что копились тридцать с лишним лет.

Это то, от чего хранил нас СССР. Его проблемы на фоне того, что ждет нас дальше, покажутся мелкими неприятностями. Все полетит к чёрту...»

Этот прогноз, очевидно, относится не только к США. Но изменить ситуацию ещё можно, если быстро укрепить позиции России, о чём надо будет говорить отдельно.

Кто же жаждет краха США?

Российские учёные-экономисты из академических институтов, как я уже писал, считают, что предсказания о скором крахе доллара неосновательны. Вот и глава комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков прямо говорит: «Я... всегда был противником скороспелых умозаключений, будто кризис приведёт к падению Америки, что, мол, считанные годы остались до перехода лидерства к Китаю, что доллар скоро рухнет и т.д. У США огромная накопленная мощь» («Московский комсомолец» от 21.01.2013).

Действительно, объективный анализ показывает, что при всех трудностях, какие испытывают сейчас США, видимо, всё же тех факторов внутренней жизни США, подрывающих основы доллара, недостаточно для его падения. Гораздо серьёзнее те опасности, которые подстерегают его со стороны могущественных сил, заинтересованных не только в крахе доллара, но и в сокрушении самих США (как и Израиля). И, похоже, на данном этапе эти силы берут верх. Свидетельством тому стала облетевшая недавно весь мир сенсация: США остались без золотого запаса.

В СМИ разгорелся скандал, связанный с продажей Министерством финансов США фальшивых золотых слитков Китаю. Когда указанная партия была получена, правительство Китая приказало провести специальный анализ чистоты и веса полученных золотых слитков. В итоге выяснилось, что слитки фальшивые. Поддельные слитки поступали от

банков ФРС во время правления администрации Билла Клинтона. Тогда по заказу, поступившему от банкиров ФРС, было отлито от 1,3 до 1,5 миллиона плиток вольфрама весом по 400 унций. Из общего количества, 640 тысяч этих вольфрамовых плиток покрыли золотом и отправили в Форт-Нокс (где хранится золотой запас США), в котором они остаются и на данный момент.

26 июня 2011 г. американский конгрессмен Рон Пол предложил провести аудит всего золотого запаса Соединенных Штатов, но правительство этому воспрепятствовало... Вероятно, прежде всего потому, что этого запаса уже нет.

Среди возможных и вполне реальных причин раздувания грандиозного сексуального скандала с участием уже бывшего главы МВФ Доминика Стросс-Кана было его заявление о том, что **у США нет золотого запаса**. США затормозили отгрузку 191,3 т. золота для МВФ на основе заключённых договоренностей — для использования в качестве своеобразной альтернативы резервным валютам. Во время пребывания в США, Стросс-Кан получил непосредственно от сотрудников ЦРУ фактическое подтверждение того, что **американский золотой запас исчез**. Это ему сильно повредило. Он хотел немедленно выехать из Нью-Йорка, но его с подобным «багажом» информации в голове попросту затормозили «скандалом о якобы изнасиловании чёрной американки».

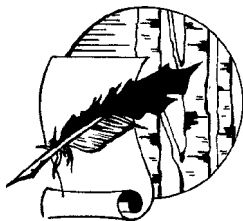
Итак, в Форт-Ноксе лежат вольфрамовые пластины, а доллар обеспечен всего лишь сертификатами, которые без реального золота ничего не стоят. И ФРС вынуждена была в 2011 году признать: «Золота у нас нет». До 1934 года ФРС владела золотом. Но она передала его, согласно закону, подписанному Рузвельтом, Казначейству и получила взамен эти золотые сертификаты. Но и у Казначейств этого золота нет.

Как же так? Самая могущественная страна мира не имеет золотого запаса? А ведь у неё было более половины всего количества золота в мире. Куда же оно девалось? Вероятнее всего его расхитили Ротшильды и Рокфеллеры.

Скандал этот раздут не случайно. Кому-то очень нужно, чтобы оправдался прогноз героя фильма «Брат»: «Америке кирдык!»

Спрашивается, что же это за силы, и для чего им нужно сокрушить США, какие глобальные цели они преследуют, и удастся ли им осуществить свои планы планетарного масштаба? Об этом и пойдёт речь в последующих главах.

Продолжение следует

Владимир ШУВАЕВ

МЕНЯЯ ФЛАГИ НА ВЕТРУ

ВДАЛИ ОТ СТОЛИЦ

Вдали от столиц, где столбы покосились,
Где мыслят свободно и горькую пьют,
Вдали от столиц, в настоящей России
Копают картошку и песни поют!

Давно коммунизма остыла дорога
И капитализм не прижился вполне.
И нет здесь властей никаких, кроме Бога,
И серого неба, что стынет в окне...

РУССКАЯ ДОРОГА

Стынет тьма над русской дорогой.
Интернет на бабкиной Руси,
Ветеран, считающий налоги,
«Ситроен», буксующий в грязи.

Ничего не изменилось с нами!
С деревенской церкви, как в войну,
Смотрит Бог усталыми глазами
На свою любимую страну.

Прошное клянем, воруем люто.
Греем газом с нефтью пол-Земли.
Поменяв идею на валюту,
Никакой замены не нашли.

Летется дождь сквозь серенькое сито
На страну, уставшую от ран.

Голубой улыбкой трансвестита
Ублажает нас телеэкран.

Наверху правительство сменилось,
А внизу приказчики всё те ж...
Маленькому мальчику приснилась
Жизнь большая, полная надежд...

ПОВОРОТ

Жить можно! Навалом всего!
Забав и еды не убавить.
Жить можно. Но жить для чего?
Чтоб вечером крестик поставить?
Чтоб утром проснуться опять
В плену бытовой мясорубки
И в глотку ее отправлять
Святые свои незабудки?
Чтоб лезть на карачках — вперед,
На поиски денег и чина,
И нищий дурачить народ —
И это для жизни причина?
Я все тебе отдал сполна,
Болото страстей человечьих.
И старая жизнь мне тесна,
А новую выразить нечем...

РАЗУМ

Скакала лошадь. Печь трещала.
Тетрадь и пища на столе...
Кому-то показалось мало
Такого счастья на Земле.

И в даль нейтронов и абортвов,
Ломая божьи берега,
На путь великого комфорта,
Рванулась бойкая нога.

Какой был Мир дарован в руки!
Но, разрушая смысл Творца,
Мы жадной прихотью науки
Разъяли клетки и сердца.

...Я кран открыл — и хлорным ядом
Дохнула мертвая земля,
Сама себе давно не рада
Под ношей нашего ума.

Озонной выжженностью неба,
Планетой в атомной парше,
Земля заплатит на потребу
Эгоистической душе.

Познав последнюю дорогу,
Дорогу в мрак и в никуда,
Назад — к Гармонии и Богу —
Рванут двуногие стада!

Но там... ни перышка, ни речки,
Ни ветра свежего вдали...
Лишь голый разум человечесий
Над мертвой падалью Земли.

ПУТИ-ДОРОГИ

От стрельцов до сталинских бессонниц,
С темной раскольничьей у глаз
Жили мы, одной судьбой неволясь.
И внезапно выпустили нас...
Пьяная от бесов и марксистов,
Самогонной горечью дыша,
В золотых краях капитализма
Заблудилась русская душа.
Родина! Плевки на обелисках.
Полоса нелегкая твоя.
Заповедный край идеалистов.
Чистый снег предсмертного белья.
Не от мира созданная Богом —
Что тебе разруха и беда?!
Поторчим на мировой дороге,
Не ведущей — русских — никуда.
И вернемся в «наши Палестины»,
Поклонившись бедному крыльцу —
Возвращеньем горестного сына
К дорогому, верному отцу.
И вернемся, отчей крыше рады.
И тревожно всмотримся в окно...

С нами: Бог, Поэзия и Правда!
Ничего другого — не дано.

ВОКЗАЛ ЧЕЛОВЕЧИЙ

Одна толпа теснит другую,
Меняя флаги на ветру.
Я этой жизнью не торгую —
За чувства денег не беру.

Ведь это все до слез — не вечно!
Уходят эти, входят те...
Земля Вокзалом Человечьим
Летит в астральной пустоте.

НА ПАПЕРТИ

У ворот сидишь онемело.
Горьким звоном гремят гроши.
Никому никакого дела
До погибшей твоей души.

Дни коротки, а ночи длинны.
Никому теперь не родной,
В Кандагаре или в Берлине
След оставил вместе с ногой...

Ты теперь один на планете.
И дела твои нележки.
И в фуражку летят монеты,
Как в Россию летят плевки.

Чей приказ ты исполнил смело?
Чей просчет ты закрыл собой?
И душа расстается с телом
У кого при встрече с тобой?

ПЕЙЗАЖ

Виктору Мещерину

Дачный сезон шашлыков и купаний
Снова закрыт на осенний засов.
Спит деревушка в глухом океане
Русских огромных опавших лесов.

В белый туман над весельем вчерашним
Птицы пролетом кричат о любви,
Но не друг к другу, а к землям и пашням,
Быстро мелькающим в птичьей крови.
Чутким копытом потрогав дорогу,
Лось исчезает в рассветную тьму..
Не обольщайся открытием Бога:
Эта Любовь — не тебе одному.

РУССКАЯ БОЛЬ

Двери захлопнулись и... тишина.
Вот она — даль — без времён.
Вот богоизбранных судеб страна
Всех, кто ушёл испокон...

Господи, сколько же гениев здесь!
Вместе, в доступной близости
Сборная Мира, Гремучая смесь —
После житейской грязи.

Вот у Толстого грибы в туеске.
Чехов ютится в пальто.
Мы говорим на одном языке
С Хэмингуэем и По.

Вот и со мной разговор повели.
Где мне слова подобрать!
Мелкие низкие клоны Земли —
Что мы им можем сказать?

Я расскажу им, что люди — в крови.
Страны в валютном дыму.
Что ореол их Великой Любви
Не научил — ничему!

Что не исправить протоптанный путь
Жадных народов — во мгле,
Ведь никогда никому не вернуть
Даже — момент — на Земле.

Мы говорим, говорим, говорим —
Сопоставляя миры,
Что мы на этой планете творим,
Бога забыв — до поры!..

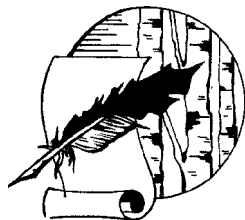
Что нам Спаситель и что нам душа? —
Скудная пища уму.
Дети Антихриста судьбы вершат,
Мы не нужны никому!

Вот Солженицын в барачной пыли,
Грустно освоив «тот свет»,
Смотрит в тюремные дали Земли
И не находит ответ.

Кто нас спасёт на планете большой,
Гений, министр иль кассир?
Каждой, отдельно горящей душой,
Можно спасти этот мир!

Кто-то подходит — с тоскою в глазах,
С сердцем, сожжённым дотла.
— Фёдор Михайлович, что ж вы в слезах?
— Русская боль не прошла...

О, этот Шар, что идёт на убой!
В безднах горит мировых...
Может, огромная русская боль
Мертвых спасёт и живых?!

Раиса РОМАНОВА

Замечательная современная поэтесса, наш давний автор Раиса Романова встретила свой юбилей. В ее стихах звучит неподдельная боль за судьбу России и сострадание к людям.

Мы искренне желаем поэтессе доброго здоровья и новых творческих свершений.

ЗА РУССКОЮ МГЛОЙ

* * *

Над полем — лет несметных череда
И облаков безвестная гряда.
И отражает гневный лик Стрибога
Покойная до времени вода.

Река времен! Сей берег омойвай!
Несуетную песню напевай!
Не перепутай дел своих насущных:
Забвенью этот край не предавай!

Звучит степей высокая струна.
Ковыль да рожь — с рассвета до темна.
Простор. И в нем душа моя просторна
И мысль светла. В ней истина видна.

Здесь, на равнине, орды полегли,
Следы ливонца травы погребли,
Не одолел француз ее пределов.
Блицкриг затух в густой ее пыли.

Мы возрастали — бездны на краю.
Над нами не картавить воронью.
Пока трубит над полем ветер свободы,
С колен поднимем Родину свою!

* * *

Сквозняк пространств, народов и эпох...
Лежит равнина, ветрами продута.

Не прорастет времен чертополох
В просторе этом.
Вечность — как минута!
Минута ж, — словно Вечность,
Велика...
Покой стоит. Как лодка на приколе,
Заслушавшись напевов сквозняка,
Что гонит дальше перекасти-поле...
Лишь то, что корни пустит глубоко,
Что влагу достает из недр Отчизны,
Здесь, на ветру, и выживет легко,
И зацветет во имя новой жизни.
А бешеное семя залетит —
За почву уцепиться неродную
Не сможет:
Ветер времени свистит —
Он спорынью угонит наносную.

* * *

Мы наших мертвых похороним.
Но не уроним нашу честь.
Хоть предоставим посторонним
За поминальный стол наш сесть.

Вы приобщились к нашей славе,
Вы притулились к ней плечом.
Но вы не вправе, вы не вправе
Здесь слова молвить ни о чем.

Мы стерпим все. Мы притаимся
В сырых промозглых блиндажах.
Но с рабской мыслью не смиримся.
Мы в подземельях выжжем страх.

И снова выйдем на просторы,
Которым равных в мире нет.
Поскольку мы из тех, к которым
В опасный час взывает свет.

* * *

Окунулась в закаты Москва.
По России рассветы — тоскливы...
Дайте веру народу в слова:
«Совесь», «долг», «правота»,
«справедливость»!

Бескорыстье, как мера души,
Как в престольные праздники благодать,
Осеняло и в самой глуши
Трудовую крестьянскую радость.

Возвратите же веру в добро
И понятие добра, как служенья!
Ненасытное ваше нутро
Удалите от чистого зренья!

Открывайте кафе, ателье
И шалейте в частных притонах, —
Только знайте, свое житие
Мы допишем хоть при фараонах!

И запомните: русская мгла
И не те еще силы смигнула!
А земля наша сроду ждала
Благочестия, а не разгула.

* * *

...А ночью лил холодный дождь,
В жезл подоконника стучался...
Пропашей жизни медный грош
По кругу прошлого катался.

Все круги ада мы прошли, —
И барщину, и десятину...
Но воли все ж не обрели —
И нас опять толкают в спину

И гонят с площади взашей
(Там тучных плещутся знамена!)
И громок скрип карандашей
Гробокопателей закона.

Совет ли, Дума, плебисцит, —
Конец один: кирдык потомству...
Точат небесные сосцы
Мед воровству и вероломству.

И не зажжется гневом взгляд,
И беспощадный не проснется.
И наши головы лежат
На рельсах, — и состав несется.

Медяк луны распиливает небо.
Разваливает надвое сердца...
Былая быль сегодня стала — небыль:
Сын презирает крестный путь отца.
Медяк луны...
Как лысый череп, скудных,
Пришпоренных корыстью темных лет...
И звезды — от радетелей прибудных
В толпу слепую — пригоршня монет.
О, полигон мытарства и коварства!
Ристалище Христа и бесов — Русь!
Юродствуй, бес, насилуй, грабь и барствуй,
Пока я в путь последний соберусь.
И там, в краях утраченных и милых,
В былых краях, где место есть мечте,
Вновь встречу день —
Голодный, гордый, мирный —
Моей страны, распятой на кресте,
Не ведающей истины и фальши,
Лишь знающей терпение и труд,
С повязкой на глазах все дальше, дальше
Несущей жребий свой на Страшный суд.
Там день, когда была я смелой, юной
И думала: нет в мире ничего
Печальнее, прекраснее, угрюмей,
Светлей лица, Россия, твоего.
Нет в мире ничего дороже музыки,
Нет ничего пронзительней полей
Российских,
Нет прекраснее обузы
Подслушать стон отлетных журавлей...
Чтоб снова им приписывать страданье,
И боль разлук, и муку новых встреч,
И тем придумать казнь иль оправданье,
Кто Родину не смог иль смог сберечь...
Придуманные истины... Внушенье
Лукавых сил... Эфемериды лет...
И вот пришло реалий воскрешенье.
И вот нагрянул беспощадный свет...
Не Истина... Не Горний дух... Не Святость...
Пустых пространств готовность услужить...
Утерянная в давних снах крылатость...
Стремленье выжить, пусть — в позоре жить...

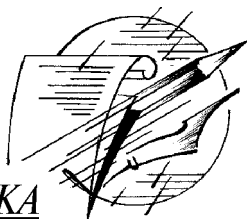

Елена ТИМОШИНА,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник Всероссийского НИИ МВД

ЗАЩИТА «ПРАВ ДЕТЕЙ» ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЕ СЕМЬИ?

Защита прав детей является важнейшей обязанностью любого государства и общества. Однако защита прав детей не может быть реализована отдельно от родителей, без защиты их прав, поскольку дети и родители — это одно целое не только в традиционном и нравственном смысле, но и в правовом отношении, учитывая установленное законом право родителей быть представителем интересов своего ребёнка по всем вопросам, и нарушение прав ребёнка есть прямое нарушение прав самих родителей. Такой подход основан на естественности родительских прав — то есть высшей и неотчуждаемой их природе. Обладание человеком естественными правами не связано с фактом их законодательной регламентации, и, тем не менее, родительские права находят закрепление в законодательстве России.

Естественные права родителей закреплены в Конституции РФ (например, согласно ст. 38 «Забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей»; ст. 55 гласит: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

гражданина») и в Семейном кодексе РФ (на основании ст. 1: «Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства. Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав»). Этот принцип автономии семьи и невмешательства кого-либо в дела семьи был разъяснён Конституционным Судом РФ в своем определении от 26.05.2011 № 875-О-О, который указал, что, данный принцип является конкретизацией положения статьи 38 Конституции РФ о защите государством семьи, материнства, отцовства и детства.

То есть обладание родительскими правами означает, с одной стороны, **обязанность** заботиться о своих детях, с другой стороны, **право** родителей выбирать самостоятельно формы и содержательную сторону воспитания, решать множество иных вопросов, касающихся обеспечения жизненно важных потребностей ребёнка, его досуга, образования, лечения, защиты и так далее. Тем не менее последнее время всё чаще появляются попытки ограничения родителей в их естественных правах.

Так, закон «Об охране здоровья граждан» закрепляет за лицом, достигшим шестнадцатилетнего возраста и страдающим наркоманией, право лечиться только по своему согласию (ч. 2 ст. 54: «Права несовершеннолетних в сфере охраны здоровья»), тем самым лишая родителей права лечить своих детей от наркомании по их желанию. То есть обязанности заботиться о своих детях (в том числе уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего на основании ст. 156 УК РФ) остались, а прав, которые давали бы возможности их реализовывать, уже нет.

Также умаляют права родителей практически не нужные паспорта здоровья учеников, посредством которых производится излишний сбор информации о семье. Например, для чего школе, не имеющей возможности оказать материальную помощь нуждающимся семьям, знать всю информацию о доходах родителей? Или с какой целью, не обладая ресурсами оказания медицинской помощи, школе нужно знать детальную информацию о состоянии здоровья школьника, включая сведения о перенесённых операциях, травмах, здоровье всех внутренних органов ребёнка, не имеющих отношения к учёбе?

Навязывание родителям сексуального образования детей, которое сегодня проходит если не через школу, то посредством книжной и печатной продукции, которая всё чаще появляется на полках «детская литература» в книжных магазинах — ещё один пример попытки ограничить родительские права на выбор доступной для ребёнка информации и право на защиту детей от развращения.

Нововведением в области посягательства на частную жизнь в целом и родительские права в частности является планирование проведения массовых обследований детей с 14 лет на предмет их «репродуктивного здоровья», в ходе которых предполагается составление для каждого ребенка специального (закрытого от родителей) «паспорта репродуктивного здоровья». Среди прочего в руководстве при «диалоге» с мальчиками 12—15 лет рекомендуют обсуждать с ними темы мастурбации, если *«термины не знакомы подростку, можно воспользоваться слэнговыми синонимами мастурбации в подростковой среде»*. *«Для детей от 13 до 15 лет с учётом уровня их психосоматического развития можно задавать следующие вопросы: Знакомо ли паспортизируемому подростку понятие «половая жизнь»? Имели ли место половые контакты?..»* При этом *«одним из наиболее важных элементов беседы является предоставление подростку гарантий конфиденциальности... врач гарантирует, что сказанное внутри кабинета не будет доведено до сведения родителей без его, подростка, разрешения»*. Врачам вменяется в обязанность разузнавать информацию об условиях жизни и материальном достатке семьи ребенка: о площади квартиры, финансовом положении родителей, наличии компьютера, доступа в интернет, наличии у ребёнка свободных денег, психологическом климате в семье, совместном проживании с предыдущими поколениями (бабушками, дедушками), наличии в семье лежачих больных, инвалидов, качестве и количестве питания (в том числе о ежедневном употреблении мяса, рыбы, птицы, фруктов, овощей) и др.

Эти обследования, поддерживаемые государственными программами, фактически препятствуют родителям ограждать детей от развращения и позволяют собирать излишнюю информацию о семье.

В Гаагской конвенции 1980 г. «О гражданско-правовых аспектах международного похищения детей», к которой Россия присоединилась в 2011 г., указано, что сферой её действия являются «права попечительства над ребенком» (в другом переводе, который также встречается, — «права опеки над ребенком»). В Российской Федерации законодательно

закреплено понятие опеки и попечительства (ст. 145 Семейного кодекса РФ), которые не идентичны понятию родительских прав. Таким образом, родители просто не попадают в круг защищаемых конвенцией лиц, что является грубым нарушением их естественных прав и представляется незаконным. С другой стороны, мы не исключаем, что подобное допущение имело смысл для перспективы дальнейшей трансформации института родительских прав по аналогии с зарубежной практикой.

В странах, в которых действует ювенальная юстиция, у родителей нет полноты родительских прав, взамен которых существуют лишь права опеки над ребёнком, другая часть родительских прав, по сути, принадлежит государству и реализуется через государственный патронат семьи (аналог которого планируется ввести в России в виде социального патроната семьи). Осуществляют государственный патронат семьи, например, такие органы, как «Барневарн» в Норвегии, «Ластенсуелу» в Финляндии, «Югендамт» в Германии и т.д. Именно тогда, когда государство забирает часть родительских прав себе, оно оставляет за собой право решения основных родительских вопросов: как воспитывать и содержать детей. В результате возникает явление массового внесудебного изъятия детей из кровных благополучных семей по самым невероятным основаниям: больные ноги матери (что якобы создаёт препятствия водить ребёнка в отдалённый детский садик), радикулит (который не позволяет матери сидеть в песочнице вместе с ребёнком), посещение школы ребёнком в одной и той же футболке три дня подряд, угроза вывоза ребёнка в Россию и даже кормление грудью. Только в 2012 году в международное движение «Русские матери» обратились более сотни российских семей, пострадавших от принудительного разлучения с родными детьми на основании таких и подобных им абсурдных оснований в двадцати восьми преимущественно высокоразвитых странах Европы, Америки и Австралии.

Например, в Швеции родители были лишены прав опекуна над своей дочерью вследствие того, что её вес в два раза превышал нормальные показатели для этого возраста, а, следовательно, создавал угрозу развития различных серьёзных заболеваний. У иммигрировавшей в Швецию русской журналистки Натальи Петровой были захвачены в школе и помещены на «секретную» квартиру две дочери. Примечательно, что шведские органы по защите прав детей не опрашивали соседей Петровой, не предъявляли ей никаких претензий, только в устной форме заявили ей о том, что она «не-

---

правильно кормит детей, даёт им горячую пищу, а это вредно для здоровья».

Основанием для отобрания ребенка у Натальи Захаровой, проживающей во Франции, послужила формулировка «удушающая материнская любовь», а на суде социальный работник заявил, что мать, одевая свою 3-летнюю дочь точь-в-точь как себя, тем самым «лишает ребенка права на индивидуальность».

Римму Салонен лишили прав опеки над ребёнком по ложному обвинению бывшего мужа в похищении сына, несмотря на то, что после подачи иска в суд, когда Римма с ребёнком находилась в гостях в Нижегородской области, её бывший муж звонил и навещал своего ребёнка в России. В решении суда фигурировало также заявление о том, что Римма создаёт угрозу безопасности для мальчика, поскольку является «сектанткой, ибо крестила ребёнка в православную веру» (воистину: сегодня только православная христианская вера — единственная угроза для дьявола).

Поводом для подачи жалобы в Комитет по защите прав детей (Varnevern) в Норвегии и изъятия детей может служить, например, то, что родители «заставляют» ребёнка убирать в комнате (что называется принудительным использованием детского труда), мыть руки перед едой (расценивается как вид насилия) или разрешение детям в середине недели есть конфеты, что портит им зубы (в Норвегии принято давать конфеты только в выходные), а также то, что родители «залечивают» детей (когда обращаются к врачам, например, в случае простой простуды). У одной мамы отобрали ребёнка только потому, что она была привезена из Индии и адаптирована норвежскими родителями в 12 лет; сотрудники Комитета по защите прав детей посчитали, что на этом основании она не может стать «нормальной норвежской матерью». Распространёнными являются случаи, когда ювенальные технологии используются для управления людьми и давления на них.

До глубины души потрясает история гражданки России Светланы Таранниковой, которую после её решения уйти от мужа — гражданина Норвегии в течение нескольких лет третиговала Varnevern. Кульминацией истории стал приказ сотрудников Varnevern на седьмые сутки после тяжёлых родов встать и идти в поход в горы, чтобы доказать им, что она способна ухаживать за ребёнком. Видите ли, сотрудники ювенальной службы Норвегии считают, что «истинно норвежская мать сразу после родов встает на лыжи и идет в горы, в противном случае она не способна растить ребенка» (это испытание применялось также и к другим матерям). Но даже

после успешно пройденных испытаний на материнство, сотрудники Комитета по защите прав детей продолжили психологическое давление на Светлану, в результате чего у неё случился нервный стресс, что и явилось «основанием» забрать детей. Для возвращения детей адвокат посоветовал Светлане родить третьего ребенка. Во время третьей беременности представители Varnevern сообщили Светлане, что обоих её сыновей временно переселяют в семью лесбиянок, но моральные взгляды Светланы не позволили ей согласиться с этим. Отказ матери в передаче детей пусть во временную, но в гомосексуальную семью навлек гнев либеральной во всех отношениях системы и только на этом основании её детей изъяли навсегда, разрешив матери встречаться с ними 4 раза в год. Суд, вынесший это решение, состоялся, когда Светлана была на 8-м месяце беременности. К тому времени еще не рождённому ребёнку Светланы уже подобрали приемную семью. Новорожденную дочь отобрали на второй день после родов на «адаптацию».

Эти и многие другие случаи доказывают, что родительские права в этих странах утратили свой изначальный естественный смысл и содержание, поскольку родителей лишили естественных родительских прав, которых нельзя лишить по сути, а правом решать, какие условия развития и воспитания ребёнка являются «нормальными», наделили специальные уполномоченные на то государством органы. В результате в этих странах возникла искусственная трансформация родительских прав в право опеки над ребёнком. А право ребёнка на кровную семью вообще отсутствует как таковое в результате мастерски провозглашённой законодательной формулировки о том, что «у ребёнка есть право на семью». Действительно, вроде бы всё правильно и гуманно — право на семью есть, а значит, главное — определить ребёнка в семью: вторую или двадцать пятую (это уже мелочи), но защиту права на кровную семью никто не обещал.

Таким образом процесс защиты прав ребёнка, достигнув наивысшей точки своего развития в странах Запада, стал откровенно регрессировать. В большинстве стран с ювенальной юстицией в случае изъятия детей не только не требуется судебного решения (что нарушает принцип презумпции невиновности родителей), но и отсутствует обязанность представителей опеки непосредственного информирования родителей в ходе изъятия детей о причинах такой карательной меры. Уведомление же родителей о причинах изъятия может быть выслано позже, спустя неделю после события, а то и больше.

Самое удивительное в историческом смысле, что «старушка Европа», впервые провозгласив принципы неотъемлемости естественных прав человека, сама же впервые и отказалась от них в сфере родительских прав.

Подобную попытку трансформации родительских прав в России мы наблюдаем и в связи с введением социального патроната семьи. В законопроекте «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления социального патроната и деятельности органов опеки и попечительства» также появляются расплывчатые критерии «*нормальное воспитание*» и «*нормальное развитие ребенка*», право определять сущность которых отдаётся чиновникам органов опеки и попечительства.

Но что же должно рассматриваться как условия, препятствующие «*нормальному воспитанию*» и «*нормальному развитию*» ребёнка в этих положениях? Примечательно, что рекомендации были составлены не психологами, не педагогами, не юристами, а педиатрами. Будучи подписанные главным педиатром Комитета здравоохранения правительства Москвы А.Г.Румянцевым ещё в 2000 г., они не применялись, поскольку для этого не было соответствующей правовой нормативной базы. Методические рекомендации адресованы довольно широкому кругу лиц, в том числе сотрудникам правоохранительных органов, однако в качестве инструкции к исполнению рекомендованы работникам органов здравоохранения, образования, социальной защиты населения для принятия «в своей повседневной деятельности адекватных эффективных мер защиты прав ребёнка». Оказывается, условиями, препятствующими нормальному воспитанию и нормальному развитию детей, являются «психологическая жестокость», «моральная жестокость», «оставление ребёнка без внимания», а также «синдром неуточнённого жестокого обращения с ребёнком».

Фактически обвинением в адрес родителей звучат положения рекомендаций о том, что «чаще всего пренебрегают основными нуждами детей... родители с низким социально-экономическим уровнем жизни; имеющие хронические заболевания, инвалидность; перенесшие жестокое обращение в детстве; социально изолированные».

Моральная жестокость, согласно методическим рекомендациям, проявляется вследствие отсутствия соответствующих возрасту и потребностям ребёнка питания, одежды, жилья, медицинской помощи; отсутствия заботы и присмотра за ребёнком; отсутствия внимания и любви к ребёнку и др. обстоятельств (как видно, перечень не исчерпывающий).

К внешним проявлениям последствий моральной жестокости методические рекомендации относят: отставание в весе и росте от сверстников; педикулёз, чесотку; частые «несчастные случаи», гнойные и хронические инфекционные заболевания; запущенный кариес; отсутствие прививок; задержку речевого и психического развития; неряшливую одежду; утомлённый сонный вид ребёнка, бледное лицо, опухшие веки; у грудных детей опрелости и сыпи.

Среди особенностей поведения детей, якобы свидетельствующих о моральном насилии родителей по отношению к ним, в рекомендациях перечислены: неумение играть; постоянный поиск внимания или участия; крайности поведения — инфантилизм или принятие роли взрослого, поведение в «псевдовзрослой манере», агрессивность или замкнутость, гиперактивность или подавленность, неразборчивое дружелюбие или нежелание общаться; жестокость к животным; мастурбация, раскачивание на стульях, сосание пальцев и пр.

В рассматриваемых рекомендациях описывается также *эмоциональное или психологическое насилие* — как «единоличное или хроническое воздействие на ребёнка или его отвержение», к которому относятся: словесные угрозы в адрес ребёнка, постоянная критика ребёнка; лишение ребёнка социальных контактов; предъявление к ребёнку чрезмерных требований, не соответствующих его возрасту или возможностям.

Особенностями детей, подвергшихся эмоциональному (психологическому) насилию, по мнению составителей методических рекомендаций, являются: невозможность детей сконцентрироваться; плохая успеваемость; низкая самооценка; гнев, агрессия; невроты, энурез, тики, ожирение, кожные заболевания, астма и т.п.

В группы риска детей, подвергающихся эмоциональному насилию, согласно рекомендации, входят: *дети от нежеланной беременности; дети-инвалиды, дети с наследственными заболеваниями; дети из семей с авторитарным, контролирующим стилем воспитания и взаимоотношений* (то есть классическая патриархальная православная семья). В данном случае просматривается попытка лишить родителей права на выбор стиля воспитания своих детей. И кто решил, что именно «контролирующий стиль воспитания» — плохой? А если он плохой, тогда неконтролирующий — хороший? Такой подход очень похож на западные либеральные взгляды на воспитание детей, неприемлемые для России. Почему всё то, на чём мы веками строили наши семейные взаимоотношения, сегодня пытаются опровергнуть и опорочить? Нам

пытаются внушить, что всё, как мы жили и думали, — неправильно, всё ошибка. **Таким образом под критерии методических рекомендаций подпадают большинство семей и детей России.**

Любое вмешательство в жизнь граждан, любой затратный проект должен быть, прежде всего, обоснован и актуален. Попытки ограничения родителей в их естественных правах обосновываются данными о якобы непомерном числе семейного насилия в отношении детей в России. Эти сведения приводятся некоторыми общественными организациями, работающими не только на западные средства, но и по западным стандартам, согласно которым насилием является всё то, что указано в рекомендациях, приведённых ранее.

Однако, по официальным данным статистики, это не так: на протяжении последних пяти лет в России ежегодно снижается число детей, родители которых лишены родительских прав, численность детей, родители которых ограничены в родительских правах, численность детей, отобранных у родителей при непосредственной угрозе жизни или здоровью детей; увеличивается численность родителей, восстановленных в родительских правах, а также родителей, в отношении которых отменено ограничение в родительских правах (статистика Государственной Думы РФ), снижается численность преступлений в отношении детей со стороны родителей.

Согласно данным официальной статистики (Ф. 455, кн. 709 ГИАЦ МВД России), за последние годы в целом зафиксировано снижение числа преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних: в 2009 г. всего по России было зарегистрировано 106 399 преступлений, в 2010 г. — 97 159 преступлений, в 2011 г. — 89 896 преступлений.

Имеющийся спад преступности в отношении несовершеннолетних обеспечивался за счёт сокращения преступлений против собственности, число которых с 2009 по 2011 г. снизилось почти вдвое, а также против жизни и здоровья, темпы снижения которых, по сравнению с предыдущим годом, составили: в 2010 г. — 8,8%, в 2011 г. — 6%.

Вместе с тем противоположная и весьма опасная ситуация сложилась в сфере преступности против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также против нравственности. За последние годы увеличилось не только число указанных преступлений, но и их удельные веса в структуре всей преступности в отношении несовершеннолетних.

За период с 2009 по 2011 г. более чем в 2,5 раза увеличилось общее число изнасилований несовершеннолетних (п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ); в том числе более чем в 3 раза возросло число

изнасилований потерпевших, не достигших четырнадцатилетнего возраста; в 4,6 раза увеличилось число насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних; в 4,4 раза возросло число насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевших, не достигших четырнадцатилетнего возраста; более чем в 3 раза увеличилось число зарегистрированных фактов полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста; в 4,7 раза возросло число зарегистрированных фактов полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста; в 8,6 раза увеличилось число зарегистрированных фактов полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим двенадцатилетнего возраста.

Рост данных преступлений не связан с ростом родительских преступлений. Подавляющая часть этих преступных деяний также совершена чужими для детей лицами. И для защиты прав детей, в том числе для защиты их от преступлений, необходимо направить усилия государства на решение по-настоящему серьезной проблемы несемейного насилия над детьми, предоставив возможность родителям самостоятельно реализовывать родительские права, действенно помогая семье решать проблемы материального характера.

Русская народная линия

Всеволод ТРОИЦКИЙ,
доктор филологических наук, академик РАН

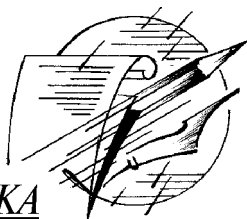
РУСОФОБСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ ОТ МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

1

Новые программы общего (полного) среднего образования по русскому языку и литературе, утверждённые печально известной РАО (Российской академии образования), опубликованы. Они убедительно отражают реальный смысл этого спущенного с вредоносных министерских высот официального издания, которое молва нарекла «стандартом со-вмещённого филозла».

Смысл этого документа соответствует направлению кем-то санкционируемого «сверху» системного разрушения отечественного образования от Днепров, Асмолова и Леонтьевой до Фурсенки, Кузьминова и Калины. Однако «уровень варварства» составителей новой программы значительней, чем в подобных предшествующих циркулярах-рекомендациях.

Сверхзадача последнего документа прозрачна: он приближает филологические знания современного ученика (и без того уже не соответствующие задачам школы в России) к уровню, при котором у школьника не может сложиться должного представления о самых значительных явлениях русской словесности в историческом развитии, в осно-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

полагающих национальных устремлениях к человечности и любви, в соцветье важнейших её идеалов, патриотизма, пафоса созидания, уважения к труду, стремления к Истине, добру, справедливости и вере в окончательную победу добра.

Об этом главном содержании русской литературы многократно говорили известные её исследователи, глубоко знавшие и умевшие ценить искусство слова. «Русская литература, — писал видный русский учёный С.А. Венгеров, — всегда была одной из тех *святынь*, в общении с которой человек становится чище и лучше», «всегда была кафедрой, с которой раздавалось учительное слово». «Русская литература — центральное проявление русского духа, фокус, в котором сошлись качества русского ума и сердца»...

Всесторонний анализ упомянутых программ имел бы смысл, если бы содержание их было на должном профессиональном уровне. Но уровень этого документа в целом чрезвычайно низок. Он написан наукообразным «канцеляритом» и не содержит ясного определения задач и целей изучения словесности, предметно отражающих главные понятия и представления дисциплин, которые должны освоить учащиеся.

В некоторых случаях задачи изучения (на рассматриваемом этапе) чрезвычайно занижены и относятся к тому, что должно быть освоено в начальной школе. Этот небезобидный приём «опаздывающего программирования», несомненно, сможет послужить одним из методов «замедляющего развития» школьников, чему объективно служат и предложенные программы...

2

Мы не ставим своей задачей детальное рассмотрение многочисленных изъянов, заложенных в этом позорном документе. Приглядимся лишь к одной его стороне: к списку авторов и произведений, допущенных для изучения в старших классах средней школы. Во время невежественного и воистину вражеского изъятия художественных текстов, предназначенных для изучения в школах России, такой подход очень важен.

Названный список, включающий писателей XIX — XXI вв., вопреки традиционной «подаче» авторов по мере их историко-литературного изучения, дан в алфавитном порядке. Заметим, что более целесообразно представить его, как это делалось ранее, — по этапам изучения в историко-литературном контексте.

Напомним, что в средней школе согласно научно-методическим принципам, изучается не литература вообще, но оте-

---

чественная классика, произведения, представляющие непреходящую духовно-эстетическую и художественную ценность, соответствующие благодатным традициям нашей школы. Ибо только «истинное поэтическое произведение может стать таким откровением, какого не достигнет строго размышляющая философия или наука» (А.Л. Чижевский).

Значение классики для человека признают и западные деятели образования, живущие в странах, «одержимых» пропагандируемой в политических целях «массовой культурой». В XX веке верховный советник по делам образования США Морис Стерлинг писал: «Сила нации заложена в её искусстве, музыке и литературе в такой же степени, как в её физике и электронике. Тот, кто полагает, что великая поэзия или знание классической литературы не являются существенными не только для качества, но и для жизнеспособности нации и её культуры, пренебрегает уроками прошлого».

Классика — это, говоря словами И.А. Ильина, не отвлечённое понятие, а живой строй, развёрнутый в произведении искусства, в целостном виде отражающий «выношенное художником Главное сказуемое им содержание». В классическом произведении нет «случайного»; в нём каждая деталь, каждое слово художественно оправданы и значимы...

Классика незаменима как неременная составляющая часть материала, необходимого для полноценного образования. Но необыкновенное богатство русской классической литературы ставит перед составителем школьных программ проблему выбора. От правильности этого выбора зависит, будет ли иметь будущий гражданин России необходимое представление о наиболее важных явлениях отечественной культуры, обеспечивающее становление полноценной личности, «гражданского общества» и понятие о «связующей» русской культуре в целом.

Значение такого выбора усугубляется полной разнузданностью, а нередко махровой пошлостью и цинизмом большинства СМИ, многие программы которых в сущности своей никак не содействуют повышению культуры в России.

Не то было в XX веке, когда по всем радиостанциям ежедневно звучала настоящая музыка, русская и западноевропейская классика, музыка народов России, пелись хорошие народные песни, созданные композиторами, а не музыкальные поделки «своей» и западной «массовой музыкальной культуры». Нередко великие артисты (В.И. Качалов, И.М. Москвин, И.В. Ильинский и др.) читали по радио классические произведения и отрывки из них. Регулярно можно было слушать литературную классику в исполнении мастеров сцены (из-

---

вестный цикл «Театр у микрофона») и т.п. Московским школьникам (чему я свидетель) были доступны все театры, в которых не допускались уродливые издевательства режиссёров над творчеством драматургов и не ставилось основной задачей чем угодно привлечь публику, чтобы «заработать». Главной целью было — истинное сценическое творчество.

В созданной ныне в России «новой» культурно-образовательной среде молодой человек, не приобретя в школе представления о чём-то незаменимо важном, скорее всего останется обделённым на всю жизнь, главное же — не получит должного доброго «заряда» вовремя. Это не просто плохо. Это преступно. И акции, содействующие этому, должны быть наказуемы. Ибо лишать русскую молодёжь необходимой духовной пищи сознательно (а так оно и есть!), морить её духовным голодом может только враг русского народа. Это духовный геноцид в чистом виде. Праведная власть должна привлечь за это к суду! Не мне разбираться, кто лично несёт ответственность за подлое дело умопомощения. Но отпечатать за духовный геноцид народа рано или поздно придётся...

Этот духовный геноцид был запрограммирован ещё документом середины XX века, связываемым с именем Аллена Даллеса, одного из зачинателей информационно-психологической войны с Россией. В нём были прописаны задачи, вполне соответствующие нынешним действиям разрушителей полноценной школы, старательно умаляющим возможность школьного влияния русской классической литературы на молодёжь.

Данный документ нашёл своё «развитие» в XXI веке в программе «Преображение человека» Уиллиса Хармона. Программу эту приняло правительство США. Цель этой программы — незаметно добиться изменения образа мыслей и представлений широких народных масс в направлении сдерживания развития свободной мысли и сознания в целом. Она имеет скрытой задачей ослабить существующие в народе устои, природный здравый смысл, притупить память к прежнему жизненному опыту, привести общество в состояние умственной и эмоциональной нестабильности и раздора. И в такой атмосфере подготовить условия для выведения масс из состояния нормальной жизнедеятельности и сделать их послушно «рассуждающими по указке сверху». «Манипуляторы сознанием» стремятся не только снизить уровень интеллектуального состояния масс, но добиться шизофренизации мышления людей, обладающих обыденным сознанием и т. д. Это — фашизм в духовной сфере.

Политика умопогашения, свидетельствует Драгош Калаич, поддерживается и «программой уничтожения классической европейской системы воспитания и образования», суть которой в том, что она «прямо или косвенно уничтожает во всём мире классическую, дифференцированную и «вертикальную» систему образования, навязывая вместо неё единообразную «горизонтальную». В соответствии с программой формирования одноликого человечества, «серой расы».

Процесс дегуманитаризации, уже вполне осуществляемый на Западе, сегодня, как видим, активно проводится и разрушителями отечественной системы образования. Кстати, небесполезно вспомнить, что «по всей Америке, от Принстона до Станфорда, осуществляется последовательное изгнание величайших произведений мировой мысли из учебных программ. Гении европейской культуры Платон и Аристотель, Данте, Шекспир и Достоевский — объявлены «политически некорректными» авторами, столпами «европоцентризма», «белого расизма» и «элитарности». Не надо доказывать, что всё это — преступления.

3

Рассмотрим содержание подобного преступления, запечатлённое в упомянутых нами «Примерных программах...», и постараемся показать, что оно значит. Итак, из программы изъяты некогда достойно представленные в подобных документах И.А.Крылов, А.Н.Радищев, В.А.Жуковский, А.С.Грибоедов, Н.В.Гоголь, поэты пушкинской поры, в том числе Е.А.Боратынский, К.Ф.Рылеев, А.В.Кольцов, И.С.Никитин, кроме того, А.К.Толстой, А.Н.Майков, Н.С.Лесков, а также И.С.Шмелёв, В.И.Белов, К.М.Симонов, М.В.Исаковский, Н.М.Рубцов и другие, весьма значимые русские писатели. Творчество некоторых из мировых гениев, например, Л.Н.Толстого, М.Е.Салтыкова-Щедрина, А.Н.Островского представлено (у каждого) единственным произведением.

В списке подобранных произведений, оставленных для изучения писателей-классиков, произведены «чистки» и тенденциозные подмены (мы далее коротко скажем о них, как и о неподходящих к задачам школьной программы авторах, которых искусственно втащили в корпус рассматриваемого документа). Во всём этом педагогическая «полиция мысли», враждебная русской культуре, достаточно ясно обнаружила свою разрушительную целенаправленность и нечистоплотность.

Итак, по порядку. Из программы удалён И.А.Крылов. Случайно? Нет. Ведь этот художник первой величины, сыграв-

---

ший огромную роль в становлении национально-исторического, нравственного и эстетического сознания отечественной литературы, безусловно необходим при её изучении. Нужно обладать беспрецедентной наглостью разрушения, чтобы будто бы «забыть» о нём. Ведь это писатель, который, по словам В.Г.Белинского, один мог бы «быть главою и представителем целого периода литературы», ибо «первый внёс в литературу элемент народности», «умел чисто по-русски смотреть на вещи». Это писатель, который «создал национальную русскую басню» и открыл способ «художественного проникновения в жизнь с высоты многовекового опыта и национального мышления русского народа»!

Басенное творчество Крылова (особенно в тяжелейших условиях, созданных ныне для здорового существования русского языка) крайне необходимо для развития речи школьников. Гениально владея словом, используя со знанием и чувством художественного такта живую народную речь, обладая великим мастерством языкотворчества, Крылов особенно нужен сегодня, когда грамотная образная речь повсюду засоряется в СМИ стандартным, бесцветным сленгом, жаргоном и мутным потоком блатных неологизмов. Наконец — содержательность басен И.А.Крылова, занявшего у народа сокровища многовековой духовно-нравственной и житейской мудрости и вернувшего ему эту мудрость в изящной простоте басенной формы, необходима как основа здорового жизненного опыта русскому молодому человеку...

Учитывая звания и степени авторов-составителей, чьи фамилии выставлены на титульном листе издания, мы вправе исключить невежество как причину, приведшую к изъятию этого писателя из программы. Остаётся предположить другое: имеет место «полицейское действие» из-за неприятия национального духа великого художника, то есть именно того, в чём сегодня остро нуждается русская молодёжь, которую сознательно подталкивают к чужому и чуждому нам западничеству. Мы ещё подтвердим это наше предположение в дальнейшем. Пока заметим: отнимать у русской молодёжи возможность впитывать с детства благодатные соки русской литературы, «русский дух» — это не просто дело вкуса, но политическое действие, имеющее в основе этноцид. Это преступно.

Это преступно потому, что народность, то есть любовь к своему народу и чувство национального достоинства, нераздельны с воспитанием и становлением личности, гражданина своей страны. Это преступно потому, что не получив в молодости укоренения в исконно русских национальных тра-

---

дициях, которым свойственно человеколюбие и мирное отношение к людям иного племени, человеку легче уклониться от истинной народности (национализма) к псевдонародности, даже к шовинизму, испокон века чуждому русскому человеку.

Напомню слова великого русского мыслителя И.А.Ильина: *«Национализм есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всём его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвёл в Божьем саду...Национализм есть система поступков, вытекающая из этой любви, из этой веры, из этой воли и этого созерцания.*

Вот почему национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ — к духовному расцвету...»

Духовный расцвет народа возможен только с опорой на главные, знаменательные ценности его культуры. Продолжая разговор, укажу на изъятие из программы творчества А.Н.Радищева, значительнейшего явления русской литературы. «Пропустить» Радищева — значит исказить представление о ней, нарушить историческую преемственность, дающую возможность понять всю сложность её реального развития. «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?» — восклицал А.С.Пушкин. Заметим кстати, что сам он спорил с Радищевым, но как мыслитель признавал его непреходящее значение и знаковое место в нашей литературе. При этом «забыть» Радищева, истинно человеческого человека и гражданина, в программе, предназначенной для изучения русской литературы в школах России, это ещё и акт безнравственности, который могли совершить только чужие ей люди, бессовестно относящиеся к прошлому нашего любимого Отечества, к пострадавшим за него.

Кстати, в советское время Радищев изучался несколько односторонне; так, духовно-нравственная и воспитательная сторона того же «Путешествия из Петербурга в Москву» при изучении почти игнорировалась. Вот здесь бы составителям программ и проявить инициативу! Ан, нет: не захотели: чужие...

«Но нельзя же всех...» — воображаю я робкий голос застыдившегося составителя. Да разве речь идёт обо всех?! Речь о тех, кого никак и ни при каких обстоятельствах не может обойти в школе России филолог-профессионал и человек, достойный звания учителя.

Бесстыжие составители «сократили» из программы творчество В.А.Жуковского. Что тут сказать?!.. Позор невежества и преступление перед народом и страной!

В.А.Жуковский, учитель Пушкина и воспитатель государя-освободителя Александра II, человек высочайшей духовности, истинный образец гуманности и нравственности, верный сын Отечества, автор «Народного гимна», который почти столетие пела вся Россия, художник первой величины, оказавший во многом определяющее влияние на русскую литературу, поэт милостью Божией!.. Да разве такое могут допустить сегодня в русскую школу её нынешние «опекунны»?! Ведь это, по крайней мере, может затруднить растление и поношение прошлого России и наших славных предков, активно ведущееся во многих СМИ под флагом «свободы слова»! И разве такое затруднение может содействовать тайным планам нынешних радетелей разрушения школы?..

«Вычеркнув» Жуковского, составители новой программы не допустили до создания нынешних школьников не только обаятельные баллады «Светлана» и «Людмила», которые так любили наши славные предки, но и важнейшее для историко-патриотического воспитания стихотворение «Певец во стане русских воинов», знаменитый перевод из Шиллера «Перчатка», весьма важный в воспитательном смысле.

Чтобы погасить в учащихся *духовный огонь* (а для чего же ещё?!), авторы-составители исключили из программы ... Н.В.Гоголя. Судя по отбору произведений, можно предположить, что их «полицейские души» дрожат при одном воспоминании о лирической Руси-тройке! А тут ещё патриотический «Тарас Бульба» — вершина романтического творчества великого писателя!.. Можно ли допустить (по мнению «полицаяв мысли»), чтобы современный школьник знал и помнил вдохновенную речь Тараса Бульбы о товариществе?! А последние слова повести — так прямо по сердцу режут русофобов: «Да разве найдутся на свете такие огни и муки и такая сила, которая пересилила бы русскую силу!»... А незабываемые трагические сцены ужасного, но праведного суда Тараса над сыном-изменником?! Нынешним школьникам, думают, наверное, «полицай мысли» из РАО, это ни к чему: вдруг молодёжь осознает, что есть предательство, и отшатнётся от него... Мужество Остапа. К чему это нынешним? Пусть лучше ищут свою панночку... А тут ещё «Страшная месть». А ну, прочтут и соблазняются... ненавистью к изменникам.

А вдруг сами дотянутся до второго тома «Мёртвых душ»! Да и вникнут в современно звучащие слова губернатора: «Дело в том, — говорил он, обращаясь к чиновникам, — что

пришло нам спасать нашу землю, что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже мимо законного управления образовалось другое правление, гораздо сильнейшее всякого законного. Установились свои условия; всё оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах исправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставлением в надзиратели других чиновников. Всё будет безуспешно, куда не почувствовал всяк, что он так же, как в эпоху восстания народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды».

А коли молодые читатели доберутся до духовной прозы Гоголя, — то пиши пропало: сформируется настоящая личность, исполненная любви к народу, стремления ко служению России и праведному житию, личность, исполненная любви, милосердия и чувства святости... Нет уж: западничество надёжней! Так про себя, наверное, думают «полицаи мысли», посмеившие исключить Н.В.Гоголя из школьной программы. Но мы, русские люди, не предающие свой народ, думаем иначе.

Н.В.Гоголь, великий художник слова первой величины и мыслитель, именем которого В.Г.Белинский назвал направление и целый период истории русской литературы. Его творчество отличается огромностью духовных и всечеловеческих идеалов, страшной, ошеломляющей убедительностью разоблачения пошлости и искренним сочувствием «маленькому человеку». Это писатель, который, говоря словами М.М.Пришвина, «силою слова хотел связать нечисть, чтобы освободить от неё красоту и добро». Творчество Гоголя — не просто создание гения, но одновременно — труд и завещание потомкам истинного сына России. Оно должно быть известно каждому грамотному россиянину в школьные годы в XXI веке не менее, чем было известно в XX в., ибо оно — не только величайшее достояние отечественной культуры, но и завещание будущим поколениям.

Изымать творчество Н.В.Гоголя из школьной программы — значит лишать молодое поколение завещанных ему сокровищ. Это — откровенное преступление перед нацией, перед молодыми поколениями русских людей. Не меньше! И это преступление должно быть осуждено властью, если она считает себя хоть сколько-нибудь обязанной служить народному благу. **Виновники этого преступления должны быть отстранены от возможности продолжать вредительскую деятельность в образовании, а в государственные программы для школы должна быть возвращена русская классика.**

Смысл названного преступления проявится ещё отчётливей по мере дальнейшего рассмотрения программы, в которой искажён провокаторами-составителями образ великой литературы и оскорблены все её наследники, лишённые возможности знать и изучать своих национальных гениев. Это ли не национальный русофобский экстремизм в образовании? Ему надо положить конец. Или мало вам, господа провокаторы, известного выступления на Манежной площади и в других городах?!

С детства помнятся мне Думы К.Ф. Рылеева. В них родная история представлена в лицах и событиях, легко воспринимаемых сознанием школьника. В годы Великой Отечественной войны, когда торжественно, трагично и победно звучали имена её героев — Саша Чекалина, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, панфиловцев и молодогвардейцев-краснодонцев, особенно понятен был нам, «детям войны», Иван Сусанин, простой русский крестьянин, жертвующий жизнью за Родину. Живо отзывались в наших детских сердцах слова героя, брошенные в лицо врагам Отечества:

*...Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земле!..*

*Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув умру за царя и за Русь!*

Увы, предателей у нас теперь немало, среди них, похоже, и авторы Программы, о которой идёт речь... Между тем помочь утверждению патриотического сознания, о чём и сейчас официально будто бы пекутся наши «верхи», могло бы знакомство с думами Рылеева «Дмитрий Донской», «Богдан Хмельницкий», «Пётр Великий в Острогжске», «Державин».

Можно спорить о том, какие именно из дум лучше включить в школьную программу, но изъять из неё творчество Рылеева — это педагогический абсурд или что-то похуже...

Есть у выдающихся русских писателей незабываемые выражения и интонации, «словесные мелодии», сразу воспринимающиеся как родные и близкие своей мудростью или глубиной трепетного и сокровенного чувства. Через эти слова, выражения и речевые интонации приходит к нам в детстве истинное ощущение и переживание родной речи. К таким писателям, необходимым для органического восприятия языка, несомненно, относятся А.В. Кольцов и А.С. Гри-

---

боедов, художники совершенно друг на друга непохожие, но одинаково необходимые для ознакомления с их творчеством в нормальной (полноценной) школе России. Притом они значительны не только глубиной самобытного содержания произведений, но особенным умением органично, очень по-русски, передать это содержание. Их афористические выражения, щедро рассыпавшиеся по нашей литературе, нужны, как витамины, без которых пища обесценивается... При этом живая народная речь, прямой источник творчества Кольцова, — это единственный пример непосредственности восприятия народных речений у классика. И сразу вспоминаются его стихи:

*Ах, ты степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Чёрному
Понадвинулась!..
...Раззудись, плечо,
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!..*

Или:

*...Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлет колосом
Почти до земли,
Словно божий гость
На все стороны
Дню весёлому
Улыбается.*

Как во всём этом неповторимо точно и глубоко отразилось русское национальное виденье мира и отношение к жизни! Какая здоровая внутренняя энергия дышит в этих стихотворениях! Да что — стихи, помнятся и отдельные строчки, ставшие крылатыми: «Встань, проснись, подымись, // На себя погляди! // Что ты был? И что стал? // И что есть у тебя?»; «Молодец удалый // Соловьём засвищет! // Без пути — без света // Свою долю сыщет»; «Где ж девалася // Речь высокая, /

/ Сила гордая, // Гордость царская?»; «Доколь мочь и сила, // Доколь душа в теле, // Буду я трудиться...»; «Иль у сокола // Крылья связаны, // Иль пути ему // Все заказаны?»; «На заре туманной юности...» и многое другое.

Всё это чрезвычайно важно для приобщения к истинной русской речи, для ощущения плодотворного наследия русской мысли! Но, Боже мой, разве всё это могут принять люди, чужие русскому народу?!..

А.С.Грибоедов, автор бессмертного «Горя от ума». На изучение этого шедевра в школах России в XX веке, когда в Министерстве просвещения СССР работали люди, обладавшие и образованностью и культурой, отводили 14 классных часов! Это было время, когда в школах учились поколения, отнюдь не чуждые техническому образованию; это были поколения, создававшие советскую атомную промышленность и ракетостроение...

На могиле А.С.Грибоедова, трагически погибшего при исполнении гражданского служебного долга, начертаны слова: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской». Но чужие интересам отечественной школы составители учебных программ вычеркнули имя Грибоедова из списка авторов, с которыми сегодня пока ещё разрешено быть знакомыми молодёжи при обучении в школах России.

Но без знакомства с упомянутыми нами писателями, нельзя назвать себя в России культурным человеком. Заметим, кстати, речь вновь идёт об очень русских авторах. Тут уместно вспомнить Ф.М.Достоевского: «Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой». Но чему, как не презрению к своему великому народу, может научить варварство, отразившееся в «Примерных программах...», одобренных РАО?!

Можно было бы и продолжить наш обзор, указав на стихи И.С.Никитина, исполненные необычайным видением родной природы и свежестью патриотических чувств. Нужно было бы сказать о художественном и воспитательном значении, которое, несомненно, имеет поэзия и проза А.К.Толстого, и вспомнить его шедевры «Меня во мраке и пыли...», «Средь шумного бала, случайно...», «Край ты мой, родимый край...», «Василий Шибанов», «Илья Муромец», «Садко» и др. Нужно было бы вспомнить и в прошлом самого «хрестоматийного» поэта А.Н.Майкова, уж куда как подходящего для современной школы и даже необходимого ей. А.Н.Майкова, многие стихи которого («Емшан», «Кто он?», «У гроба

Грозного», «Прочь идеалы!..», «1854 год» и др.) до преклонных лет знали наизусть бывшие гимназисты и «реалисты», окончившие средние учебные заведения ещё до революций XX века (мне не раз приходилось восхищаться их памятью). А.Н.Майкова, большинство стихотворений которого — это воистину классическая русская поэзия, открытая всему миру, всем странам и народам и разным эпохам истории и одновременно — глубоко соприродная именно русскому национальному взгляду, скреплённая любовью и одухотворённо-му национальным достоинством. И как современно звучат сегодня слова поэта:

*Благодарю Тебя, Творец, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростию узкой!
Что с гордостью я всем сказать могу: я — русский!
Что пламенем одним с Россией я горю,
Что слёзная о ней в душе моей забота,
Что тот же мощный ветер расправил парус мой,
Которым движимы неслися под грозой
Громады кораблей Нахимовского флота!*

(1854 г.)

Всех названных мною писателей, как и великого (и тоже особенно важного для воспитания гражданина России) Н.С.Лескова — нет в программе. А ведь это признанный классик! Подписное 12-томное собрание его сочинений вышло в 1989 году тиражом... 1 700 000 экземпляров! Автор «Соборян», «Запечатлённого ангела», «Очарованного странника», знаменитых романов «Некуда» и «На ножах», наконец — рассказов «Смертельный Голован», «Пугало», «Кадетский монастырь», «Пламенная патриотка», «Томление духа». Писатель, говоря словами А.М. Горького, явившийся «ободрить, воодушевить Русь». «Да ещё волшебник слова!» Да ещё чрезвычайно важный в воспитательном отношении! Да ещё очень современный (например, по отношению к нигилизму, которому отдали щедрую дань наши составители)! Наконец — с успехом изучавшийся в школе...

За что же такая немилость? Думаю, что не ошибусь, если скажу прежде: Лесков «не подходит» нашим составителям, потому что он очень русский писатель.

«Поработали» наши «программисты-разбойнички» и над списками произведений русских классиков, включённых в программу. Из списка произведений А.С.Пушкина, например, убрали патриотическое стихотворение «К Чаадаеву», испокон века входившее в школьные программы. По сооб-

---

ражениям «полицейского» характера изъяли «Я памятник себе воздвиг...», ну, разумеется, и «главное» произведение — «Евгений Онегин». Из М.Ю.Лермонтова, разумеется, убрали стихотворение «Нет, я не Байрон...», чтобы никто не вспомнил, что поэт — «с русскою душой», да ещё — «Смерть поэта», «Родина» (последнее изъято, наверное, потому, что, Лермонтов, как было признано, понимает любовь к отечеству, к России «истинно, свято, разумно» (Н.Добролюбов). О «Герое нашего времени» и речи нет. Зачем? Это же будит мысль. А наш ученик, как выразился один из нынешних министров образования, «не должен рассуждать, он должен делать то, чему его научили» (Каково сказано! На века. Очень чувствуется, что это слова современного министра образования!)

В числе писателей XX века, включённых в программу, не нашлось места для неповторимо-колоритного художника слова и страстно учительного И.С.Шмелёва, создавшего картины, «набирающие жизнь-силу от корней Родины», от русских корней. Чужаками-составителями был «забыт» В.И.Белов, написавший, в числе многих замечательных произведений, в назидание и для утверждения памяти наших современников, отторгнутых от корней культуры пресловутой цивилизацией, — необыкновенный «Лад». Составители не постыдились (да знают ли они, впрочем, что такое совесть?!) забыть и Н.М.Рубцова, гениальная поэзия которого — «тихий голос великого народа, потаённый, глубокий, скрытый» (Георгий Свиридов) продолжающий и сегодня звучать везде, где, опомнившись, вдруг восторженно произнесёт русский человек своё русское имя и обратится к измученной чужеродным бесстыдством душе своей, к «русскому духу»!

Ох, не любят наши недруги, если где присутствует «русский дух» и «Русью пахнет»! Не любят! Так и в русских сказках — всегда бежит от русского духа нечистая сила. А мы, русские люди, просто обязаны встать стеною за наших гениев, иначе — мы ничего не будем стоить!

Итак, в рассматриваемой программе откровенно проявилось не только научно-методическое невежество в подборе авторов, но циническое пренебрежение к русскому, в сущности — **плохо прикрытое русофобство и сплошной подковёрный экстремизм!**

4

В подтверждение этого мнения укажу, что вместо упомянутых мною истинных классиков появились в программе имена писателей, попавших в список по каким-то непонятным причинам, как говорят, неожиданно-негаданно. Причём

заняли они весьма немало места и, откровенно говоря, заняли незаконно. Ведь (напомню ещё раз!) в школе изучают не просто литературу, а классику. Таких же авторов (кстати сказать, очень-очень разных по художественному уровню их произведений), как В.П.Аксёнов, А.Т.Гладилин, Ю.О.Домбровский, В.С.Маканин, В.П.Некрасов, В.О.Пелевин, А.Н.Рыбаков, Ю.С.Рытхэу, Л.Е.Улицкая и А.И.Эппель, нельзя отнести к классикам и к писателям, которых необходимо ввести в школьную программу.

В подборе этих авторов, как и некоторых других, отзывается чисто политический подход: все они в прошлом, по большей части, эмигранты, диссиденты или «лютые протестники», как выражался один мне знакомый писатель. Может быть, это и было принципом отбора? Не знаю. Думаю, что есть ещё другие причины, но причины не литературного свойства...

Но знаю твёрдо, что если в перечне изучаемых в школе поэтов XX века нет М.В.Исаковского, чьи песни пела в XX веке вся Россия, нет К.М.Симонова, ряд военных стихов которого знали наизусть почти все защитники, спасшие нас от фашизма, если нет Н.М.Рубцова и других, любящих Россию «истинно, свято, разумно», то вряд ли пристойно включать в программу, например, О.Э.Мандельштама и И.А.Бродского, ангажированные издания книг которого начинают превосходить масштабы изданий всех мировых классиков. Так ему «делают имя». Кто? Оставим вопрос открытым...

Почему я не считаю уместным включать в программу О.Мандельштама? По той причине, что он в конечном счёте — всего лишь русскоязычный поэт. Талантливый «конструктивист», остро чувствующий слово, он искренне выражал в иных своих стихах противостояние русскому взгляду на мир.

Вспомним русскую поэзию. Какое слово в ней является ключевым? Конечно, слово «любовь». Например:

«Люблю Отчизну я...»

«Люблю дымок спалённой жнивы...» (М.Ю.Лермонтов)

«Люблю грозу в начале мая...»

«Люблю глаза твои, мой друг...»

«Люблю смотреть, когда создашь

Как бы погружено в весне...» (Ф.И.Тютчев)

«Люблю дорожку лесною,

Не зная сам куда брести...»

«Люблю тебя, месяц, когда озаряешь...»

«Люблю я горные вершины...» (А.Н.Майков) и т.д.

А теперь приведём несколько стихов О.Мандельштама: «И Батюшкова мне противна спесь...» Не угодил, видите ли, рус-

---

ский поэт Батюшков Осипу Эмильевичу! И ещё: «Я ненавижу свет однообразных звёзд...» Или: «Как я ненавижу пахучие древние срубы...»

Нелишне напомнить, что вся Россия была деревянной, и «пахучие древние срубы» — это типическая картина старой Руси, России, которая мила русскому сердцу и которую О.Э.Мандельштам (я не виню его в этом), в сущности, не сумел полюбить... Ведь он искренно говорил о себе («мы»): «Мы живём под собою не чуя страны...». Не чуял. Можно ли за это осуждать? Нет. Но ставить как образец такое отношение — недопустимо.

Наконец, у О.Мандельштама (Бог ему судья!) есть целая статья, призывающая к убийству русского императора Николая II, человека высокой нравственности, зверски убитого вместе с семьёй врагами русского народа и причисленного ныне к лику русских святых. Сегодня такая статья означает несомненное, уже, так сказать, официальное кощунство.

В этой статье («Кровавая мистерия 9-го января») О.Мандельштам намекает на искусственную организацию (не стихийное возникновение) спровоцированных за деньги беспорядков 1905 года и пишет со свойственной ему энергией ненависти следующее: «Сознание значительности этого дня в умах современников перевешивало его понятийный смысл, тяготело над ними, как нечто грозное, тяжёлое, необъяснимое. Урок девятого января — цареубийство — настоящий урок трагедии: нельзя жить, если не будет убит царь». Понять, что значил царь для России, «христианин» Мандельштам не смог..

Теперь о Бродском, которого так старательно «делают» гением и совершенно неосновательно сравнивают с самыми великими поэтами. Оставим в стороне его русофобские выпады и обратимся к его поэтическим достоинствам. Вот что пишет о его стихах лауреат Нобелевской премии А.И.Солженицын: Бродский «нередко снижается до глумления», «смотрит на мир... с гримасой неприязни, нелюбви к существующему». Чуждый «русской литературной традиции, исключая расхожие отголоски, оттуда выхваченные», этот поэт «почти не коснулся русской почвы». Его стихи зачастую «переходят в интеллектуально-риторическую гимнастику», создавая «впечатление нарочитого косноязычия». Полные «исковерканных, раздёрганных фраз» с непроизносимым порядком слов, они свидетельствуют, что «глубинных возможностей русского языка Бродский вовсе не использовал, огромный органический слой русского языка как бы не существует для него, или даже ему неизвестен» и т.д. Нелишне учесть

также, что И. Бродский, как выразился И. Шарыгин, «постепенно терял свой русский язык». Почему же такой поэт включён в школьную программу «взамен» настоящих классических русских поэтов? Ответ напрашивается сам: потому что его поэзия чужда русскому духу. Потому что она не причастна к корневым началам русской литературы, более того — во многом им несоприродна...

Но разве всё то, что мы наблюдали, справедливо и правильно? Разве можно лишать новые поколения законного наследия русских национальных гениев, подсовывая вместо них не родное, а чужое и то, что хуже? И стоит ли так настойчиво строить программу на русофобских началах? Или русофобия у нас узаконена? Укажите, пожалуйста, статью Конституции, где это обозначено. Нет такой? Ну тогда, коль скоро не постеснялись вычеркнуть из списка великих русских писателей, теперь не постесняйтесь переиздать программу с законными исправлениями, чтобы избавить этот документ от подковёрного русофобского экстремизма! Пора, господа, а то дождётся того, что будет поздно.

Повторю: последние программы по литературе, выпущенные и утверждённые «свыше», достойны не просто осуждения, но наказания: в них нагло ограблено поколение русской молодёжи, у него отняты законно принадлежащие ему сокровища русской национальной культуры, получившей всемирное признание, и в них включено то, что к программам обязательного изучения классики не имеет отношения. При этом они обнаружили неприятие «русского духа», «русского ума и сердца», то есть того, на чём держалась и держится вся русская культура. Не плохо бы министерским «полициям мысли» понять, что «без русского духа», «русского ума и сердца» — нет русской культуры, а без русской культуры — не может быть и самой культуры в России. Не пора ли наконец покончить с подковёрным антирусским экстремизмом в изданиях, выпускаемых по школьной программе?!

ШТУРМАН И СВЕТКА

РАССКАЗ

1

Третий штурман танкера «Конецбор» Арсений Шургин лежал в клинике челюстно-лицевой хирургии Военно-медицинской академии вторую неделю. Клиника была старая, построенная в конце девятнадцатого века. На кафельных плитках в фойе можно было прочесть: «М.А. Долгополовъ, С. Петербург, заводы акционерного общества Дзевульский и Линге. Варшава—Опочно».

На второй и третий этаж вела широкая лестница с узорными чугунными перилами. Все здесь было добротное, крепко и неудобно. В высоченных, со сводчатыми потолками палатах лежало по десять, двенадцать человек, койки стояли тесно друг к другу, и хотя форточки не закрывали круглые сутки, было душно.

Шургин лежал в палате на три койки, которая была переделана из бывшей процедурной и предназначена для тяжелых больных.

Койку у входа, рядом с умывальником, занимал полковник в отставке Леопольд Янович Кручинский. Костистый, сухой, с аккуратно за-

ПРОЗА

чесанными на пробор седыми волосами, полковник даже в больничной пижаме выглядел подтянутым, а белоснежный платок в нагрудном кармане делал его даже элегантным. Целые дни он с увлечением читал романы Сименона, задумчиво шевеля при этом густыми бровями. Ничто другое, казалось, его не волновало. У него был рак, и он знал об этом. Лица врачей, когда они говорили с полковником, становились неестественно оживленными. Сам же Леопольд Янович был совершенно спокоен, изысканно вежлив и холоден.

Напротив Шургина лежал Иван Плахотенок, тридцатилетний шофер, год назад угодивший по пьяному делу в аварию. Левая половина лица у Плахотенка была изуродована, правая же совершенно не пострадала, носила на себе печать ленивой праздности, единственный глаз смотрел нагло, с вызовом. Как иногда случается с людьми, перенесшими несчастье, Плахотенок считал, что окружающие, да и люди вообще, чем-то обязаны ему, любил покуражиться. Ему ничего не стоило, например, подойти к какому-нибудь из вновь поступивших больных и, ухмыляясь изуродованной половиной лица, сказать:

— Слышь, кореш! Дай десятку до завтра.

Ему не отказывали, хотя денег он никогда не возвращал.

Себя Плахотенок выдавал за летчика-испытателя, потерпевшего аварию.

— Наше дело такое, — зловеще говорил он, — р-раз и в дамки, получай похоронку! Зато пенсия будь здоровчик! Вот переделают мне рожу, и женюсь. Што, не веришь?

Если у Плахотенка сохранилась половина лица, то у Шургина лица вообще не было. Даже много повидавшие санитары, перевозившие его из ожогового центра в клинику, смотрели на него с ужасом, а Ваня Плахотенок, без стеснения оглядев его в первый раз, присвистнул:

— Да, кореш, здорово тебя уделали!

Взглянув на себя в зеркало, Шургин вспомнил далекий день, когда он в Москве попал на выставку польского плаката, и на него со стены глянуло обуглившееся, плоское, с дырочками ноздрей лицо-маска. Плакат был посвящен жертвам Хиросимы.

Больше Шургин к зеркалу не подходил. Лежал, отвернувшись к стене. Газет и книг не читал. Курить выходил, когда никого в курилке не было. Букет подснежников, что принесла санитарка и поставила на его тумбочку, выбросил в окно. Его раздражало все напоминающее о жизни.

Биография его, считал Шургин, оборвалась четыре месяца назад, мутным январским днем, когда на подходе к Ам-

---

дерме у них на «Конецборе» случился пожар. Шургин, ото-спавшись после вахты, поднялся наверх, чтобы проверить, выстираны ли чехлы на спасательных шлюпках. И тут он заметил едкий чадающий дым, струйкой выбивающийся из вентиляционного отверстия. Все остальное произошло в секунды.

Очнулся только в самолете, по дороге в Петербург. По личному распоряжению начальника пароходства его срочно переправляли в ожоговый центр. Две недели спустя из газет он узнал, что ему удалось предотвратить взрыв на танкере, спасти жизнь экипажа и сохранить многие тонны горючего.

Стояла ранняя весна, местами еще лежал снег, пора белых ночей еще не наступила, но сумерки держались долго, и небо, казалось, было подсвечено люминесцентными лампами. Окна палаты глядели на Клиническую улицу, временами на проезжей части проходили строем курсанты Военно-медицинской академии в сухопутной и морской форме. Когда Шургин видел моряков, у него деревенели губы и к горлу подкатывал ком. Родом он был из деревни Селихово, что в тридцати верстах от города Конаково. Крепкая их изба стояла на самой окраине деревни, из окон видна была церковь, в лихие годы ее почему-то не разорили, немец до Конакова не дошел, оттого и возвышалась эта красота, отсвечивая на солнце золотом куполов. Отец и мать Арсения подались на заработки на Север, да и сгнули там, Сеня жил с дедом Тихоном, инвалидом войны. Жили крепко, дед огородничал, имел в сараюшке столярную мастерскую: избы в деревне, да и домики в дачных кооперативах украшали затейливые наличники, ставни, колодезные срубы дедовой работы.

В памяти остались наполненная солнцем изба, пестрые дерюжки на свежесмытом полу, запах хлеба и гриб-мухомор в тарелке на подоконнике — снадобье от мух. Сеня учился в четвертом классе, когда в одночасье сгорела изба, а с ней и дед, — говорили: электрическое замыкание вышло. Мальчика определили в Уфмельский детский дом в Тверской области, потом он пристроился матросом на буксир, что толкал баржи по Волге, оттуда и ушел служить на Северный флот. Там, в Полярном, и началась его взрослая жизнь. Ходил на торпедолове, мотался по полигонам, а в свободное время учился в школе, нагоняя упущенное. После поступил в Мурманскую мореходку.

Хотя прошло всего четыре месяца, прежняя жизнь представлялась Шургину чем-то нереальным, вроде давно прочитанной книги или кино. В той жизни, независимо от того,

---

что произошло, продолжал жить смуглолицый, с небольшими светлыми усиками штурман Шургин. Он стоял ходовые вахты, мылся в корабельном душе, сживал с друзьями в архангельском ресторане «Двина», и знакомая официантка игриво говорила ему:

— Ах, Сенечка, окрутит тебя какая-нибудь шалава.

— Не окрутит, — отвечал он и улыбался, потому что знал: в Соломбале его ждут.

Случались у него, конечно, и неприятности, досадные срывы и неудачи, чего не бывает в жизни, ибо он жил. Человек же с обезображенным лицом, что лежал теперь на койке в палате номер четыре, к Шургину прежнему никакого отношения не имел и достоин был лишь одного — смерти. Так считал сам Шургин.

2

Рабочий день в клинике начинался в шесть утра, когда сестра приходила измерять температуру. Шургин просыпался от прикосновения ее рук, брал термометр, сонно совал его под мышку и лежал, глядя из-под прикрытых век в окно, откуда лился зеленоватый, расплывчатый свет. Щебетали птицы. Звенели в отдалении трамваи. Спал он плохо. В ожоговом центре его долгое время преследовал один и тот же кошмар: какая-то магистраль или трубопровод. Под ногами хлопает черная жижа, пахнет нефтью. Он идет и идет, шаря руками по липкой холодной поверхности, а магистраль все сужается. Он знает: нужно спешить, вот-вот произойдет взрыв, но ноги плохо слушаются. И в тот самый момент, когда, казалось бы, найден спасительный выход — руки нащупали горловину люка, — в лицо ударял яркий свет, холодный и синий, как электрический разряд, и он, кувыркаясь, катится куда-то...

В этом месте Шургин обычно просыпался.

В клинике кошмары перестали его беспокоить, вместе с ними как бы оборвалась последняя нить, связывающая его с прошлым. Короткими весенними ночами лежал, плотно сомкнув веки, без мысли, без желаний, пока его не достигал сон, душливо тяжелый, без сновидений.

Сон не приносил облегчения.

Минут десять десятого пришел доцент Фомичев, седой, розоволицый. Было в его облике что-то от римского сенатора: прямой, классической формы нос, выдающийся вперед подбородок. И только глаза, ясно-голубые, добродушные, выглядели странным несоответствием, будто принадлежали другому человеку.

Фомичев присел на койку к Шургину, поправил одеяло.

— Утро доброе! Ну и погодка, страх божий! Говорят, циклон идет. Виданное ли дело, май на носу, а такой холодище. Ну, как самочувствие, Арсений Петрович?

— Нормально, — равнодушно ответил Шургин.

— Так, так, — Фомичев чуткими руками ощупал Шургину лоб, подбородок. — Все идет как надо. Дней через пяток пойдешь на операцию. Спишь-то как?

— Нормально.

— Что ты заладил — нормально да нормально? Других слов нет?

— У него в башке, как в магнитофоне, что-то с места соскочило, — ухмыльнулся Иван Плахотенок. — Все по одному месту ерзает.

— А ты помалкивай, Иван, — рассердился Фомичев, — по моим данным, ты опять вчера себе позволил?

— Брехня, Василь Владимирович, — ужаснулся Плахотенок, — истинный крест, брехня. Бабка Фаина вчера на гардеробе дежурила, при ей разе кого упростишь за бутылкой сбежать?

— Почему санитарку оскорбил?

— Психическое у меня, — вздохнул Плахотенок, — без бабы живу. Все от этого. Придет Галина Сергеевна, извинюся, не со злобы я.

С полковником у Фомичева шел особый, понятный только им разговор.

— Ну, как «Желтый пес»? — спрашивал Фомичев.

— Потрясающе, Василий Владимирович, — оживлялся полковник. — Так закручено, что я до конца не мог догадаться, кто же все-таки убийца. И знаете, что удивительно? Оказывается, у Сименона есть романы социальной направленности. Возьмите его «Президента» или «Негритянский квартал» — очень тонкий анализ буржуазного общества.

— Погодите, завтра я вам романчик Агаты Кристи принесу, там у нее черт ногу сломит, такие повороты. Да, между прочим, — как будто вспоминал он, — я договорился о переводе вас в онкологический институт. На следующей неделе обещают местечко.

«Ничего, — думал Шургин, — скоро все это кончится. Для меня скоро все кончится». И думал о смерти, как об освобождении.

Он знал, в клинике уже были попытки самоубийства, месяц назад больной, узнав, что у него рак верхней челюсти, хотел броситься с крыши, хорошо подоспели санитары. Теперь все двери клинического корпуса, ведущие на чердак, были ограждены решетками, в проушинах висели замки.

Штурман только усмехался: у него был свой, проверенный план. Его никто не остановит. Вечерами он внимательно прислушивался к тому, что происходит в клинике. Кроме обычной жизни, на этажах и в подвале протекала иная, тайная жизнь. Из рассказов соседа по палате он знал, что есть удалыцы, что бегают вечерами за водкой — для чего припрятана одежонка. У Плахотенка имелся ключик от бельевой в подвале, где, случалось, уединялись парочки. Больные, поступившие на пластические операции, лежали подолгу, их трудно было осуждать. И все же Шургин, представляя, как любовники возятся там, в подвальной темноте на мешках с грязным бельем, содрогался от отвращения. Впрочем, Плахотенок мог и соврать.

Прогуливаясь после врачебного обхода по коридору, Шургин увидел девочку лет шести. Раньше он ее что-то не замечал. Девочка сидела за столом и, низко склонившись, рисовала на клочке бумаги. Рыжие смешные косички торчали в разные стороны.

Шургин остановился, без любопытства заглянул через плечо девочки и равнодушно отвернулся. Обычный детский рисунок: домик с трубой, жалкие деревца, люди, похожие на марсиан. У девочки не было даже намека на способности к рисованию.

— Нарисуй кошечку, — вдруг требовательно сказала девочка.

— Что? — удивленно переспросил Шургин.

— Кошечку нарисуй.

— Хм, кошечку. Ну, давай, — неуверенно сказал Шургин, присаживаясь рядом с девочкой на стул. Отказать ей и уйти он почему-то не решился.

Девочка подвинула ему листок бумаги, протянула острый карандаш.

— Пстой, у меня получше инструмент есть. — Шургин достал из кармана больничной пижамы паркеровскую ручку. Скользнула горькая мысль: «Только бы головы не поднимала. Увидит меня — испугается».

И стал рисовать. Рисовал он неплохо, в детском доме и в мореходке оформлял стенные газеты.

— Кошечка, кошечка! — Девочка засмеялась, захлопала в ладоши, потом спокойно, без страха посмотрела на Шургина.

— А теперь собачку.

Шургин отшатнулся: нижняя часть лица девочки была обожжена, рубцы спускались на шею, стягивали уголки рта, отчего казалось, что девочка странно улыбается.

«Боже мой, — подумал он, — Боже мой... Ну ладно я... Мне двадцать семь, все-таки пожил. Тауэр видел, в Сингапуре два раза был. И женщины у меня были, и друзья... Любовь была. А ведь это ребенок... девочка. Как же ей жить-то дальше?»

Шургин вдруг почувствовал, вот-вот заплачет, как тогда в ожоговом центре, когда написал Зое письмо, холодное, жесткое, — написал с целью обидеть ее, оттолкнуть.

— Как тебя зовут? — осипшим вдруг голосом спросил он.

— Светка. А тебя?

— Сеня... Э-э, дядя Сеня.

— А гуленьку ты умеешь рисовать? — поспешила спросить девочка. Ей, видимо, не хотелось, чтобы он уходил.

— Гуленьку? Могу... Только голуби глупые и злые птицы. — Шургин поморщился. Он действительно не любил голубей.

Светка внимательно посмотрела на него и строго сказала:

— Нет, гуленьки добрые. Ужи и ежи тоже добрые. Так мамочка говорит.

Не стоило ее разубеждать, и Шургин примирительно сказал:

— Ладно, давай гуленьку.

Ему вдруг вспомнился длиннорукий, по брови заросший рыжей бородой боцман Осипов. Старик относился к голубям с непонятной Шургину нежностью и постоянно носил в кармане куски хлеба. И еще Шургин вспомнил, как Осипов, несмотря на запреты, приехал навестить его в ожоговом центре, сидел на краю стула, в неловко наброшенном на плечи халате и сердито говорил: «Ты, Арсений, душу себе не рви. Не по-нашенски это, не по-флотски. Упрись».

— Ты приходи, — сказала Светка. — У меня еще бумага есть. Тетя Галя обещала целую тетрадку купить. И карандашик!

— Приду, — пообещал Шургин. Ему захотелось погладить девочку по голове. «Волосики у нее, наверное, мягкие», — подумал он, удивляясь своим мыслям.

Ночью Шургин долго не мог уснуть, ему вспомнился один день. Воспоминание было нестерпимо ярким, объемным, словно память долго хранила детали, чтобы разом выплеснуть их.

...Тогда они после долгого плавания вернулись в Архангельск, бросили якорь у Бакарицы. Стояла пора белых ночей, было тихо и пусто. В густом влажном воздухе звенели комары. Шургин шел по набережной, сонная Двина выплескивала на песок языки желтой пены. Маленький деловитый буксир чертил по небу волнистую дорожку дыма.

На углу какой-то улицы он поймал такси. Таксист тер покрасневшие от усталости глаза и на чем свет ругал какого-то

пижона, который уговорил его ехать на Экономию, а у самого не хватило денег расплатиться.

Сразу же за мостом через Соломбалку Шургин отпустил такси, свернул к речке и пошел пешком. За штaketником палисадников цвела черемуха. Мокрые от росы кровли домов блестели. В глубине переулков, сбегających к реке, стоял легкий туман. Между разошедшимися досками деревянных тротуаров пробивалась трава. Желтели головки одуванчиков. И эти старые соломбальские дома с пустыми еще, сонными окнами, и катера, моторки, карбасы, застывшие на темной неподвижной воде, и запах черемухи — все каким-то непонятным образом было связано с Зоей.

Они глупо поссорились перед рейсом, и Шургин шел мириться, шел с затаенным страхом. Но когда постучал в знакомое окно и там, за занавеской, возникло смутное движение, страх разом пропал, его вытеснила нежность, которую ничем нельзя измерить.

Зоя выскочила на крыльцо в одной ночной рубашке, протянула руки к нему и, обнимая, шептала:

— Шургин... небритый. Всегда небритый. И нашивки у тебя царапаются...

3

С утра Шургин валялся на койке, потом с сумрачным видом вышагивал по палате. За окном моросил дождь. По карнизам бродили мокрые голуби. На сердце у Шургина было беспокойно. Казалось, еще вчера, окончательно всё обдумав, он обрел, наконец, душевное равновесие. И вот сейчас... В чем же причина? Воспоминание, повторившее события прошлой весны? И только? Перед глазами всплыло лицо девочки. Косички воинственно торчали в разные стороны.

«Вот ведь пичуга, никаких у нее нет сомнений. Ей проще... Сейчас. А потом? Как у нее сложится жизнь? Ведь для женщины лицо... Да только ли для женщины? Без ноги или руки легче. Кажется, Толстой сказал: лицо — зеркало души. Выходит, пострадало у человека лицо, то и душа, весь он ломается изнутри, как Ваня Плахотенок. Но кроме Плахотенка в клинике много других больных, годами лечатся, в Светкиной палате одной женщине тридцать две операции на лице сделали. И ничего, не озлобилась она, в петлю не лезет». Шургин словно натолкнулся на невидимую преграду и остановился, с изумлением прислушиваясь к себе. Почему такие бесхитростные мысли не приходили ему в голову раньше? Значит, потребовалось увидеть чужую беду, чужое несчастье, чтобы задуматься над всем этим? Да, ему плохо, хуже быть не

может, и он, выходит, хочет, чтобы и всем было плохо: и Зое, и друзьям, и даже... Фомичеву.

Шургин вспомнил, как Зоя плакала в коридоре, когда он запретил пустить ее в палату.

— Пустишь кого, — сказал он Фомичеву, — в окно выброшусь. А эту, — он кивнул на дверь, за которой стояла Зоя, — гоните отсюда. Никто она мне.

Моряков с танкера он тогда к себе тоже не пустил.

А настоящий человек только тот, кто, несмотря на пережитое, старается оградить других от беды. Банальность? Да нет, вечная истина. Как же он, Арсений Шургин, позабыл об этом? Ведь в ту секунду на танкере он не думал о себе. Сигани он тогда за борт — до берега рукой подать, — сидел бы сейчас в Соломбале, чаёк попивал с клюквой. И никто бы его не осудил. Некому было бы осуждать. Однажды он видел, как взорвался в Атлантике греческий танкер. Черный гриб вырос над океаном, как при взрыве ядерной бомбы. Так-то. Не сиганул. Значит, было в нем что-то? Было да сплыло.

В палату вошел Леопольд Янович и, улыбаясь, сказал:

— Арсений Петрович, вами одна девица интересуется.

— Какая девица? — ошеломленно переспросил Шургин.

— Ссылается на знакомство с вами. «Слетай, — говорит мне, — дед, в палату, Сеню позови, а то я мужчин стесняюсь». Представьте, так и сказала, — усмехнулся Кручинский. — Да-а. Светланой ее зовут. Припоминаете?

Шургин вышел в коридор. Светка в широкой, не по размеру, пижаме стояла у кадки с фикусом и обиженно смотрела на него.

— Что же, обещал, а не идешь, — сердито сказала она.

Шургин смутился.

— Да так, знаешь... времени не было.

— Времени... Небось дрых без задних ног. Дело известное, — проворчала Светка, видимо подражая кому-то.

«Ну и ну! — удивился Шургин. — Гляди-ка, совсем взрослая. Что ж, сызмальства по больницам помотаешься, повзрослеешь».

— Играть будем? — смягчаясь, сказала Светка.

— Давай. А во что?

— Давай в посудохозяйственный магазин. Мне тетя Галя разных баночек от лекарств надавала. Посуда будет. Годится?

— Годится, — в тон ей ответил Шургин.

«Боевая пацанка, — подумал он, — такой и надо быть в жизни. А ей тем более! А мне?» — тут же возник вопрос.

Вечером Шургин долго стоял в курилке у распахнутого окна, — снизу, из парка, тянуло запахом теплой, отмытой

дождем земли. Влажный ветер с Невы шевелил его волосы. Арсений закрыл глаза и замер, вцепившись руками в подоконник.

...Тяжелое, со свинцовыми разводами море медленно раскачивалось, лизало борта, глухо всплескивало в шпигатах. Нос танкера лез вверх, прикрывая льдисто-серое небо. Шургин представил все это настолько живо, что ему показалось: он ощущает запахи солярки, краски и моря. Ему захотелось глотнуть студеного воздуха, так, чтобы ветер забивал глотку, сек глаза, обручем сжимал грудь.

Нет, ничего этого уже не будет. Не будет? Почему? Ведь он моряк, черт побери, он корабли водить может. Глаза у него есть, руки-ноги — есть. Работу он делать может? Может!..

До него донеслись странные звуки, проникающие сквозь двери курилки.

«Поют, что ли?» — с удивлением подумал Шургин, прислушиваясь. Действительно, в коридоре перед курилкой пели. Пели на два голоса, робко, с грустинкой. Слова не разобрать.

«Поют, надо же!» — Арсений осторожно выглянул в коридор. У окна, выходящего на улицу, стояли, обнявшись, две девушки и, слегка раскачиваясь, пели. Лица девушек были забинтованы. Плотные слои пожелтевшей марли делали их головы до жути похожими, словно два кокона. Шургин ошеломленно смотрел на них. И потом долго его преследовало видение поющих девушек.

Заснул Шургин только после таблетки снотворного, проснулся под утро, часов в пять, от томительного чувства и с удивлением понял, что плачет.

— Что же это, что же это? — бормотал он, не в силах бороться с собой. В окно лился все тот же зеленоватый свет. Мокрые липы шелестели листвой. Шургин громко вскрикнул.

— Чтой ты? — испуганно спросил со своей койки Ваня Плахотенок. — Сеня, ты что?

Шургин умолк.

— Во сне, значит, — пробормотал Плахотенок, — вот псих, сон перебил. И на самом интересном месте.

Утром Шургина взяли в операционную, нужно было подготовить лицо к пластике. Когда его укладывали на каталку, он робко спросил у Фомичева:

— Неужели что-нибудь получится, Василий Владимирович?

— Непременно. Правда, я не обещаю из тебя красавца сделать. Да и зачем тебе? Ведь ты мужик, моряк.

Два дня Шургин пролежал, не вставая, лежал оглушенный, слабый, с удивлением приглядываясь к окружающему. И ему казалось, что он возвращается из дальней поездки. Каждый предмет, будь то веточка мимозы, что появилась на тумбочке у полковника, или сизый надутый голубь, лениво склевывающий на подоконнике крошки, как-то особенно волновали его. На третий день перед обедом в палату заглянула Светка.

— Сеня, ты здесь? — спросила она.

«Неужели она меня ждала все время?» — подумал Шургин.

— Идем играть, Сеня, нечего валяться, — позвала Светка. — Идем, а? Тебе доктор разрешил, уже можно.

— Это кто же к нам пришел? — страшным голосом закричал Ваня Плахотенок, соскакивая с койки.

Светка спокойно посмотрела на него и спросила:

— Вы полдяди, да?

— Вот ведь умница, — улыбнулся Плахотенок. — Был Ваня, стала половинка Вани, все правильно. Рыженькая, — с теплотой добавил он. — На мою девку похожа.

— И все ты врешь, Иван, — усмехнулся Шургин, натягивая пижамные штаны, — никакой девки у тебя нет.

— А вот и есть, — обиделся Плахотенок. — Веркой кличут. Отличница, первый класс заканчивает. — И здоровая половина лица его потемнела.

— Будет вам, Арсений Петрович, — примирительно сказал полковник Кручинский. Он грустно посмотрел на Светку сквозь очки и улыбнулся.

— Ты спи, деда, — посоветовала ему Светка, — ложись и спи. Идем, Сеня.

— Восхитительный ребенок, — вздохнул Кручинский, провожая ее глазами.

В коридоре Шургин и Светка столкнулись с Фомичевым.

— Ага, ты-то мне и нужна, коза-дереза! — Он подхватил Светку на руки, пощекотал, и Светка тихонько взвизгнула. — Лекарство пьешь? — грозно спросил Фомичев.

— Пью.

— Правда?

— Правда. Какая мне корысть врать?

— Чудненько, пойдем в перевязочную, погляжу я на тебя. И дружка своего с собой прихвати. Через три минуты топайте оба в перевязочную, а я руки пока помою. — Повернулся и пошел, что-то беспечно насвистывая себе под нос.

— Что же, веди меня, — серьезно сказал Шургин, — а то мне как-то не по себе... И чур, ты первая, а?

— Ладно, — покровительственно сказала Светка, — ты только не бойся, бояка.

После перевязочной Светку повели фотографировать. В клинике на каждого больного велся альбом с фотографиями, чтобы наглядно видеть результаты пластических операций.

Шургин остался ждать ее в коридоре, прохаживался перед стеллажами с учебными пособиями. Санитарка Галя вытирала со стеллажей пыль.

Шургин тронул ее за плечо.

— Слушай, ты на рынок сходить не сможешь?

Галя частенько выполняла просьбы больных.

— А что купить-то?

— Может, зелень, какая есть, ранняя черешня, клубника. Купи пару килограммов. — Шургин сунул в кармашек ее халата деньги.

Галя с состраданием посмотрела на него.

— Маленькую взять? Ты скажи, не стесняйся. Все на душе легче будет.

— Ты о моей душе не пекись, — нахмурился Шургин, — душа у меня в порядке. Ясно? Клубника нужна, витамины, поняла? Сдачу оставь себе, небогато живешь.

Галя потупилась, на глазах у нее выступили слезы.

— Я ведь так... Глядеть больно... Вы не подумайте...

— Ладно, чего уж там, — смягчился Шургин. Ему стало жаль санитарку. — Я давно у тебя собирался спросить, от чего это у Светки? Ты должна знать...

— Выварку с бельем на себя опрокинула, — тихо сказала Галя. — Мать у нее в стройпоезде работала. Там и жили. Отца нет. Известное дело, приглядеть некому. Мать в лавку побежала, а Светочка — к выварке. Маменьке помочь хотела...

Шургину припомнилась увиденная им когда-то из окна вагона поезда картина: несколько старых вагончиков в степи, разноцветное белье на веревке и женщины с ломami на раскаленной насыпи. «Маменьке помочь хотела...»

— Понятно, — глухо сказал Шургин.

Из лаборатории вышла сияющая Светка и сразу же похвасталась:

— Ага, а меня на карточку снимали! — И тут же, смутившись, как взрослый, допустивший бестактность, поспешно добавила: — Ничего, Сеня, тебя тоже снимут.

Ночь Шургин спал крепко, проснулся рано, от предчувствия чего-то необычного. В изголовье его койки, на тумбочке стояла тарелка с клубникой.

«Вот оно в чем дело, — улыбнулся он, — клубника! Запах-то, какой! И когда успела купить? — Шургин потянулся, трях-

---

нул головой — ощущение праздника не проходило. — Что это со мной? — удивленно подумал он. Какое-то неясное воспоминание волновало его, но было оно расплывчатым, неуловимым. Так бывало в детстве, когда сны невозможно вспомнить, но после них остается щемящее чувство радости. — Нужно успеть отнести клубнику, пока не проснулась».

Шургин торопливо натянул пижамные брюки, сунул ноги в шлепанцы, взял тарелку с клубникой и осторожно, чтобы никого не разбудить, вышел в коридор. Дверь в женскую палату была приоткрыта, ступая на цыпочках, он подошел к Светкиной кровати. Светка спала, свернувшись калачиком. Рыжие волосы разметались по подушке. Шургин поставил тарелку на стул рядом с кроватью, поправил одеяло и хотел было уйти, но Светка открыла глаза, некоторое время непонимающе смотрела на Шургина, потом улыбнулась и поманила его пальцем.

— Сеня!

— Тихо, — Шургин приложил палец к губам.

— Я тихо. Я на ушко.

Шургин склонился над ней. Светка осторожно потрогала рубец на его лице.

— Больно?

— Нет. Теперь уже не больно. Спи, еще рано.

— Хорошо, посплю. — Она приподнялась на подушке, обхватила рукой шею Шургина и прошептала в самое ухо: — А мне нынче операцию будут делать.

— Как... операцию? — испуганно переспросил Шургин.

— По-правдашнему. И на каталке повезут, вот.

У Шургина пересохло в горле.

«Сколько же нужно перенести, чтобы вот так спокойно говорить об операции, — с горечью подумал он, — ох ты, чижик!»

— Я тебе клубники принес, — с трудом выговорил он. — Перед операцией тебе нельзя, а потом будет можно. Только ты сейчас не ешь. — Он отвернулся, чтобы не видеть ее глаз.

— И чего тратился? Клубника-то, небось, дорогая сейчас? — вздохнула Светка.

Дежурная сестра, протягивая Шургину термометр, сообщила:

— К подружке вашей, Светочке, мать из Казахстана приехала. Светочку сегодня оперируют, знаете?

— Знаю, — хмуро ответил Шургин.

Все утро он не находил себе места, слонялся по палате, рассеянно листал старые журналы, смотрел в окно на мокрые

липы и все прислушивался — пришли за Светкой из операционной или нет.

Ваня Плахотенок попытался завести с ним разговор, чтобы в заключение попросить денег, но Шургин оборвал его:

— На водку не дам, понял? Сок пей. Вон на моей тумбочке целая банка стоит.

— Жога у меня от его, — недовольно проворчал Плахотенок, но разговор продолжать не рискнул.

Шургин ушел в курилку, долго сидел там, прикуривая одну сигарету от другой. В курилку заглянула санитарка Галя, вытирая глаза рукавом халата, сообщила:

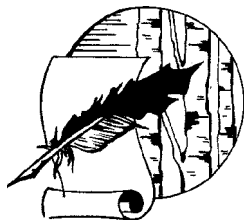
— Повезли нашу ягодку. Ох, Господи, третий год работаю, а все привыкнуть не могу.

Шургин бесцельно походил по коридору, затем вышел на лестничную площадку. Там, на скамейке у телефона-автомата, сидела мать Светки и плакала. Он сразу узнал ее. Светка была похожа на мать — те же рыжие волосы, крупные веснушки, даже выражение глаз у них было сходным. Шургин подошел и молча сел рядом с ней. Уж он-то знал — нет ничего бессмысленнее слов утешения. Лучше помолчать.

Женщина коротко взглянула на него, и в ее глазах мелькнул страх, она отодвинулась от него на край скамейки, вся подобралась.

«Все верно, — усмехнулся про себя Шургин, — все правильно». И не испытал горечи. Теперь это уже не имело никакого значения.

Сквозь застекленную дверь он увидел, как у входа в операционную зажглось табло: «Тихо, идет операция».

Ольга ДЬЯКОВА

СЛУШАТЬ НЕБЕС ГОЛОСА...

* * *

Осколком зеркала блистает месяц,
Прохладный ветер бьёт речным крылом.
Прощай, уходит поезд ровно в десять.
Не суждено нам встретиться потом.

Я это знаю опытом разлуки.
Над нами ходят бури и дожди.
И в скрежете колёс таятся звуки:
Не плачь, не возвращайся и не жди.

Моя судьба — ловить мельканье станций,
Твоя — идти то вверх, то под уклон.
Лишь месяцу дано за счастьем гнаться,
Таким же ускользящим, как сон.

* * *

А коса по траве — вжик,
А душа по тебе — в крик.
Затопила заря ночь.
Ты под утро ушел прочь.

Уходящих всегда ждут,
Потому что любовь — глубь.
Между нами — земли ширь,
Косарям обновлять мир.

* * *

К ступеньке поезда последний сделал шаг,
Ты поднимаешь руку в знак прощанья.

Луна, закутываясь зябко в жёлтый шарф,
Пришла со мной послушать обещанья.

Вагоны, громыхнув, начнут тихонько плыть
И замедлять тоской моё дыханье.
И мысль — что быть могло, чего могло не быть —
В моём уме родится с опозданием.

Пускай под поезд бросятся слова,
Их всё равно потом никто не вспомнит.
Качнутся полустанка дерева...
Не позабыть тебя в изломе комнат.

* * *

Ветер тучи несёт —
Вавилонские башни —
По-над чёрною пашней,
Над чёрною пашней.

Я смотрю на грозу,
Что разлита гуашью
И готова пролиться
На плечи спешащих.

Опрокинулась высь
Не испитою чашей
На дома и просёлки,
На пристани наши.

Но за бурей кипящей
Есть свет восходящий
По-над чёрною пашней,
Над чёрною пашней.

* * *

Ветка ивы у колодца
Поднималась, опускалась.
Мысль плыла, куда придётся,
К журавлиной стае жалась.

Волны движутся неровно,
Сонно споря с тишиною.

Возвышается часовня
Деревянной чешуёю.

Круг от брошенного камня
Унесён теченьем быстрым.
Ныне спрятанная тайна
Расцветёт весной ветвисто.

Возвращусь я в город гулкий,
Четырём ветрам открытый,
Где сойдутся переулки,
Дождевой водой умыты.

* * *

Я назовусь твоей мечтой,
Твоей голубкой.
Не пересмешницей мирской,
А грустью хрупкой.

Мне приходилось в небе стыть
При перелётах,
Вплетаться в золотую нить
На переплётах.

Владеть минутою одной
И общей думой.
Взгляни, как месяц молодой
Пыль тучи сдунул.

Я назовусь твоей судьбой,
Без утешенья,
Чтоб отступил туман седой,
Обманщик зренья.

Миры открыты мне сейчас,
Высот глубины.
И вечен звёзд иконостас
Неизъяснимый.

* * *

Белою тростью слепого
Шарит в потёмках Луна.

Сладким страданием снова
В сон погружает она.

Даль забытья и покоя
Хочет меня обмануть.
Давнее чую, родное,
С чем до зари не уснуть.

Мёрзлой дороги изьяны,
Русских чащоб чудеса —
Выведут нас на поляны
Слушать небес голоса.

Михаил ЛОКОЩЕНКО

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

СУМЕРКИ

Сумерки в душе и за окном,
У стены — две сгорбленные тени.
Две судьбы в сплетении одном —
В скорбном и задумчивом сплетении.

Ничего не будет впереди,
Пустота от края и до края.
Всё идут тоскливые дожди —
Это плачет осень, умирая.

Тихие, пустые вечера.
Скажет только муж: «Грустить негоже!
Машенька приснилась мне вчера».
А жена прошепчет — и мне тоже.

Голос еле слышный прозвучит
И умолкнут звуки в целом мире.

Тихо, только маятник стучит
В тёмной и неубранной квартире.

Снится им улыбка в каждом сне —
Детский взор с улыбкой из пелёнок,
И глядит с портрета на стене
Маленький смеющийся ребёнок.

* * *

Билет в один конец. Не хочешь — не бери!
Других билетов нет, а поезд ждать не будет.
Смеётся продавец в окошке у двери,
И через много лет тот смех тебя разбудит.

И вспомнишь ты тогда пустой билетный зал,
И как звала звезда в сияющие дали...
Увы — прошли года, закрылся тот вокзал.
Умчались поезда. И рельсы разобрали.

ДРУЗЬЯМ

Дай Бог во власть нам не войти —
В холодный мир страстей жестоких!
Пушкой на жизненном пути
Пройдём мы мимо гор высоких.

Там, на заоблачных верхах,
Идут бои без всяких правил,
И власть всегда рождает страх,
Какой бы праведник ни правил.

Пусть даже толпы мудрецов
Руководят твоей страной —
Держись подальше от дворцов
И обходи их стороною!

СТАРЫЕ КАРТЫ

На старых картах, словно наяву,
Лежат несуществующие страны,
А я ушедшим временем живу,
Злых перемен залечивая раны.

И кажется, что это — только сон,
Безумная неправда вместо были,
И с криком петухов исчезнет он,
А все границы — там же, где и были.

Как будто ещё есть моя страна...

СИНЯЯ ПТИЦА

Давно ли ты бежал за синей птицей?
Кричал, и плакал, и махал сачком,
Просил её на миг остановиться
И падал, запыхавшийся, ничком...

Теперь она — всегда перед тобою,
Украсила твой мрачный, тёмный дом —
Покорной молчаливою работою
Приклеена к дощечке за стеклом.

На синих перьях пыль уже осела,
Ладонью проведёшь — видны следы...
Она тогда поверила и села
К тебе в сачок, не ведая беды.

И смотрит твоё пойманное счастье
Стекляшками пустыми вместо глаз,
Как будто говорит тебе с участием:
Ты радуешься? Счастлив ты сейчас?

ПУСТАЯ КВАРТИРА

Чужая жизнь ютится по углам
В квартире одинокой, опустевшей —
Как старый и не выброшенный хлам
С газетною трухою пополам
Под пылью многолетнюю осевшей.

Чужие сны, тревоги и покой
Впитались в пожелтевшие обои,
Где детской нарисованы рукой —
Мосты над неизвестною рекой,
Весёлые индейцы и ковбои.

Здесь кто-то дни рожденья отмечал
И плакал на поминках безутешно.
Встречал своих детей родной причал,
И было тут начало всех начал,
И чей-то путь заканчивался грешный.

Почтовый ящик доверху забит,
И телефон звонит ещё порою.
От смерти как от холода знобит,
Но кто-то в этом мире не забыт
За мелкой повседневною игрою.

МАСЛЕНИЦА

Приходи на меня посмотреть,
Как я буду гореть в воскресенье —
Как палящий огонь, словно плеть,
Заиграет под ветром весенним.

Эта боль предназначена мне,
Так гласит вековая примета:
Если я не погибну в огне,
То не будет хорошего лета.

Мой палач уже вяжет снопы,
Он так ловко поджечь их сумеет:
Под ликующий хохот толпы
Приготовленный хворост затлеет.

Поплывёт вдоль цветущих долин
Запах гари как горькое зелье,
А на небе висит пьяный блин,
И безумствует злое веселье.

Приходи и постой не спеша:
Будет много и зрелищ, и хлеба.
Посмотри, как взметнётся душа
Из соломы обугленной в небо.

* * *

В лабиринтах уличных каньонов
Слышен шелест прожитых годов,

Словно что-то шепчут листья клёнов
В тонкой паутине проводов.

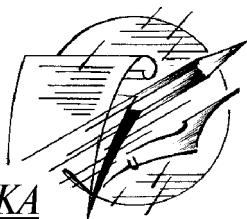
Прошлое осталось в настоящем
И с тобой чуть слышно говорит —
Шариком невидимо летящим
Высоко над крышами парит.

Будто лет непрожитых так много,
Что отдал бы их кому-нибудь...
И зовёт вперёд еще дорога,
Звёздами указывая путь...

НУЖНА НОВАЯ БОРЬБА С КОСМОПОЛИТИЗМОМ

Нынешний год в определенном смысле выделяется из череды других лет. Исполняется 65 лет с того момента, когда в СССР была начата активная борьба с космополитами. Существует мнение, особенно распространенное в нынешней либеральной среде, будто борьба с космополитизмом была искусственной, ничем не мотивированной, что она якобы явилась плодом пугливого воображения Сталина-тирана, будучи очередной кампанией, преследующей чисто политические цели укрепления людоедского сталинского режима.

В действительности же всё было иначе. Борьба с космополитами имела реальные исторические основания и причины. В связи с этим возникает необходимость взглянуть на проблему исторически. В противном случае не понять существа событий, произошедших у нас в конце 40-х — начале 50-х годов прошлого столетия. Тогда, как мы знаем, появилось принадлежащее Николаю Тихонову выражение «беспачпортный бродяга в человечестве», высказанное им по поводу книги Исаака Нусинова «Пушкин и мировая литература», где творчество великого русского поэта было представлено в качестве

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

придатка западной литературы, лишённого самостоятельного значения. Но это выражение не прижилось в общественном сознании, уступив место термину «безродный космополит», впервые употреблённому Ждановым в выступлении на январском 1948 года совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). Этот термин получил широкое распространение в общественно-политическом обиходе той поры. Мне он кажется не вполне удачным, поскольку за плечами у мнимых «безродных космополитов» была длинная родословная, возводящая их к надмировым политическим силам. Поэтому говорить о безродности этих людей едва ли правильно. Если рассматривать вопрос с метафизической точки зрения, то невольно приходят на память слова, сказанные в своё время Господом нашим Иисусом Христом: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Иоанн 8:44). Если же стать на эмпирическую точку зрения, то мы увидим целую вереницу космополитических предшественников, курсу которых следовали космополиты сталинского времени.

Космополитизм вышел из масонской среды, из среды тех, что стремились и стремятся к установлению нового мирового порядка, характеризуемого вселенской властью и образованием единого мирового правительства. Речь, следовательно, идет об установлении власти над миром. А такой новый порядок требовал радикального изменения отношения к национальным государствам и, в конечном счете, перемены отношения к Отечеству, к Родине. Родина, по мнению космополитов, находится там, где хорошо живется. Есть даже присловье на этот счет, взятое на вооружение космополитами: «*Ubi bene, ibi patria*» (лат.) — «Где хорошо, там и родина». Космополитические идеи обнаружались и приобрели публичный характер с конца XVIII века, с эпохи Великой Французской революции. Ярким проповедником таких идей был основатель ордена иллюминатов в Баварии Адам Вейсгаупт. Существенным препятствием на пути прогресса человечества, согласно Вейсгаупту, являлось национальное устройство мира. «С появлением наций и народов, — говорил он, — мир перестал быть большой семьей... Национализм занял место общечеловеческой любви». Чтобы вернуться к «общечеловеческой любви», надлежало уничтожить национальные государства с их правительствами и создать взамен мировое правительство, контролируемое иллюминатами.

Обращаясь к нашей российской истории, мы находим немало сторонников и последователей этих идей. Конечно, время накладывало отпечаток на организационные формы тех, кто исповедовал подобные идеи. Если брать XIX век, то с

полным основанием можно считать западничество одной из разновидностей космополитизма. Западники-либералы, как известно, негативно относились к русской истории, к историческому опыту русского народа. Всё русское они воспринимали как второсортное, находя образцы исторического развития на Западе, образцы, которым должна была следовать Россия.

Космополиты начала XX века внешне не похожи на западников-космополитов, но по природе своей между ними замечается значительное сходство. Было, конечно, у них и важное различие — космополиты-западники 60-х — 70-х годов XIX века стояли на почве эволюционизма, постепенного изменения общественных отношений сверху, тогда как космополиты начала XX столетия проповедовали революционизм, т.е. ниспровержение существующего социального и политического строя снизу. Вот почему космополитизм начала XX века есть новый этап развития космополитизма в России.

Левые эсеры, большевики, кадеты, бывшие во множестве масонами, смотрели на себя как на граждан мира. Ими владела идея мировой революции и создания единой всемирной республики. Проповедники идеи мировой революции (например, Троцкий) весьма положительно воспринимали идею создания Соединенных Штатов Европы. По Ленину, лозунг республиканских Соединенных Штатов Европы с политической точки зрения «совершенно неуязвим». Но при этом он полагал, что «Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом...». Здесь наблюдается смычка космополитических масонских идей с революционными левыми идеями. Кстати, замечу: среди видных большевиков было немало масонов.

Конец 40-х — начало 50-х годов XX века можно рассматривать как новый этап развития космополитизма в России. Политическая обстановка была тогда достаточно сложной. Только что закончилась Великая Отечественная война. Наши недруги и враги убедились в том, что прямым военным ударом в лоб Россию не взять. Надо было переходить к политике подрыва России изнутри. Для этого и приступили к формированию точек опоры уже внутри советского общества. К числу таких точек и надо отнести космополитизм того времени. Однако в условиях жесткой и карающей политической системы космополитизм носил, так сказать, культурологический характер. Столкновение идей происходило в сфере литературы, искусства и науки. Боролись против «низкопоклонства перед Западом». В этой борьбе вместе с водою вып-

---

леснули, увы, и ребенка — генетику, кибернетику... Это было крупной ошибкой, нанесшей значительный вред советской науке. Однако надо признать и то, что ее в значительной мере провоцировали космополиты.

Сторонники космополитизма весьма скептически смотрели на достижения русского народа во всех упомянутых областях, говорили о зависимости русской науки и культуры от Запада. Здесь сам собою напрашивался политический вывод. В чем он заключался? Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить предшествующее строительство в СССР, связанное с теорией Сталина о построении социализма в отдельной стране. Воплощение в жизнь этой теории требовало обращения к историческому опыту русского народа, к национальным истокам и традициям России. Это мы и наблюдаем в 30-е годы. Но коль наши традиции, культурные и научные достижения стоили так мало, о чем говорили космополиты, то этим, в сущности, перечеркивался весь сталинский период социалистического строительства в СССР как несостоятельный. Вот к чему, в конечном счете, вела линия, проводимая космополитами. И это делалось под дружный аккомпанемент заявлений западных политиков и ученых о неизбежности создания Соединенных Штатов Европы и Соединенных Штатов мира. Естественно, что Сталин и руководство страны не могли не реагировать на это соответствующим образом. Иначе волна космополитизма, поднимаемая Западом, безусловно, возрастала бы, угрожая нашей стране утратой суверенитета и независимости. Случилось, однако, так, что смерть Сталина оборвала борьбу с космополитами, которые были «придавлены, но не раздавлены».

И уже в 60—70-е годы космополитизм возрождается, правда, в новом обличье — обличье диссидентов. Сравнительно с космополитизмом конца 40-х — начала 50-х годов, окрашенным в культурологические тона, диссидентство получает политическую направленность, выступая за демократизацию общества на западный манер и против сталинского социализма, против всеислия КПСС. Александр Зиновьев, бывший в свое время диссидентом, позднее скажет: «Целились в КПСС, а попали в Россию». Я думаю, что часть информированных диссидентов и те, кто стоял за ними, изначально целились в Россию.

Диссиденты 60—70-х годов были по-другому структурированы, чем предшествующие им космополиты. Они теперь делились на две группы. Одна работала на низах — это, прежде всего, ученые и литераторы (Сахаров, Шафаревич, Бродский, Галич, Синявский, Аксенов, Войнович и т.п.). Другая группа (так называемые «диссиденты в системе») играла роль

советников высшего советского и партийного руководства. В данную группу входили такие лица, как Бурлацкий, Арба- тов, Яковлев, Бовин, Шишлин, Примаков и другие. Эта сви- та делала королей. Её Брежнев снисходительно-добродушно называл «мои социал-демократы». Диссиденты в системе были очень влиятельны, поскольку группировались вокруг Андропова — сначала секретаря ЦК КПСС, а потом предсе- дателя КГБ СССР. Они делали свое дело, вели к горбачевс- кой перестройке. Я припоминаю Яковлева, хвастливо гово- рившего однажды представителям прессы: «Вам позволили». Речь шла о подрывной перестроечной пропаганде. Роль Анд- ропова ещё надлежит тщательным образом изучить. Но для меня ясно одно: его скрытная политика была политикой «сбе- режения диссидентов». Как известно, он отправил значитель- ную часть диссидентов за рубеж. Они сидели там и ждали своего часа, и когда он пробил, то, как сор из дырявого меш- ка, посыпались в нашу страну. Их сила состояла в том, что во главе демократического движения («больше социализма, больше демократии») стал сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев, провозгласивший масонские, по сути, ло- зунги «нового мышления», «социализма с человеческим ли- цом», «общечеловеческих ценностей» и «Европейского дома».

Во время перестройки и последующих буржуазно-демок- ратических реформ сформировалось новое течение либераль- ного космополитизма, генетически связанное с космополи- тизмом прошлого. Нынешний либеральный космополитизм ставит задачу уничтожения России посредством её «возвра- щения» в западный «цивилизованный» мир как части единого пространства от Ванкувера до Владивостока, о чем недавно говорил Бжезинский на международном форуме в Ярославле.

Таковы, на мой взгляд, этапы развития космополитизма в нашей стране. Все они находятся в очень тесной преемствен- ной связи. Опасность космополитизма заключается в том, что его представителями наводнены учреждения высшей го- сударственной власти в России.

И последнее. Необходима ли сегодня борьба с космополи- тизмом? Я с полной уверенностью могу сказать, что она не- обходима во имя спасения остатков исторической России. И начинать её нужно с очищения институтов высшей власти от либерально-демократических представителей, чуждых русскому национальному государству.

Русская народная линия

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

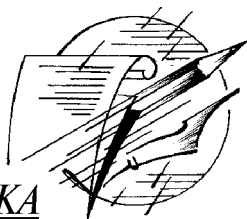
БЕРЕГИНЯ

Ничего начальнического ни во внешности, ни в характере Веры Поповой нет. Обычная деревенская женщина — круглолицая, с гладко зачесанными назад — то ли в пучок, то ли в косичку — волосами под простым русским платком. А такую сельскую «голову», как она, еще поискать...

Когда-то давно вокруг Преображенки бушевал непроходимый лес. Чтобы пробраться сюда, нужно было преодолеть речки, болота, лесные озера и густые чащи, в которых всюду гулял непуганый зверь: кабан, волк, лось, лиса и даже медведь...

Как здесь оказались люди? Официальные источники склоняются к тому, что свое имя село получило по названию церкви — Преображенской. А еще раньше, якобы в конце XVI века, здесь появилась монашеская пустынь, рядом с которой в дальнейшем и возникло село.

Существует и народная, устная версия, связывающая историю возникновения села с появлением здесь ссыльных солдат Преображенского полка. Однако никаких документов по этому

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

поводу не существует, да и небольшая это была бы слава для преображенцев.

Другое дело, что местные жители действительно какие-то особенные. Говорят они правильно, без диалектных слов, «оканья» или «аканья», без характерной для района напевной интонации, усиливающейся к концу предложения. Сплоченные, дружные — еще бы, сколько веков прожили уединенно, в лесной глуши, — преображенцы всегда стоят горой за свое село. И это немаловажное качество они приобретают если не отродясь, то с молоком матери непременно...

К тому же они грамотные, сообразительные, любят учиться и трудиться, и если за что-то взялись — сделают непременно. Вот такие натуры, ответственные и самоотверженные. Могла ли вырасти другой наша героиня? Могла. Ведь она была младшеньким, седьмым ребенком в семье, а младших принято баловать.

Нет, качает она головой, до войны в каждой семье была куча детей. Время тяжелое, жизнь скудная. Но население в Преображенке с каждым годом росло. По данным 1935 года, здесь проживало более тысячи человек. Вера появилась на свет в 39-м. И сколько помнит себя, столько и работала. Все тогда работали, утверждает она. Отец, Сухов Трофим Иванович, был человеком грамотным и ответственным. Не случайно ему доверили в селе должность... инкассатора. Носил (!) деньги через лес в тамбовский Мичуринск (бывший Козлов), а это ни много ни мало 35 километров в одну сторону!

Невообразимо: пешком, с большими — по тем временам — деньгами шагает мужик ночью через лес — и ничего-то с ним не случается: ни ограбления, ни ареста за недостачу или потерю. Вот вам и сталинская тема. Однако ничего интересного для либеральных деятелей такой ракурс не представляет.

Ну, делает человек честно свое дело, в бега с деньгами не подается, от власти не страдает, в ГУЛАГ не попадает. И жена у него обычная крестьянка, и детей полон дом, а с голоду не пухнут. Два колхоза — «Память Ленина» и «Память Куйбышева» — давали всем работу, на огородах произрастали картошка с морковкой, в каждом дворе — живности бессчетно. А в лесу-то, в лесу! Грибов — ведрами носи, ягод — черники, голубики, брусники, клюквы — тоже полно, зверья — вдосталь. О чем тут книги писать или фильмы ставить? О том, что старшая сестра Веры Анастасия стала знатной трактористкой, побивала районные рекорды? Вот если бы против Советской власти бунтовала, — тогда бы другое дело...

Сняли же фильм про тамбовскую крестьянку «Жила-была одна баба», избиваемую и насилуемую, и твердят нам про

какую-то правду. А правда Веры в том, что отец и брат её ушли на фронт, а семья осталась ждать, работать и плакать от горя вместе со всеми, кто получал похоронки. В том, что отец, прошедший две войны, вернулся домой контуженый, а брат — израненный. Что сама Вера старательно и упорно училась в школе и усердно хлопотала в семье, по хозяйству: доила, косила, полочала, кормила, просто не представляя себе, как может быть иначе.

Это не их формат, бывших диссидентов и правозащитников, нынешних радетелей свободы и демократии. Это наш формат, патриотов земли русской, защитников своего края, своей малой родины...

Из их рядов и Вера Трофимовна. Никуда не уехала она после школы из своего села. И стала работать почтальоном, бывая ежедневно почти в каждом доме. В 60-м году она удачно вышла замуж. Сейчас эта фраза означала бы материальную состоятельность жениха: дворцы, иномарки, счета в швейцарском банке. Тогда это были честность и порядочность, трудолюбие и трезвость, любовь и уважение.

Анатолий Попов, ее суженый, был сыном лесника, родился и жил на кордоне. Где встречались? В клубе, куда парень приезжал на велосипеде. Так всю жизнь и проработал в лесу, знал в нем каждую поляну, каждый пенек. Впрочем, и по сей день в Преображеновке «качество» человека определяется теми же критериями, а лесниками и плотниками работают самые уважаемые местные мужики...

Жили дружно. Анатолий Николаевич — к сожалению, он уже ушел в иные веси — был легким, доброжелательным человеком. Несмотря на свое лесное «происхождение», он замечательно играл на гармонии, пел, плясал, в любой компании был ее душой. Много времени проводил с дочерью, сыном. Сызмала водил своего наследника, тоже Анатолия, по лесу, по своим заповедным местам, чтобы тот «вживую» впитывал настоящую, деятельную любовь к родному краю. Учил не только рубить деревья, пилить и колотить, но и сажать их, растить...

Однако время неумолимо врывалось в этот тихий патриархальный быт, требовало своего. В селе не было дорог, порядочного моста — и в паводок река Воронеж надолго затопляла подходы и подъезды к Преображеновке. Человека в больницу отвезти — нужен был вездеход. А в разлив выбраться из села вообще можно было только на лодке — ранней весной деревянный мост на Кривец (соседнее село, где старшеклассники учились, а взрослые работали) разбирался, иначе его сносило.

По непролазной грязи в межсезонье два трактора везли одну тележку — с теми же рабочими, которых набивалось «в обсыпную». Или с грузами — дровами, например. Не говоря уж о газо- и водопроводе, о которых тогда и не мечтали! И на такое «хозяйство» пошла Вера Трофимовна в руководители?!

Конечно, долго думала, всплывает она. Всё-таки она женщина, справится ли? Но ситуация складывалась так, что если не она, то кто же. Тем более какого-то управленческого опыта набиралась она, несколько лет работая в сельсовете. Односельчане в один голос твердили: справишься. Муж, близкие тоже были в ней уверены. Оставался последний и самый главный авторитет в селе — директор школы Николай Алексеевич Губанов.

Фронтвик, коренной преображеновец, художник, баянист, он 35 лет руководил школой, учил практически всех своих односельчан. И он сказал Вере Трофимовне:

— Сможешь! Ты же круглой отличницей была! Кому тогда и справиться, если не тебе...

Так в 1985 году стала она председателем сельсовета, а впоследствии — и главой Преображенской администрации. Главный принцип ее работы — стучаться в двери. Она всегда верила, что они откроются. А свои так и вовсе никогда не запирала.

Наследство ей досталось большое: лес да село. Но пока она сил набиралась да подмогу обеспечивала, стала разваливаться страна, рушились колхозы, наступали беспредельные времена. Люди бросились теперь уже врассыпную из села, особенно молодежь.

Вспоминаю свой первый приезд в Преображенку в 1994 году. Старая школка на взгорье, заскорузлые бревенчатые домики — и огороды, огороды вокруг, уходящие в лес. Дороги по селу были тогда никакие: утопающие в песке колеи. Мост... Мост через Воронеж стараниями и хождениями Веры Трофимовны к тому времени был уже построен. Но то ли сэкономили, то ли не продумали, а в разлив он всё равно оказывается глубоко — до двух и более метров — под водой. И до сих пор весной в Преображенку можно добраться только вплавь. Или на вертолете, если он у вас есть...

Впечатление тогда от села сложилось мрачное. Даже чудом сохранившаяся фотография того дня с изображением тяжелого низкого неба, темных, нависающих туч, стеной стоящих вокруг села вековых сосен, навеивает не лучшие воспоминания.

И настроение Веры Трофимовны было под стать: казалась она озабоченной и хмурой. Помню, вышли мы с коллегой

Александрой Сметаниной, с которой мы приехали в село в составе районной журналистской бригады, «на воздух», и я ей говорю:

— Александра Алексеевна, мне даже стыдно: мы им Пушкина, высокие слова и идеалы, а у них тут такая тоска! Дети зимой в туалет, извините, на улицу в платьишках бегают (это была повсеместная практика не только в сельских, но и в райцентровских школах, а также учреждениях культуры, творчества, спорта). Ни магазина порядочного, ни медпункта, лес и грязь, а мы им — стихи...

— Вы не о том говорите, — оборвала меня Сметанина. — Всё надо: и стихи, и песни, и Пушкин. Иначе тут глушь навсегда и останется...

Так это всё понимала и Вера Трофимовна. Поэтому и стремилась, чтобы в Преображеновку приезжали гости, чтобы здесь проводились разные мероприятия, встречи, лесные походы. Привечала, как она сама говорит, всех, кто мог и хотел сделать что-нибудь хорошее для села, кто любил этот заповедный уголок России...

И сама неустанно ходила по кабинетам районных, областных властей, добиваясь для любимой Преображеновки то одного, то другого. Не боялась казаться назойливой, неожиданной гостьей: ради людей, ради своей отчины. И нет в этих словах ничего пафосного. А ради чего бы еще она спозаранок уже стояла у дверей первого секретаря райкома Владимира Топоркова в ожидании приема: то о дороге твердит, то о мосте, то вездеход просит, то школу отремонтировать. Бывало, увидит ее «первый», вздохнет и скажет:

— Ну, заходи, заходи, давай будем думать...

А что думать, когда к концу 80-х в селе двести человек оставалось (после войны только в школе было почти 300 учеников!). Переселить их — и дело с концом. Однако она билась и билась за спасение села. Меж тем наступили времена, когда не нужны стали ни колхозы, ни сёла, ни сам человек. Не стало работы, не стало поддержки. Решайте всё на месте, таков был главный принцип работы в 90-е годы.

Выручал лес, Кривецкое лесничество: кто умел орудовать топором, делать срубы, тот не пропал. А в основном и остались работяги, плотники и их семьи, небольшой отряд учительской интеллигенции.

Школа была тем островом спасения, очагом культуры и жизни, на которую делала ставку Попова. Однако постепенно школа тоже пустела и «уходила». Поэтому в 1992 году она делает решительный шаг: «бросает на амбразуру» своего сына, Анатолия Анатольевича, в то время всего лишь сту-

---

дента пединститута, закладывает учительский дом, чтобы обеспечивать молодых учителей жильем.

Но не всех такой поворот дела устраивал. Кому нужна эта Преображеновка, отдельная администрация, школа в глуши? И в 94-м году ночью школа сгорает...

Кроме того, что это была трагедия сама по себе (Анатолий Попов кидался в огонь несколько раз и вынес из пожара подаренный школе телевизор, несколько раскладушек — то, что в дыму и огне попадалось под руку), так это еще был и приговор деревне. Потому-то и плакал молодой директор, глядя на догорающую школу, потому-то и стенала душа главы села, отлично понимающей, чем грозит им такая потеря.

Возить детей в школу в соседний Кривец, преодолевая осенью грязь, зимой — пургу и заносы, а весной — бурлящие воды мощной реки Воронеж, никто не будет, люди разъедутся. А с одними стариками село не поднять. И тогда Попова идет на очередной решительный шаг: с согласия учителей строящийся для них дом отдает под школу. Там оборудуются классы для старшеклассников, а в здании администрации, буквально за стеной кабинета главы, создаются условия для учебы младших школьников. Наши дети будут учиться дома, настояла она. И начала искать союзников, помощников, могущих поддержать ее инициативу по строительству новой школы в Преображеновке.

И это тогда, когда закрываются предприятия, рушатся колхозы, люди выживают как могут, а тут, в лесной глуши, на бездорожье, где учеников осталось несколько десятков, вздумали строить новую школу!

Надо отдать должное не только Вере Трофимовне, но и районным, областным руководителям, чиновникам, которые в это катастрофическое для России время поддержали строительство новой школы.

Был оформлен проект пристройки (такая вот хитрость спасла ситуацию), которую соединили с тем самым несостоявшимся домом учителей. И к 1999 году в Преображеновке возросло новое двухэтажное здание школы, построенное по индивидуальному, с прицелом на будущее, проекту. Так была спасена старейшая в районе из действующих ныне школа, впервые открывшая свои двери в селе аж в 1897 году!

Сегодня это современное образовательное учреждение, оборудованное по последнему слову электронной техники. Спортивный зал, мастерская, оснащенные кабинеты, библиотека, столовая (трехразовое горячее питание для малышей, двухразовое — для старшеклассников!).

Преподают там не только базовые предметы, но и экологию, краеведение, цветоводство, лесоводство, садово-парко-

---

вый дизайн, организовано профильное (эколого-гуманитарное и эколого-техническое) обучение (10—11-й классы), предпрофильная подготовка (9-й класс), во время которой дети определяются со своей профессиональной ориентацией.

Полноте, да о сельской ли, о лесной глуши я веду рассказ? А как же. Только это бывшее захолустье превратилось нынче в современное поселение, в котором хочется жить. А в Преображенскую школу возят учеников из тех сел, куда должны были, по мнению «оптимизаторов» от образования, ездить преображенские дети.

По всей стране и в области под оптимизацию попали нормальные большие школы, с числом учащихся по сто и более человек, с богатой историей и достойными кадрами. И мотают бедных ребятишек автобусами туда-сюда за 10—20 километров. И встают из дальних деревень дети в пять, шесть утра, чтобы по дороге успеть подобрать всех остальных, а потом поздно вечером их последними и доставляют домой. Очень заботливо и креативно...

Итак, преображенским ребятишкам повезло. Как и всем жителям тоже. Ибо с Верой Трофимовной в село пришел газ, появился водопровод, стала обновляться инфраструктура, построена сеть асфальтовых дорог.

В Преображенку начали возвращаться люди, а многие, полюбив здешнюю уникальную реликтовую природу, оценив возможность пользоваться ее дарами, начали строить здесь дачи и загородные дома «длительного» пользования.

За последние годы население села выросло более чем вдвое, приросло десятками новых семей, где растут дети. Причем не только за счет жителей областного центра, но и москвичей, которым особенно по нраву наши добровские — с их грибами, ягодами, целебными травами и воздухом — места.

Преображенка котируется у них по самому высокому разряду. Их-то возможности и использовала Вера Попова, когда глава администрации области затеял масштабную работу по благоустройству территорий по схеме «рубль на рубль». Собранные в каждом населенном пункте на наведение чистоты и порядка общественные средства в конце года удваивались за счет областной казны. С теми, кто состоятельнее других, Вера Трофимовна и вела упорную агитационную работу.

И была она столь убедительна, что средства на благоустройство села жертвовались немалые. Но основную прибавку к сельскому бюджету давала... школа. В лице сына Вера Трофимовна получила главного помощника и радетеля за село. Ведь даже с районной, областной поддержкой, с частными

пожертвованиями далеко вперед не уйдешь. Бюджет сельских муниципальных образований мизерен, малому бизнесу в небольших селах не развернуться, земельные налоги положения не спасают, зарабатывать практически нечем.

Что делать, чтобы жить по-человечески, строить и содержать дороги, охранять леса и эксклюзивные (находящиеся под эгидой ЮНЕСКО) болота, возводить жилье и социальные, оздоровительные объекты, чистить реки и пруды, облагораживать улицы? Решили-таки зарабатывать.

У школы построили две теплицы — и с 2001 года в них стали выращивать цветочную рассаду, использовали которую и для собственных нужд, и на реализацию. Первый же год принес 600 тысяч рублей во внебюджетный фонд поселения. Удвоенная, эта сумма уже позволяла начать революцию в жизненном укладе преображенцев. Дороги добрались до околиц, появились невиданные доселе пешеходные тротуары, да еще из цветной плитки.

Со временем аппетиты росли — и преображенцы задумали построить... оздоровительный комплекс с бассейном (их не было нигде в районе!) и тренажерным залом, большой комнатой отдыха и оздоровительными кабинетами. В 2008 году такой комплекс — не без помощи области, конечно, — вступил в действие.

Там проводятся физкультурные занятия, оздоровительные процедуры, спортивные тренировки. Во время сезонных эпидемий гриппа и ОРВИ в Преображенской школе не бывает карантин: никто не болеет...

Начинали в школе свой цветочный «бизнес» (в котором заняты все учащиеся, педагоги, родители — а, по сути, всё село) с одной тысячи корней рассады. Сейчас там выращивают до 40 видов одних только тюльпанов, а число корней доходит до 140 тысяч. Их раздают жителям, рассаживают у домовладений ветеранов войны и труда. И продолжают поставлять в столицу, где преображенская рассада пользуется большим успехом.

В 2009 году Веру Трофимовну за успехи в благоустройстве областная власть наградила автомобилем. Не иномаркой, конечно, а нашими «Жигулями», ну и прекрасно. И всё же Попова чувствовала, что проходит её время, нужно передавать «хозяйство» в надежные молодые руки. Не успеваю за техническим прогрессом, приbedняется она...

Желающих прибрать к рукам такое ухоженное и устроенное хозяйство оказалось аж девять человек — и все «пришлые»: кто из соседнего разоренного села или хозяйства, кто из областного центра, до которого 80 километров.

Местные же не хотели никого, кроме Поповой. Ну, или Попова. На выборах сын Веры Трофимовны победил почти стопроцентно. И принялся приумножать родительское достояние.

Построил детский сквер, новый магазин, две игровые площадки для малышей, разбил аллею почетных гостей, открыл памятники Плотнику и Белому грибу, проторив широкую дорогу в Преображеновку и сделал ее чуть ли не столицей лесного царства, которое называют кто Берендеевым краем, кто добровской Швейцарией, кто цветочной сказкой.

В прошлом году маленькая Преображеновка с ее деревянной архитектурой и лесным «дизайном» стала самым благоустроенным поселением (в номинации «с числом жителей менее одной тысячи» человек!) в России. Победа принесла Преображеновке не только известность и славу, но и около миллиона рублей премии, которую опять потратили на благоустройство.

Ведь планов там громадье: возродить храм, построить базу отдыха семейного типа, реализовать масштабный проект туристического плана под названием «Экологическая тропа» — с историческим и этнографическим музеями под открытым небом, экскурсионными маршрутами по архаическим болотам, по заповедному лесу, к струящимся родникам и хрустальным лесным озерам, с домом народного творчества (здесь плетут лапти, рисуют, вяжут, работают с деревом) и так далее.

Сидим в небольшом стареньком домике Веры Трофимовны, где они когда-то жили. Сейчас она с дочерью и зятем обретаются в другом, чуть шире, но тоже обычном одноэтажном доме. Она угощает молоком, картошкой, разносолами, грибами, мясом. Всё своё, приговаривает по-деревенски. Как — своё? У неё что, есть корова?

— А как же, — отвечает она, — конечно. У моих родителей всегда живности был полон двор, и я всю жизнь держу корову, бычков, телок, поросят, птицу...

— Причем, — вставляет сын, Анатолий Попов, — всегда покупали только зерно. А сено косили сами!

Ничего себе, власть: в платочке, в простой одежде, варит корм пороссятам, доит коров. И эта женщина возродила умирающее село? Устроила здесь настоящее царство, где вместо денег и драгоценностей — природные кладовые, а небоскребы заменяет сосновый бор, упирающийся в выси?

— А, по сути, всю жизнь в навозе, — шутит сын. — Ничего себе не нажила. Ни разу не была за границей. Не отдыхала в санаториях. Даже не оформила себе группу инвалидности,

---

чтобы пенсию побольше получать, хотя здоровье потеряла на службе людям. А пенсию получает такую же, как соседи, земляки — бывшие колхозники и плотники!

— Я всегда хотела только одного: чтобы село не погибло, — говорит она. — А значит, надо было создавать такие условия, чтобы отсюда не хотелось уезжать и сюда хотелось возвращаться. Вот и работала. И если сейчас мое село живет — то другого счастья мне и не надо. Чего мне не хватает — дворца? виллы за рубежом? яхты? Боже упаси...

Кстати, когда уже в этом году глава Преображенской сельской администрации Анатолий Попов опять начал собирать документы на участие во всероссийском конкурсе на самое благоустроенное поселение страны, все недоумевали. А один из районных руководителей безапелляционно заявил:

— Знаешь, бомба в одну и ту же воронку не падает. Не суетись.

— А как же мне не суетиться, — горячится Анатолий, — когда мы за год столько всего настроили в селе?! Завоевать первое место — это одно дело, а другое — доказать, что мы — остались лучшими! И потом, когда в прошлом году я получал диплом из рук Путина, он посоветовал не успокаиваться, строить — и... продолжать участвовать в конкурсе! Если в каком-то селе с такой же численностью наладили жизнь лучше, чем у нас, значит, у нас будет пример для подражания. А если нет — пусть таким примером будем мы...

Недавно пришло известие: Преображенка вновь стала лучшей в России. На днях Попов поедет в Москву за наградой, и еще один миллион рублей обернется для преображенцев новыми благоустроительными проектами. В том числе возрожденным храмом.

В наше время очень мало кому достаются такие меры государственной поддержки, иначе сотни, тысячи российских сел и деревень не пали бы под игом рыночных свобод. Но если бы в каждой деревне жила такая Вера Трофимовна, для которой существование отчего села всегда было дороже личного благополучия, сегодня и вся Россия была бы другая.

КРАСНАЯ КНИГА

Бывшая школьная учительница недоумевает: почему из списка обязательных для внеклассного чтения книг исключили «Молодую гвардию»?

Ну да, в Министерстве образования упорно работают над списком «100 книг», сформировать который Путин предложил ещё в январе 2012 года. Перечень этот подготовлен

Санкт-Петербургским государственным университетом и проходит, согласно интернетовской информации, согласование в ведомствах.

Уже и в Общественной палате высказались за его расширение за счет национальной литературы. Наверняка есть претензии к списку и в других официальных структурах.

Свои «сотни» составляют и обычные люди: те, кто пользуется интернетом, и те, что читают по старинке — бумажные книги — и пишут тоже испытанным дедовским способом: ручкой по бумаге.

Пенсионерка Мария Яковлевна тоже не представляет себе другой жизни. Когда-то она преподавала русский язык и литературу в липецкой школе, полвека отдала ученикам, из которых вышли неплохие люди. Что-то выйдет из сегодняшних ребят, не приученных к чтению, к размышлению, вообще к думанию, спрашивает она.

На самом деле вопросов больше. Насколько актуальны принимаемые в стране меры по поддержке интереса молодежи к книге, к чтению? И являемся ли мы, взрослые и даже пожилые люди, для них примером в этом смысле? В том числе и в отношении к книге, которая в современном интерьере становится лишней, ненужной, не соответствующей времени и устремлениям продвинутых хозяев?

Однако вернемся к списку и к Марии Яковлевне, не понимающей, почему «Молодая гвардия» Александра Фадеева не котируется ныне в среде чиновников от образования, имеющих своё представление об уровне и качестве знаний культурного молодого человека, окончившего среднюю школу.

«Я начала работать в школе с 50-х годов прошлого века, — пишет Мария Яковлевна, — когда в классах сидели ученики, чьи родители, дяди и тети погибли на войне или вернулись с фронта ранеными, искалеченными, контуженными.

При изучении «Молодой гвардии» ребята плакали, не скрывая слёз. И все примеривали судьбу молодогвардейцев на себя: смогли бы они быть такими смелыми, непреклонными, честными, пожертвовать жизнью во имя Отчизны?

Почему же мы боимся омрачить настроение современных старшеклассников трагическими страницами нашей истории? Чтобы они, не дай бог, не задумались, что двигало их сверстниками в тяжелые годы войны? Чтобы «не грузились» настоящими проблемами, а восхищались выдуманными «спасителями мира» — бэтменами, суперменами, поттерами, не имеющими отношения ни к реальной жизни, ни, тем более, к нашей стране и нашему народу?..»

Оказалось, «Молодая гвардия», которую вряд ли удалось кому-то не прочитать в те годы, когда она входила в школьную программу, вначале была включена в пресловутый список. И это понятно. Потому что не проникнуться на всю жизнь этим произведением «с прекрасным языком и великой идеей» невозможно. Все читали, все плакали — и об этом очищении душ, ощущении причастности к героическим судьбам **наших** молодогвардейцев не забыть никогда.

Но с легкой руки тех, у кого эта рука в постперестроечные времена поднялась и вычеркнула «Молодую гвардию» из школьной программы, книгу изъяли и из формируемого путинского списка. Ибо хотя уже прошла пора борьбы с советской идеологией и патриотизмом как якобы «последним прибежищем негодяев», но еще не наступили времена, когда возникла настоятельная потребность в «духовных скрепах», которые, по словам Владимира Путина в его обращении к Федеральному Собранию, необходимо срочно возрождать.

И что теперь? Вернут ли книгу в список? В интернете обнаружена версия, что место «Молодой гвардии» в списке занял «Волшебник Изумрудного города». Очень показательная замена.

Пусть железный Дровосек служит примером стойкости и мужества для наших детей. А что до духовных скреп, то и здесь можно что-нибудь придумать. Главное, чтобы конец был хороший...

А в истории героического отряда подпольщиков-молодогвардейцев слишком много любви к Родине, самоотверженного ей служения, жертвенности, высоты духа юношей и девушек, которые смерть предпочли измене и предательству. Да наши дети понятия не имеют, что всё это такое! Как, впрочем, уже и многие взрослые. Это мы знали, «с чего начинается Родина» и «что нужно любить свою землю, ребята...». Сейчас живут по другим понятиям...

Утешает, однако, что список книг не будет ограничиваться лишь сотней произведений, его намерены дополнить за счет «региональных» наименований, а еще дополнительных книг, выбранных школьником самостоятельно. Итоговый список может быть расширен до 150, а то и больше наименований.

А в принципе, кто нам запрещает расширять его до бесконечности? Список — это ведь всего лишь рекомендация, дополнение к школьной программе, за которым неминуемо должно следовать продолжение, если мы хотим воспитать из ребенка нормального человека.

Кроме того, нужно много работать над популяризацией чтения, над возвращением книги в жизнь молодежи и уча-

---

щихся. И в Липецкой области, к примеру, в этом отношении кое-что делается.

Из последних оригинальных способов привлечь молодежь к книге — акция «Книгофонд», в рамках которой липецким студентам известные и авторитетные люди региона дарили книги, которые сыграли важную роль в их жизни. Обязательное условие — книги должны быть любимы самими дарителями и подписаны ими. Свой вклад в «Книгофонд» внес даже глава администрации области. После этого акции по сбору книг и вручению их нуждающимся и желающим стали в области очень популярны.

Дело, однако, осложняется тем, что мы очень долго смотрели сквозь пальцы на то, как страна из самой образованной и читающей в мире превращается в отсталую и малограмотную «часть суши». И сегодня пожинаем плоды такой бездумной и бездушной политики, которую трудно исправить в одночасье.

Вот что по этому поводу пишет липецкий поэт Николай Скорский: *«Душа русского человека всегда тянулась к книгам, к знаниям. Огромные библиотеки собирали дворяне. При лучинах и свечах читали крестьянские дети, ребятишки в рабочих, мещанских семьях. В советское время к чтению пристрастились миллионы граждан. Читали стар и млад, студенты, интеллигенты, работяги. Но вот для великой Руси наступили черные времена. И самый главный их признак — отношение к книге. А оно не просто равнодушное или пренебрежительное, а всё чаще — варварское.*

В силу своих служебных обязанностей — а служу я дворником в одной сотовой компании — почти каждый день вижу выброшенные книги. Некоторые складывают их стопками рядом с мусорными баками, а большинство — вываливает книги прямо в контейнер, на отходы и прочий мусор.

Привыкнуть к этому я не могу. Особенно расстроился после того, как стал свидетелем их сжигания. Книги эти — сотни добротных, новых, в дорогих переплетах, в том числе и подписные издания Конана Дойла, Купера, Жуля Верна, Паустовского, Чехова, Стругацких, Алексея Толстого, — в беспорядке лежали за контейнерной площадкой, на влажной земле...

Несколько женщин уже выбирали нужные им тома, в основном приключенческую и детскую литературу. Я же стал собирать книги моего интереса: Лермонтова, поэтические антологии, Писемского, Толстого, Чехова, иллюстрированного «Евгения Онегина». Спрятав книг 40 в надежном месте, поросшем кустарником, вынужден был вернуться к работе, запланировав после нее сделать еще несколько рейдов за книгами. Однако

часа через полтора, когда я подошел к контейнерам, то глазам своим не поверил: там не осталось ни одной книжки, а рядом догорал огромный костер, в котором они погибли!

Я и сейчас не могу понять, как можно было, во-первых, выбросить, а во-вторых, сжечь сотни замечательных томов? Неужели они кому-то так мешали? Удивляет еще одно: вынести столько книг к контейнеру невозможно. Их наверняка привезли на автомобиле. Но ведь подъехать на машине с книгами можно было к любой библиотеке и там, хоть у крыльца, свалить этот ценный груз. Но мусорка, видимо, была ближе...»

И действительно, всё чаще видишь книги в мусорных контейнерах. Хотя библиотекари стонут: везите к нам! В каждой из них, прямо в фойе, устроены так называемые народные библиотеки: кто хочет — сюда книги сдает без всякой волокиты и записи, а кто хочет — берет любую и сколько ему заблагорассудится.

Однако тот же Скорский уверяет: дело даже не в том, что книги некуда девать — очень даже есть куда. В них нуждаются детские дома, интернаты для престарелых, больницы, исправительные учреждения. Да и многие граждане от хорошей книжки не отказались бы. Но у нас появились просто книгоненавистники какие-то, разрушители культуры, ниспровергатели классической литературы, которые не от недопонимания, а по злому умыслу, сознательно и целенаправленно уничтожают книги.

Не хочется в это верить, но как объяснить такие мрачные инициативы? Не дворник, не сторож, а простой гражданин — совершенно безнаказанно, кстати, — поджигает книги. Чистильщик местного масштаба...

Эдак скоро придется и саму книгу заносить в Красную книгу. Впрочем, не буду утрировать. И акции, и списки, и выступления наших сограждан в защиту книги — это хоть какая-то реакция общества, какое-то движение за возрождение чтения, возвращение книги в наш обиход.

Ведь у кого раньше были возможности приобретать шикарные тома, подписные издания, шедевры мировой литературы? Правильно: у тех, кто не читал. Кто подбирал цвет обраний в тон мебельной обивки. У кого был доступ. Кому хотелось принадлежать к культурной элите. Сегодня их потомки и разделяются с этим неработающим капиталом.

И от злости — вот, мол, дураки родичи, на что деньги тратили! — швыряют книги в огонь. Но других-то, если не читающих, то хотя бы чтящих книгу, пока больше. И интерес к путинскому списку книг огромный. И даже не столь важно,

---

какие книги в него попадут — настоящие шедевры всё равно читать будут.

Важно, что появилась идея списка, что он целый год обсуждается в обществе, что многие книги, имена писателей возвращаются из небытия, что заговорили о судьбе книг, о духовных скрепах.

Может, и развернется еще наша государственная машина в сторону литературы? Не всё же ей только купюры печатать. По ним, конечно, тоже можно учиться читать и даже считать, опять же историю в лицах и зданиях познавать. Да и толку больше: за каждой бумажкой реальные вещи и услуги. А что касается ума и души — так это на любителя...

ЁЛКА МИТРИЧА

Жили-были в одном приволжском городке отставной солдат Степан Дмитриевич, а попросту Митрич, и его жена Аграфена. С ранней весны до глубокой осени проходили через их город переселенцы, которые дожидались там своей очереди на пароход кто неделю, кто две, а кто и весь месяц. Переселенцев бывало так много, и были они так бедны, что добрые люди выстроили им домики, которые сторожил Митрич...

К середине лета в домиках яблоку негде было упасть, а переселенцы всё приходили и приходили... К осени, однако, дома освобождались, кроме одного, самого маленького, где оставались «ничьи дети»: потерявшиеся, заблудшие, осиротевшие. Как сказали бы сейчас, попавшие в трудную жизненную ситуацию.

В канун Рождества Христова глядел на них Митрич, глядел — и до того ему жалко стало этих ребятишек, не знающих радости и веселья, что решил он их сам потешить к празднику. А то как-то несправедливо, нескладно получается: у всех праздник, удовольствие, а у этих детей никого нет. Лес рядом, срублю елочку, уберу ее свечками и гостинцами, как видел у богатых людей, рассуждал старик, и устройю веселье. Весь век будут Митрича поминать, думал он с умилением о ребятах.

И всё бы хорошо — елочка оживила серое убогое бытие «божьих детей». Да только из елочных украшений у Митрича, жившего не слишком богато, были лишь огарки свечей, выпрошенные у церковного сторожа, да конфеты (каждому ребенку по одной), купленные на деньги переселенческого чиновника, подающего по праздникам Митричу на бутылочку вина и кусок колбаски.

Повесил он на ёлку эти огарочки, прицепил конфетки — «жидко» получилось. Как же поступить правильно, хоро-

---

шо? — размышлял он, поглядывая на притихших детей. И придумал. Взял колбасу, купленную к Рождеству (очень они с Аграфеной любили ее, ели только по праздникам и дорожили каждым кусочком!), порезал ее на кружочки — и нитками прикрепил к ёлке. Так же поступил с ломтиками хлеба. И даже бутылочку.. тоже повесил на ёлку: будет праздник и им с Аграфеной.

И такое веселье получилось! Дети — восемь маленьких худеньких сироток — сначала просто дышали свежим сосновым запахом, разглядывали ёлку, потом помогали Митричу украшать ее, а когда он зажег огарочки, они все вскрикнули от удивления и радости, загалдели, зарадовались. Даже «баба» Митрича, Аграфена, от восторга всплескивала руками.

И начались тут танцы, песни под гармонику, на которой наяривал Митрич, ликуя всем сердцем. Потом он прихлопывал и притоптывал, водя хороводы с детьми. И вот, наконец, наступила пора угощения. Митрич снимал с ёлки кружочки колбасы и раздавал ребятишкам вместе с кусочками хлеба. Досталось по кусочку и им с Аграфеной. Выпили они с «бабой» по рюмочке, закусили — и так славно всё вокруг показалось Митричу, что он не вытерпел и вновь стал играть на гармонии, напевая и подплясывая. Ребята визжали, прыгали, глазенки их сверкали от радости. И Митрич даже подумал, что у него и самого-то никогда не было «эдакого» праздника.

Хорошо-то как, правильно, шептал он на ухо Аграфене. Свечи тем временем догорали.

— Снимайте сами конфеты с ёлки — и идите спать: праздник кончился! — сказал он детям. Те радостно закричали и бросились к елке...

Зачем я так подробно передаю рассказ Николая Телешова, написанный им в 1897 году и изданный в цикле «Переселенцы»? Не только чтобы напомнить, что и сейчас есть ребятишки, у которых в Новый год и Рождество не бывает ни ёлки, ни подарков. И даже кусочка колбасы с хлебом может не оказаться. А ведь совсем немного надо, чтобы устроить праздник обделенным и обиженным детям — соседским, где одна мать тянет-потянет несколько сынов и дочек; детдомовским, для которых никакой подарок лишним не бывает; многочисленным чадам больших семейств; безнадзорным малолетним бродяжкам, с надеждой взирающим на сверкающие в городах и весях ёлки, на принарядившихся взрослых и детей...

Пишу и для того, чтобы рассказать о людях беспокойных и совестливых, которые, как телешовский Митрич, не могут жить спокойно, когда рядом плачут дети. Одна из них — журналистка районной газеты Александра Сметанина. Всю

жизнь она возится с чужими детьми, полагая, всё-таки, что чужих-то их не бывает. И в школе какие-то кружки ведет, и в редакции организовала класс будущих журналистов, и рукописные книги с детьми создает, и в конкурсах разных участвует, и вечера и встречи устраивает, и таланты находит, и развивает, и помогает им состояться, выйти в люди...

Именно Александра Алексеевна через сто лет после выхода рассказа в свет вспомнила Митрича, известного ей еще со времен ее собственного детства: в семье хранились учебники, по которым учились читать и жить ее отец, дед и, кажется, прадед. Тогда же, в 1997-м, русские города и села вновь полны стали переселенцами, возвращающимися на свою родину из бывших союзных республик единого когда-то для всех СССР. Многие осели и в липецком селе Добром, где живет Александра Сметанина. Трудно тогда приходилось и местным семьям — многодетным, неполным, с детьми-инвалидами, которые не ходили ни в детский сад, ни в школу и которых никому было поздравить, повеселить...

Детские пособия годами не выплачивали, зарплаты не выдавали по нескольку месяцев, а у многих вовсе не было работы — колхозы растащили, предприятия разрушили: демократия, одно слово. Не до ёлок и дедов морозов. Однако Сметанина нашла в Добром Митричей — местных, только-только становящихся на ноги предпринимателей, а попросту начинающих торгашей, взявшихся за это нелегкое дело от безвыходности: как-то же надо было выживать. При всех своих проблемах они прониклись идеей поддержать детей и устроить им Ёлку Митрича.

Помогла и церковь — первая рождественская Ёлка Митрича в Добром удалась на славу: с благословением и проповедью местного батюшки, с подарками, с концертом, подготовленным учениками. Вспоминается, с каким восторгом танцевал у ёлки парнишка с синдромом Дауна, который раньше вообще нигде не бывал. Безобидный, беззащитный, наивный «божий ребенок» был счастлив. Светились лица, глаза и других ребятишек, не знавших даже, что такое домашняя елка: у одной приезжей мамы детишек куча, мал мала меньше, у другой, местной, дочка больна детским церебральным параличом, а муж бросил. Тут как бы прокормиться...

С тех пор и повелось: организовывать в Добром для детей из проблемных семей такие ёлки Митрича. Бывшие «коробейники» за 15 лет окрепли, стали владельцами магазинов — и подарки для ребят готовят достойные. Прибавилось число церквей, теперь только в райцентре их три, по всему району созданы воскресные школы — и духовная составляющая

таких праздников представлена выступлениями православных детей и взрослых. Подключились и социальная служба, и библиотеки, и обычные школы: конкурс!

Одной Ёлки Митрича стало мало — теперь их организуют две. Нет, не потому, что бедных семей и обделенных судьбой детей прибавилось. Наоборот. Жить стали вроде бы сытней, но это в целом. Во многих семьях по-прежнему Новый год — это застолье для родителей и кулек конфет для детей, а то и этого нет. В селе же все на виду, как на ладони. Поэтому социально сопровождаемые семьи — многодетные, неполные, пьющие — взяли на себя соцработники, и у них своя Ёлка Митрича. А детей-инвалидов, сирот развлекает сметанинская «команда» митричей. А что, хорошая идея — организовать целое такое движение для обездоленных детей по всей Руси!

Дальше — больше. Эта неуёмная Сметанина придумала провести еще одну ёлку — не только для детей сегодняшних, но и для детей войны, которых лихолетье лишило детства, подарков и концертов. К этой Ёлке Победы готовились загодя. Героев-ветеранов нынешние ученики обошли, разговорили и записали все их воспоминания о встрече 43-го, 44-го, 45-го годов. Затем сочинения на тему «Как это было» зачитывались на празднике, передавались в библиотеки на память будущим поколениям. Старики, конечно, расчувствовались, но и внимание, подарки, заботу оценили. А детям понравилось писать — и к следующему Новому году они записали... тему!

Так родилась идея Литературной Ёлки, которая тоже проводится уже лет шесть. Ребята весь год сочиняют сказки, пьесы, лучшие из них инсценируются, участников с каждым годом прибывает. Уже из Липецка в гости к добровцам едут школы-интернаты, клубы, меценаты. Все святки до самого Крещения идут такие праздники в одном районе одной области. И ценны они именно неформальным подходом, содержательностью, щедростью. Это не стишочки по случаю, не «В лесу родилась ёлочка» с раздачей «сладких» пакетов и жирной галочкой в отчетах. Нет, это настоящие, сердечные праздники, которые запоминаются на всю жизнь, как ярчайшие страницы детства...

...Несколько раз я пыталась записать эти свои впечатления о добровских елках. И каждый раз сбивалась. Хожу, вслух размышляю: как бы передать моё восхищение людьми, которые и сто лет назад, и сегодня хотят и умеют делиться своим счастьем, своим достатком, своим духовным богатством. Которые понимают, что не оскудевает рука дающего, сколь бы мало в ней ни было...

— Мам, — попросила меня взрослая дочь, — Расскажи-ка мне, что это за ёлка такая — Митрича...

Я рассказала.

— А знаешь, — предложила она задумчиво, — ты так и начни: с деда Митрича, как он огарки собирал, как конфеты покупал, как колбаску на кружочки резал и на елке развешивал, чтобы потом «божьих» детей накормить. Ведь как жалко-то и сироток, и Митрича этого с его бабой, которые и сами-то колбасу лишь по праздникам ели — а не пожалели детям отдать. Ты же для этого и хочешь написать — чтобы жалко их стало, да? Чтобы и других детей люди пожалели, чтобы помогли им?

Ну, да, наверное, для этого, согласилась я. Чтобы мы пожалели своих детей — и не отдавали бы их на съедение, на истязания заморским чудищам. Неужто последнее доедаем?..

НЕГОЖЕ

В одном рекламном ролике рафинированная бабушка просит **помочь** ей с посудой, а внучке, вызвавшейся помыть тарелки, укоризненно говорит:

— Негоже в наше время женщинам у раковины стоять...

После чего обстоятельно укладывает посуду в посудомоечную машину и усаживается с внучкой чай пить. Мои нервы не выдерживают. И я вскакиваю с дивана, примостившись на котором тыкаю в клавиши ноутбука, пытаюсь отвлечься от сурового деревенского быта, уже давно ставшего для меня второй реальностью.

Первая реальность — это город, это Липецк, это не слишком комфортная и не моя, а ведомственная квартира, принадлежащая редакции газеты, в которой я работаю уже второе десятилетие. Однако в квартире тепло, никто из неё в сей же момент, как бывало в съёмном жильё, не выгоняет, и ты чувствуешь себя достаточно защищённым.

Вторая реальность — это село, старый маленький домишко свекрови, который приобрела она лет двадцать назад, перебравшись из Киргизии. Мы тоже в это время приехали в село Доброе — из Литвы, и тоже прикупили в Добром избушку. Но она оказалась на полвека старше, чем мы думали, и развалилась буквально на глазах, как мы ни укрепляли ее и ни мазали глиной, цементом и чем-то еще. К тому же в районной газете, где я работала, перестали платить зарплату. Долги по ней достигли девяти месяцев, жить стало не на что и негде...

Пришлось в поисках лучшей доли отправляться в более цивилизованную Усмань, где в конце 90-х годов не только

ежемесячно платили зарплату, но и выдавали аванс (!), а потом в Липецк. Свекровь, естественно, осталась в Добром: на съемной квартире жить она не соглашалась. Пусть никакая изба, да своя.

Но время шло, и её домик тоже стал сдавать. Она переложила одну стену, подперла балки бревнами — но избушка тяжело поскрипывала, постанывала, и наша старушка взмолилась: давайте как-нибудь да строиться...

Мы сложили все свои заначки и заказали деревянный сруб — предпринимателю со всеми документами и печатью. Он взял с нас аванс, вплоть до свекровиных сторублёвок, которые она в прибавку к своей скудной — и посейчас в четыре тысячи рублей — пенсии выручала на рынке за укроп, ягоды и грибы. Он тянул и тянул из нас деньги, месяцами приезжая точно в дни получек и забирая у нас всё подчистую: то на лес, который подорожал, то на аренду нового помещения, то на рабочих...

Содрав с нас в общей сложности тысяч сто пятьдесят, бизнесмен скрылся навсегда. В прокуратуре, где уже лежало восемь заявлений от его «кинутых» клиентов, нам сказали, что он не мошенник, ибо нас не обманывал, не ловчил, а мы сами ему деньги отдавали (!). Что он и заверял в своих квитанциях, честь по чести удостоверяя полученные суммы. Но у него случились форс-мажорные обстоятельства. И никто тут не виноват...

Вот досада так досада. Мы опять стали собирать денежки и начали-таки строиться рядом со свекровиной избушкой. С учетом того, что я журналист, а муж тоже не миллионер, дело шло туго. В один год мы заложили фундамент. Во второй — сложили стены. В третий и четвертый — поставили крышу и фронтоны. В пятый — окончательно прикрыли «коробку» окнами и дверью, залили пол. В шестой — подвели к дому газ, электричество, воду и так далее.

Строительство продолжается уже много лет, уже сдает не только изба, но и сама свекровь. Муж перебрался к ней на постоянное жительство, ибо пригляд нужен и за старым домом, и за недостроенным новым, а главное, за матерью — воду носить, снег убирать, разные бытовые нужды помогать справлять...

Итак, зима, изба, гудит печь, сквозь маленькие окошки просачиваются сумерки. Бабуля за занавеской пытается вязать, я на сундуке — писать. Обычный наш деревенский вечер каждые выходные, отпуска, каникулы уже который год и в любой сезон.

Вёдра — это наш основной инструментарий. С ними мы туда-сюда мотаемся с утра до вечера. И не только мы: если

уж в нашей газифицированной области 39 тысяч стариков получают пенсию ниже прожиточного минимума — и почти все они деревенские, то можно представить себе, сколько людей и по сию пору живут в России в нищете и бедности, не имея возможности провести газо- и водопровод, канализацию, из всех удобств довольствуясь лампочкой Ильича.

А если учесть всех, кто получает символическую зарплату, то слова «негоже в наше время женщинам у раковины стоять» могут быть восприняты как кощунство и издевательство миллионами женщин по всей стране.

Конечно, смешно при нынешней власти и нынешнем разгуле демократии спрашивать: неужели нельзя создавать какие-то более шадящие, более этичные рекламные ролики и слоганы, чем те, что унижают и ущемляют достоинство большинства наших граждан обоего пола, да и детей тоже? Мама любит, если купила... Папа хороший, если подарил... Ну а взрослым — негоже стоять у раковины, использовать дешёвую — недостойную их! — косметику, ездить на старых авто, жить в развалюхах, трудиться за гроши, да и вообще — работать!

Работают — на производстве, в сельском хозяйстве, в сфере быта и услуг — неудачники. Успешные люди создают капитал и пускают его в оборот, чтобы он приносил прибыли. Как создают — уже давно неважно, отнимать никто не собирается...

Так почему же всё-таки это «негоже» так вывело меня из себя? Это же не более цинично и высокомерно, чем всё остальное, что происходит в стране и впаривается нам в сознание по десяткам каналов. Или всё-таки более цинично?

Глядя на наших изработавшихся, замученных старух, на их опухшие от великих трудов руки, разбитые артрозами и ревматизмами суставы, согбенные спины, невозможно удержаться от раздражения в адрес этих рафинированных дамочек, которым, видите ли, негоже стоять у раковины. Им край как нужна посудомоечная машина. И для чего же они так берегут себя, на что освобождают свое бесценное время? На то, чтобы чаёк попивать с оттопыренным мизинчиком, чванливо поглядывая вокруг?..

В конце концов, решаю, что негоже всё это смотреть, выключаю телевизор, который обычно включается только по настоянию нашей бабушки: это ей всё ещё интересно, что творится в мире и кому что гоже.

Кстати, моё эмоциональное обращение к героиням и создателям этого ролика она восприняла здраво.

— Они же не слышат, — заметила она увещательно. И пошла на боковую...

А я пошла гулять... Господи, я же и хотела именно об этом написать: как хорошо зимой в деревне! Снег живописует все наши пейзажи заново, наряжает деревья в пушистые платья, выбеливает речку, и лес, и поле, и дорогу. Красота кругом невероятная.

2 января проснулась — в окошко стучит коралловая ветка яблони. Заметенные снегом лавочки во дворе, где под развесистым виноградным шатром мы устраивали себе летом «завтрак на воздухе», как маленькие снеговички о двух ножках в мохнатых белых шапках-горках создают особое сказочное настроение. Цветастые пташки подклеивают ягоды с калины, замершей в дальнем углу маленького нашего садочка. И поплыли-потянулись строчки:

*Второе утро января...
Зима ещё невестится.
Картина снежного двора
В оконной раме светится.*

*И на душе такая гладь,
Такое ожидание,
Что это Божья благодать
Сошла на мироздание...*

А остальные каникулярные дни я просто прогуляла: когда заканчивала все дела по дому. Остались фотографии и душевный настрой: всё-таки через дорогу от нашей избушки — храм Тихвинской Божией Матери. И негоже мне на жизнь жаловаться — слава Богу за всё. И дай, Господи, здоровья и долголетия моей дочери, моей матери, мужу и свекрови, всем моим родным и близким, писателям и читателям, друзьям и соратникам, всем добрым людям, чтящим Бога и Россию. А что до пафоса, то так получилось. Не переписывать же...

БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ БЫЛО

Больше всего на свете Инна Семеновна переживает за внуку. Себе я уже не нужна, печально вздыхает она...

Есть люди, в которых до глубокой старости не исчезает страсть к жизни, и общение с ними легко и непринуждённо. Инна Семеновна человек тяжёлый: она искренно к тебе расположена, она глубоко чувствует и понимает, но после разговора с ней еще долго пребываешь в состоянии беспробудного уныния. И должно пройти немало времени, прежде чем вернешь себе хотя бы относительное душевное равновесие.

Но человек она хороший, порядочный. Тем страшнее кажутся ей нынешние времена, в которые все эти качества никак не вписываются. А ведь именно такими — ответственными, честными, трудолюбивыми — она старалась воспитать и своих многочисленных учеников, и дочь свою, и внучку. Как же девочка будет жить дальше, со всеми ее добродетелями и способностями? — вопрошает Инна Семёновна. И перечисляет:

— Она же не видит дня, не знает роздыху, недосыпает, не позволяет себе ни развлечений, ни общения с подругами.

— Почему, Инна Семёновна?

— Учится. Хочет стать классным специалистом, иначе ей рассчитывать не на что. Ведь у нас никаких связей нет. Вот она и уповает на свои исключительные знания, которые помогут ей найти приличную работу после окончания института. Ни должность, ни зарплату никакой хлопотливый дядюшка ей не устроит, наследство ей достанется плохонькое, отец большого участия в её судьбе не принимает, да у него и ничего нет. А дочь моя, её мама, сама на трех работах работает, чтобы и девочке помогать, и пенсию побольше получать. Только напрасно она о хорошей пенсии мечтает.

Ведь после школы она три года отработала санитаркой: очень хотела поступить в медицинский институт и прошла весь путь к получению профессии с самых азов. Или низов. Потом семь лет учебы, которые в нынешней России в трудовой стаж не входят. И когда она — по новым правилам — выработает нужный для хорошей пенсии стаж? В 65 лет? В общем, не знаю, как они будут без нас с мужем обходиться...

Прежде всего это касается внучкиной учебы. 60 тысяч рублей в год за образование девочки платят Инна Семёновна с супругом Михаилом Ивановичем. Хорошо, что живут они скромно и для себя им ничего не нужно. Откладывают с пенсией и на учебу за год собирают.

Так мало того: внучка, чтобы обеспечить себе достойное будущее, учится сразу в двух институтах! А еще посещает всевозможные курсы, изучает языки и чем только не занимается, боясь оказаться невостребованной в стране, где для одних уже всё куплено и схвачено, а другие могут хоть как рыба об лёд биться...

Так что бабушкина и дедушкина пенсии — это единственная возможность внучке выйти в люди. Поэтому в свои 80 лет Инна Семеновна «себе уже не нужна»: она «вкладывается» во внучку...

А ведь и собственная её судьба не сахар. Хватила лиха. В 1934 году молодые родители-студенты привезли двухлетнюю

дочурку на Тамбовщину к бабушке, а сами уехали назад в столицу, где папа учился в МГУ, а мама — тоже в каком-то институте. Но с 4 курса неразумного студента исключили из университета за похвальные речи Троцкому (так, во всяком случае, гласит семейное предание), а потом и арестовали. Получил он 10 лет лагерей и был отправлен в Коми АССР.

Под Оренбург отправилась отбывать свой срок его жена, которую якобы уговаривали отказаться от мужа (в чем это формально заключалось, Инна Семёновна не знает), но она не сделала этого из большой к нему любви и преданности. Так Инна стала дочерью врагов народа. И росла она в тамбовской деревушке.

Как они пережили войну, это отдельный рассказ. И очень трагический. Наконец свершилось: война закончилась, родители освободились. Девушка мечтает о семье, об учебе — в деревне была только семилетняя школа. Но никто не спешит к ней ехать или звать её к себе.

Оказалось, от большой любви родителей ничего не осталось. Папа женился на другой женщине, у него двое малолетних детей. Мама тоже вышла замуж и осталась под Оренбургом. Инна поехала к ней.

Но отчим невзлюбил появившуюся невесту откуда падчерицу. Жизнь в семье мамы превратилась в кошмар, который закончился, едва девушка получила аттестат о среднем образовании.

— Я поеду к папе, — сказала она матери. И услышала:

— Поезжай: может быть, без тебя мы будем жить лучше...

Так она ещё раз потеряла маму. Но оставался папа, которого она заочно любила больше всех. Уж он-то поймёт её, пожалеет. Она готова была любить и ту женщину, которая стала его женой, и их детей, её младших братишек...

Вот только отцу она была совершенно не нужна. Впрочем, ему уже никто был не нужен. Онпил, жену избивал, детишек держал в страхе — и она, как могла, защищала мачеху и братьев от разъяренного папаши. Но вскоре отец поднял руку и на неё...

Собираясь в обратный путь, она обнаружила, что бабушкиных денег на дорогу домой, которые хранила она в своем фибровом чемоданчике, нет. Отец нашёл и пропил их. Впрочем, в чемоданчике осталось только байковое одеяльце: всё её приданое.

С деньгами ей помогли. Так и поехала: в старой фуфайке, в разбитых башмаках, с одеяльцем в чемодане, которое расстилала на жестких вагонных полках, — поступать в институт.

Липецк был тогда, в 53-м году, небольшим городком с двухгодичным учительским институтом. Поступив туда, девушка жила в общежитии и исключительно на стипендию. Дочь врагов народа государство, тем не менее, не только бесплатно учило, но и практически содержало. Никто из родных Инне не помогал. Вспоминает, как к концу первого курса куратор группы спросила её во всеулышание:

— Что же ты весь год в одном платье проходила?

— А у меня второго нет, — ответила она просто.

В 54-м году образовалась новая Липецкая область, город стал областным центром — и учительский институт перевели на четырехгодичное обучение. Вместо одного года предстояло учиться еще три!

Выдержу, решила девушка. Но когда она была уже на третьем курсе — время учебы продлили до пяти лет...

— Я думала, с ума сойду! — вспоминает она сегодня.

— Тогда что же вы так за внучку свою боитесь?! Она не одна на белом свете, как когда-то оказались вы, не в единственном платье ходит на занятия, не фуфайкой укрывается, живёт с любящей мамой в благоустроенной квартире, бабушка с дедушкой помогают ей материально — только учись! Это же — не в общежитии, впроголодь, полураздетой, с фибровым чемоданом под койкой. Что ей, хуже, чем вам было когда-то?!

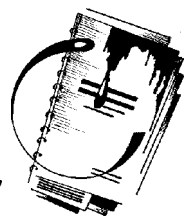
— Хуже, — отвечает Инна Семёновна. — У меня было будущее. А у нее нет. Только она об этом не знает. От этого её ещё жальчей...

ЗАКАТ ЮВЕНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕ

26 января в МГУ на Ломоносовском проспекте в рамках Рождественских чтений состоялась ставшая уже традиционной секция по ювенальной юстиции «Новые угрозы семье и детству. Противодействие этим угрозам в России и за рубежом». Руководили работой секции — директор Общественного института демографической безопасности И.Я. Медведева и член правления Российского детского фонда Т.Л. Шишова. Курировал секцию — протоиерей Максим Обухов, руководитель Православного медико-психологического центра «Жизнь». Предлагаем вниманию читателей выступление кандидата филологических наук Ирины Михайловны Бергсет.

Сегодня мы наблюдаем закат захватнической ювенальной политики Европы, за которым следует только полное умирание или вырождение наций и народностей, населяющих эту часть суши планеты Земля.

Все последние 30 лет политика насильственного захвата детей в странах ЕС проводилась исключительно под грифом «секретно», то есть фактически в атмосфере строжайшей гостайны. Родительское сообще-

ДОСЬЕ "МГ"

ство безропотно и молчаливо принимало все атаки ювенальных карательных отрядов, созданных и действующих практически в каждой стране Европы. После изымания родных детей госсистема предлагала семье только две альтернативы. Первое: родить себе новых детей. Или второе: наслаждаться жизнью без детей. Практически никто из экспроприированных детей не мог и не может вернуться в родную семью, потому что все госсистемы, включая судебную, законодательную и исполнительные власти, работают на разрушение семьи и «естественной», «натуральной» связи ребенка и родителей.

Постепенно недовольство родителей государственными методами разрушения семьи нарастало. И в 2012 году несогласие родителей с повсеместно в Европе узаконенной политикой госкиднеппинга, наконец, превысило критическую массу и переросло в социальный протест.

Как явление «родительский протест против антисемейной политики ЕС и ООН, направленной на отчуждение детей от биородителей», достиг своего пика именно в 2012 году. Родители взломали табу «сверхсекретности» детского вопроса и выплеснули свои трагедии в СМИ Великобритании, Германии, Франции, Норвегии, Швеции, Финляндии, Индии, России, Шри-Ланки и других стран мира. Попав на страницы мировой прессы, родительский протест зафиксировал кризис ювенальной системы Европы и продемонстрировал, что ювенальные технологии требуют или немедленной отмены, или кардинального реформирования.

Всплеск родительского недовольства в связи с массовыми и повсеместными насильственными изъятиями детей из кровных семей госструктурами разных стран волной прошел с севера на юг Европы. В международное движение «Русские матери» в 2012 году обратились более сотни российских семей, пострадавших от принудительного разлучения с родными российскими детьми в 28 странах мира. Россияне били в колокола беды из Норвегии, Англии, Финляндии, Швеции, Дании, Бельгии, Франции, Германии, с Кипра, из Новой Каледонии, Мальты, Израиля, Турции, Египта, Канады, США, Австралии, Новой Зеландии, Греции и других стран.

В 2012 году осмелевшие или доведенные до отчаяния родители в разных концах Европы и мира вышли на демонстрации, митинги, пикеты, уличные шествия и даже объявили голодовки, требуя вернуть украденных и конфискованных госслужбами родных детей. Протесты против ювенальных карателей из норвежской «Барневарн» прошли у посольств Норвегии в Шри-Ланке, в Индии, в Сомали, в России и на площадях Осло в самой Норвегии. Против ювенального ГЕ-

---

СТАПО Германии «югендамт» выступили родители как в самой Германии, так и в России. Против ювенального фашизма финской «Ластенсуелу» поднялись родители не только в стране Суоми, но и у нас в России. А против самой секретной, старейшей и самой кровожадной ювенальной спецслужбы мира — английской — прошли демонстрации протеста в Индии, в Сербии и на Трафальгарской площади в самой Великобритании.

Кроме публичных акций протеста родительское сообщество осуществило в 2012 году стихийную попытку создать своего рода «освободительное родительское движение» с декларацией требований и намерений. В частности, была составлена петиция в ООН с требованием признать политику насильственного разделения детей и биологических родителей — преступлением против детства. Подписи под этой петицией были собраны в 199 странах мира, в том числе и в России. Сама петиция была передана в приемную штаб-квартиры ООН в Женеве. Согласно появившейся после этого в СМИ информации, генеральный секретарь ООН ответил родителям, что специальная комиссия будет рассматривать этот вопрос на заседании в декабре 2012 — феврале 2013 года.

Таким образом, в 2012 году родительское сообщество планеты впервые преодолело страх и барьер «секретности» и выступило в странах Европы против государственно узаконенного киднеппинга в защиту естественного права детей жить и воспитываться в кровной семье с родными родителями.

Несмотря на многочисленные вспышки народного протеста, следует признать, что в Европе родительство ослаблено и крайне раздроблено. Кроме того, согласно опубликованной в 2012 году статистике, 1/3 всего населения Европы бесплодна. Ситуация в Европе усугубляется еще и тем, что почти 40% европейцев имеет психиатрические диагнозы, сидит на антидепрессантах, то есть фактически нездорово. На таком фоне активизация родительского сообщества в России, вставшего на защиту традиционных ценностей и традиционной семьи, может стать «спасательным кругом» для Европы, где семья убивается агонизирующей ювенальной госдиктатурой.

Прогрессивная роль России в этом случае связана с тем, что с вступлением в европейское сообщество Россия может и должна стать мотиватором преобразований, стимулятором реформ как внутристранового детского законодательства, так и общеевропейских конвенций и международных соглашений, на словах призванных защищать права детей, а на деле превращающих современного европейского ребенка в раба ювенальной карательной госмашины.

Корни проювенальных технологий уходят прямоком в фашистскую Германию. Адольф Гитлер открыл первые детские приюты в Финляндии, Швеции, Норвегии и других странах для целенаправленной смены национального кода у детей, экспроприированных у родителей. Гитлеровские технологии прижились и мимикрировали сегодня в ювенальные системы спасения детей всей Европы и мира от биологических родителей.

Пик ювенальных изобретений приходится на 1980 год, когда, по сути, было узаконено «неокрепостничество» или «крепостное право с детским лицом». В соответствии с Гаагской конвенцией о международных похищениях детей от 1980 года, дети всех стран одновременно «отчуждались» от родных родителей и приписывались или прикреплялись к той земле или стране, где они физически находились на момент изъятия. С этого времени в Европе родительские права «де-юре» разделились надвое: «право родить» и «право воспитывать», которое иначе стали называть родительским правом опеки над ребенком. Государство в одночасье экспроприировало «право опеки» над всеми детьми, которые в буквальном смысле на момент создания этого документа «стояли» на территории конкретной страны. А родителям государство выдавало с этих пор временное право заботиться о родном ребенке до первой провинности перед госсистемой.

Дальше — больше госправ и меньше прав родителей и детей. За 30 лет все европейские страны перешли от судебно-санкционированных краж детей у биологических родителей к открытому немотивированному захвату детей без суда и следствия, то есть к массовым «чрезвычайным» экспроприациям здорового потомства у родителей в пользу государства. В Норвегии, которая лидирует в мире по жесткости ювенальных технологий, каждый год увеличивается государственная квота на немотивированный или «чрезвычайный» госзахват здоровых детей. За последние 15 лет этот «госплан на сверхбыстрый захват детей» в Норвегии скакнул от 500 до 4000 детей в год, которых госчиновники могут изымать у родителей без судебного или иного решения, то есть «внезапно» и без предупреждения. Государство теперь зачастую не обязано информировать родителей о причинах изъятия их потомства в сам момент конфискации. Просто в ваш дом днем или ночью постучат полицейские и под дулом пистолетов уведут ваших детей в неизвестном направлении. Строжайшая конфиденциальность не позволит вам вслух назвать подобные действия властей ни «государственно-санкционированным террором семьи», ни откровенным «госкиднеппингом» вашего потомства.

Почти каждая европейская страна имеет на сегодняшний день подобные законодательно разрешенные «внезапные» нападения на семью. Причем сроки предъявления письменного государственного уведомления родителя о причинах экспроприации вашего потомства варьируются в разных странах от 7 дней до 14 дней и больше, причем **после** факта госкиднеппинга вашего ребенка. Родитель абсолютно лишен презумпции невиновности в ювенальной системе Запада, поэтому он всегда «виновен» только уж потому, что родил детей.

Все изъятые в чрезвычайных случаях дети помещаются на секретный для биородителя адрес. При этом государство всегда имеет безоговорочное право сменить экспроприированному из семьи ребенку не только адрес, но даже имя и гражданство. Известны случаи, когда эти «оказённые» дети полностью исчезали из поля зрения не только родителей и родственников, но и из числа живых.

Государственные ювенальные системы стран Европы постепенно объединились в одно целое, а потом срослись с общемировой ювенальной сетью и превратились в транснациональный рынок детей. Так что под маской лжесекретности дел об изъятии детей из кровных семей скрывается, по сути, новый вид организованной преступности, контролирующей мировую торговлю детьми и всемирный киндертрафик.

В связи с вышеизложенным перед научным, культурным, политическим, экономическим и родительским сообществом России стоит сегодня выбор: или деградация до уровня госкиднеппинга Европы, или же навязывание Европе прогрессивного пути по пересмотру устаревших деструктивных международных конвенций о детях и полный отказ от ювенальных карательных технологий.

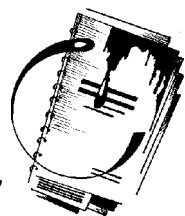
Подводя итог, можно заметить, что Европа сегодня агонизирует в своей захватнической политике по разлучению детей с их биологическими родителями из традиционных семей. Мы наблюдаем процесс полного аморального разложения в Европе, в то время как в России нарастают прогрессивные тенденции, базирующиеся на укреплении естественной, «натуральной» или традиционной семьи и приоритете традиционных семейных ценностей.

Нельзя копировать наихудшие достижения Европы, каковым является сегодня ювенальная юстиция. Ювенальные карательные технологии — это уродливый рудимент и наихудшее изобретение Европы, способное уничтожить сегодня не только саму Европу, но и все человечество.

СКОЛЬКО НАМ ДОЛЖНЫ ПРИБАЛТИЙСКИЕ РЕСПУБЛИКИ?

В последнее время с определенной регулярностью с территории бывших союзных республик в адрес Российской Федерации приходят гневные требования в финансовом виде компенсировать те «тяготы и невзгоды», которые жители этих республик «выносили на своих плечах» в годы так называемой оккупации их территорий со стороны Москвы. Наибольшими потугами в связи с требованиями «оккупацию» территорий компенсировать непременно материально отличаются прибалтийские государства — самая главная «демократическая тройка» постсоветского пространства: Литва, Латвия и Эстония. При этом каждое новое правительство любого из этих государств старается перещеголять правительство предыдущее в масштабах выставяемого России счета. Одни говорят о 70—80 миллиардах долларов, другие — о 150 млрд., третьи и вовсе о сумме, количество нулей в которой не помещается на экран обычного среднестатистического микрокалькулятора.

Естественно, лозунги, которые буквально кричат о необходимости со стороны России «вернуть долги», привлекают внимание закоренелых русофобов и особенно главных

ДОСЬЕ "МГ"

спонсоров русофобии за пределами стран Балтии. И те, и другие активно аплодируют своим властям, которые буквально перед каждым новыми выборами грозятся подать в суд на Россию с той целью, чтобы европейские судьи признали наличие долга со стороны Российской Федерации перед «ущемленными» народами Прибалтики.

Пока в России эта информация от прибалтийских «друзей» лишь достаточно поверхностно критикуется. Однако не ровен час, и какой-нибудь чрезмерно активный европейский суд (естественно, самый гуманный и демократический) возьмет да и признает правомерность претензий к России со стороны прибалтийской «птицы-тройки». Чтобы не оказаться в положении отыгрывающихся и бьющих по хвостам — хвостам претензий от западных «партнеров», — стоит обратить самое пристальное внимание на счет, скажем так, ответного характера. А почему нет? Ведь если Вильнюс, Рига и Таллин считают, что Россия им должна несчетные миллиарды, то что мешает официальным российским властям подготовить более предметный документ, в котором были бы разложены по полочкам те миллиарды советских рублей, которые в свое время «наели» господ латыши, литовцы и эстонцы. Как принято сейчас говорить: ничего личного, только бизнес.

Чтобы наш разговор не превращался в набор голословных претензий (ну, примерно таких, которые России сегодня предъявляют власти прибалтийских государств), нужно рассмотреть данные времен существования СССР — данные, которые прольют свет на то, сколько, кто и кому конкретно должен. Уж если у кого-то по ту сторону границы появилась идея начать копать в историческом финансовом белье, то Россия вполне могла бы предоставить нашим «друзьям» такую возможность. Благо, информация обозначенного характера не является секретной и размещается статистическими службами в полном объеме.

Итак, чтобы подчеркнуть сущность прибалтийского сектора экономики времен наличия на карте мира Советского Союза, перед предоставлением информации финансово-экономического характера стоило бы привести весьма занимательную фразу. Эту фразу в свое время позволил себе произнести глава Государственного комитета по планированию Эстонской Советской Социалистической Республики товарищ (тогда еще — товарищ) Рейн Аугустович (тогда еще Аугустович) Отсасон (ныне покойный). Так вот этот самый Отсасон, занимая столь высокий республиканский пост, заявил, что в республике работать хорошо, работать лучше —

просто бессмысленно. Куда эффективнее — просить союзный центр о помощи. Цитата:

«Важно уметь выпрашивать деньги, продовольствие, корма, товары, что угодно, это более важно, чем уметь делать их». Красноречиво, не правда ли?

И ведь, цифры, которые будут приведены ниже, полностью подтверждают стратегию финансово-экономической политики «витрины СССР». Другими словами, Рейн Отсасон лишь констатировал всю суть того хозяйствования Прибалтики, которым (хозяйствованием) 3 республики занимались в годы нахождения в составе СССР.

Перейдем к статистике. Начнем со сравнения капитальных вложений. К примеру, Литовская ССР получала капитальных вложений на пахотную площадь в 1 гектар в 3,5 раза больше, чем эти вложения составляли в среднем по Советскому Союзу. В 1987 году (расцвет «оккупации») энергетические мощности для посевных площадей в Литве были в 2,2 раза выше, чем в РСФСР, в Латвии — в 2,08, а в Эстонии — в 2,3 раза. При этом если кто-то считает, что Таллин, Рига и Вильнюс смогли реализовать такую энергообеспеченность сельского хозяйства за счет сугубо республиканских средств, то такой человек далек от истины. На самом деле три «балтийские сестры» получали финансовые дотации из Москвы, что согласуется с тезисом товарища Отсасона, приведенным выше. Нужно отметить, что Москва сама охотно шла на финансовую помощь Прибалтике, стараясь всеми силами подтянуть ее экономику до уровня, к примеру, соседней Финляндии. Мол, витрина СССР должна выглядеть эффектно. И ведь выглядела же. Как говорится, нашими молитвами...

Продолжая тему сельского хозяйства, необходимо отметить, что в семидесятых годах, союзный центр распределял минеральные удобрения для сельхозугодий таким образом, что в Литовскую, Латвийскую и Эстонскую ССР попадали по 155 кг, 196 кг и 209 кг на 1 пахотный гектар соответственно, а вот РСФСР должна была довольствоваться 32,9 килограмма на 1 га пашни. Да — берите, нам не жалко, вы ж у нас витрина, а уж мы как-нибудь тут пенькой подвяжемся и лапти подклеим — переживем, в общем...

Только за одни эти сельскохозяйственные бонусы (причем лишь за одно десятилетие и даже при учете сегодняшних цен на минеральные удобрения) с Прибалтийских республик, которые кичились своими высокими урожаями, можно требовать даже не десятки, а сотни миллиардов рублей. Да что там рублей... Если суммировать эту цифру с предпочтении-

---

ями в плане транспортировки в Прибалтику электроэнергии, то сумма превращается в число с 12 нулями.

Коснемся мелиорационных работ. Если учесть, что мелиорация осуществлялась посредством финансов из союзного бюджета, то с наших «партнеров» можно спросить и за нее. Так, к примеру, сразу же после окончания Великой Отечественной войны, мелиорация коснулась 80% сельскохозяйственных угодий Прибалтики. Сравним с мелиорацией в целом по СССР. Общесоюзный показатель не идет ни в какое сравнение с прибалтийским. Он составляет лишь около 7%. Как говорится, почувствуйте разницу. Так советские «оккупанты»-мелиораторы «зверствовали» на территории Эстонии, Латвии и Литвы, фактически превращая эти земли в образец плодородия во всей Восточной Европе.

Может быть, Москва всю эту замечательную по качеству прибалтийскую сельхозпродукцию отбирала у «порабощенных» народов и поставляла на рынки и в магазины исключительно российских городов? И тут — не так. Львиная доля произведенных на прибалтийских сельхозпредприятиях товаров превращалась в товары для местного использования и в неперенный дефицит на территории остальной территории Советского Союза. Ведь на «витрине Союза» и товары должны были выставляться соответственные. В магазинах, к примеру, Воронежа или Южно-Сахалинска увидеть продовольственные товары с красочными прибалтийскими наклейками образца советского периода было настоящей удачей. Даже внутри единой страны эти товары считались самым настоящим дефицитом, за который люди («оккупанты») были готовы выстаивать в километровых очередях.

Может быть, Москва морила «порабощенные» народы голодом? Давайте обратимся к статистике потребления населением Латвийской, Литовской и Эстонской ССР мясной и молочной продукции. Так, в 1988 году среднестатистические латыши, литовцы и эстонцы потребляли за год мяса и мясных продуктов 84, 85 и 90 кг соответственно. В среднем по СССР этот показатель составлял не более 64 кг. Потребление молока и молочной продукции: Литва — 438 кг/чел. в год, Латвия — 471 кг/чел. в год, Эстония — 481 кг/чел. в год. Средний показатель для СССР — 341 кг/чел. в год. При этом из государственного бюджета СССР на ликвидацию закупочных и розничных цен для сельскохозяйственного сектора прибалтийских государств еще и выделялись многомиллионные (по тем — советским деньгам) дотации.

Получается, что за год среднестатистический советский «оккупант» съедал примерно на 20—25 кг мяса и выпивал на

---

100 литров молока и молокопродуктов меньше, чем средне-статистический «угнетенный» прибалт. Выходит, «угнетенные» ничтоже сумняшеся переели «оккупантов». Так, значит, сегодня им пора погасить долги за переядание...

Размер капиталовложений на душу населения в республиках Балтии был выше, чем по Союзу. Например, в 1989 году он составлял 789 руб. по СССР, в Эстонии — 872 руб., в Литве — 856 руб., в Латвии — 830 руб. Сказывалось и то, что каждый вложенный сюда рубль использовался с максимальной отдачей. В отличие от южных республик, здесь был низкий уровень коррупции.

Уже в середине 1950-х годов Латвия и Эстония стали «эталонами» материального благополучия в СССР. В 1961 году доля национального дохода на жителя Эстонии составила 720 руб., в Латвии — 717 руб. При том, что средний общесоюзный показатель был 547 рублей (Россия — 598 руб., Украина — 559, Литва — 489).

Чтобы найти сумму долга, давайте переведем всё это в нынешние цифры, используя среднюю статистику стоимости всех сортов мяса и литра молока по регионам. Итак, если средняя стоимость мяса (мясо кур, свинина, баранина, говядина) составляет около 200 рублей за кг, а литр молока — около 32 рублей, то — годовая разница только для одного жителя советской Эстонии, например, выливается в 9680 руб. (нынешних, конечно). В пересчете на все население Прибалтики за годы «оккупации» (даже при учете достаточно низких общих объемов потребления в послевоенные и в 50-е годы) обнаруживается сумма в несколько сотен миллиардов долларов! Не забудем приплюсовать к той сумме, которая была получена из прежних нехитрых математических выкладок, сумму прибалтийского переядания на общесоветские средства. Сотни миллиардов долларов превращаются в триллионы...

А кроме перечисленных вариантов «оккупантского» давления со стороны РСФСР и других союзных республик нужно не забывать еще и о поставках нефти, угля и газа на территорию Прибалтики на абсолютно безвозмездной основе. К примеру, промышленный сектор Литвы в 70—80-е удовлетворялся углем на 100%. «Оккупантским» углем... Если суммировать еще и стоимость энергоносителей, которые «кровожадные» диктаторы из Москвы направляли в Прибалтику, то и Литву, и Латвию, и Эстонию сегодня можно было бы забрать за долги сразу же общим пакетом — вместе с тамошними властями и другими счетоводами, заявляющими, что Россия им что-то должна.

Культура и образование быстро развивались и в Прибалтике. Особенно был заметен прогресс в Литве, в которой после 1940 года была еще актуальной проблема ликвидации неграмотности и малограмотности. В 1976 году в своем выступлении на XXV съезде КПСС П.П. Гришкявичус сообщил: «Сейчас каждый третий занятый в народном хозяйстве Литвы человек имеет высшее, незаконченное высшее или полное среднее образование. В производственной деятельности все теснее, органичнее соединяются физический и умственный труд». К 1982 году Литва опережала всесоюзный уровень по относительной доле учащихся в общеобразовательных школах (по СССР — 163 на 10 тысяч населения; в Литве — 171 на 10 тысяч) и студентов в высших учебных заведениях (по СССР — 195 студентов на 10 тысяч населения; в Литве — 202 студента на 10 тысяч). В 1940 году в Литве было 6 тысяч студентов, в 1986 году — 64,9 тысячи, в Латвии в 1940 году — 9,9 тысячи, в 1986 году — 43,3 тысячи, в Эстонии в 1940 году — 4,8 тысячи, в 1986 году — 23,4 тысячи.

А ведь было еще и строительство жилого фонда, промышленных предприятий, образовательных и медицинских заведений, пансионатов и домов отдыха. Была развита перерабатывающая отрасль. И всё это на солидный процент финансировалось из союзного бюджета.

А, может быть, не стесняться, и вперед подать иск в международный суд на самих прибалтийских «партнеров». А что? Долг платежом красен... Ничего личного...

КАК-ТО ПОСЛЕ БАНИ

РАССКАЗ

Геннадий Порфирьевич так и сказал: пока баню не опробую, не заплачу. Брежнев поначалу обиделся — в Рябинках принято было платить за работу сразу. Однако промолчал. Если бы с самого начала предупредили, он, может, и не взялся бы класть каменку. А так... Чего после драки кулаками махать.

Брежнев, пожилой приземистый мужик с густыми и все еще черными бровями, сидел перед телевизором и размышлял, где взять денег на запчасти для снегохода. Часы показывали пять, но за окном уже было темно. В среду лег снег, «Буран» вот-вот понадобится, а до пенсии еще далеко. Да и много ли на нее купишь?.. Так что звонок Геннадия Порфирьевича был кстати.

— Григорьич, ты как там? — сказала трубка. — Приходи за расчетом. Парок, я тебе доложу, — до самых печенок пробирает!.. Что ни говори, а лучше нашей русской бани ничего быть не может! Никакие сауны в сравнение не идут — уж мне-то поверь, повидал я их!..

По говорливости Геннадия Порфирьевича было ясно, что он не только опробовал каменку, но уже и при-

ПРОЗА

нял после бани. У Брежнева оскомно свело челюсти. Ему самому пить было нельзя — в прошлом году вырезали почку. Застудил, когда провалился под лед, переезжая в апреле реку. Так что последнюю приходилось беречь.

— Валентина, я ушел, — громко сказал Брежнев в сторону кухни. Жена была глуховата.

— Чего? — отозвалась та, выглядывая из-за занавески.

— Ушел, говорю.

— Далеко? — В руках жена держала березовое полено с кучерявящейся берестой, собиралась на ночь подтопить печку.

— За расчетом за каменку.

— Наконец-то вспомнил!.. — Жена тоже не одобряла поведения Геннадия Порфирьевича.

На улице было хорошо. После осенней мокряди легко дышалось, и можно было не бояться, что влезешь в темноте в грязь. Свежий снежок весело поскрипывал под ногами. Брежнев шел и думал о жизни.

В детстве они с Геннадием Порфирьевичем (в ту пору Генкой-Золотухой) ходили в клуб учиться на баяне. У обоих получалось хорошо, на смотрах художественной самодеятельности в райцентре занимали призовые места. После восьмого класса оба поступили в культпросветучилище, но он долго городской жизни не выдержал. А вот Золотуха оказался упорный. Окончил училище, на последнем курсе женился, так в городе и остался. Работал баянистом при дворце культуры геологов до самой пенсии. А сейчас вот потянуло на родину. Отремонтировал родительский дом, поставил новую баню. Его, Брежнева, в лучшем случае зовут Григорьичем, а к Золотухе иначе как по имени-отчеству никто не обращается.

Постучался.

— Заходи, открыто! — раздался из-за двери хорошо поставленный голос.

Брежнев снял в холодных сенях обувь, ступил в носках через порог. За столом у задернутого тяжелой шторой окна сидел Геннадий Порфирьевич в махровом халате и пил из самовара чай. Халат был распахнут, по безволосой груди стекал пот. Капли текли и по распаренному красному лицу.

— Самовар, а? — Геннадий Порфирьевич шелкнул пальцем по надраенному выпуклому боку. — Вроде ерунда, вода одинаковая: что из чайника, что из самовара — а приятно! Надо, надо нам уважать обычаи предков. Они просто так ничего не делали, веками свой опыт копили!.. Здорово.

Брежнев пожал протянутую руку. Рука у Геннадия Порфирьевича оказалась мягкой, с нежной кожей — такой в деревне даже у женщин не бывает.

— Ты легче, орудие труда все-таки... — Хозяин сказал это вроде как в шутку, но руку забрал быстро. — Мне у Слинкиных на свадьбе играть. Живая музыка, говорят, нам нравится, а не эти, на кассетах. А что, правильно говорят — живой звук, он и есть живой!.. Садись. Выпить хочешь?

Брежнев замялся.

— Да нет...

— Так да или нет?

— Нельзя мне.

— Ну, тогда чаю.

— Это можно. — Брежнев с облегчением вздохнул. Отказ от выпивки давался ему трудно. Огляделся. — А хозяйка твоя где?

— Моется. Это по молодости в баню вместе ходят, а сейчас... — Геннадий Порфирьевич засмеялся и потянулся к пузатому графинчику. — Сейчас водочка милое дело! Водочка взрослому мужику много чего заменить может. Если, конечно, с умом и в меру. Как наши отцы говорили, кто пьян да умен — два блага в нем!..

Брежнев не помнил, чтобы его или Золотухи отец так говорили, но кивнул. Он деликатно, двумя пальцами взял за ручку чашку и подставил под краник самовара. Пить не хотелось, но получить деньги и сразу уйти казалось неудобным. Тем более, что денег Геннадий Порфирьевич пока не давал.

— Я тут недавно по телевизору слышал, будто проводятся чемпионаты мира — по чему бы ты думал?.. По бровям!

Брежнев быстро вскинул глаза. Золотуха смотрел открыто, без насмешки. Брежнев отвел взгляд. Это у Золотухи с молодости — где другой промолчал бы, этот говорит как ни в чем не бывало.

За свои брови Григорьич натерпелся. Как поперли лет в четырнадцать, так до сих пор густые и не седеют. У других к старости облезают, становятся короткими и редкими, а его хоть бы что. Если бы Валентина каждую неделю не подстригала, как добрые усы стали бы. Даже в больнице, когда лежал на операции, врачи между собой называли его Брежневым — Григорьич как-то сам слышал.

Геннадий Порфирьевич отставил в сторону кружку с чаем. Налил из графинчика рюмку, выпил. Быстро поддел на вилку квашеной капусты.

— М-м, хороша капуста — настоящая, деревенская, сам солил! Не мужское, казалось бы, дело, а удовлетворение дос-

---

тавляет! Память сердца, как говорится... Так вот, насчет бровей. Один индеец отрастил сантиметров что-то десять, весь лоб закрывают. Чего бы тебе, Григорьич, в таких чемпионатах не поучаствовать? Ведь это деньги, и хорошие!..

Брежнев смотрел в стол. Не понимает. Горбатого могила исправит.

— Ты как к политике относишься?

— Да как... — Брежнев пожал плечами. Про себя удивился: ну и скачки у мужика — то про брови, то про политику. Не такой и пьяный, а мысли как блохи.

Геннадий Порфирьевич опять придвинул к себе кружку с чаем, отхлебнул.

— Непривычно, да, чаем запиваю? А между тем, вековой рецепт. Водка, она чай любит, токсины хорошо выводятся, и похмелья не бывает... Так о чем я начал?

— О политике вроде.

— Ага! Не хочу я с тобой рассчитываться, скажем. Ты сделал работу, а я не хочу. — Заметив на лице Брежнева настороженное удивление, он засмеялся. — Не бойся, это я так, для примера!.. Если я в открытую не заплачу, ты придешь ко мне разбираться, правильно? Здесь надо по-умному. Что я делаю? Деньги я тебе отдаю, но в магазине (он в деревне один, мой) повышаю цены. Вроде как я чист перед тобой, рассчитался, а ты все денежки, что я заплатил, у меня в магазине оставишь. Все законно, все шито-крыто. Здорово, ага? Не придерешься! — Геннадий Порфирьевич радовался как ребенок. — Ловкость рук и никакого мошенства!..

Брежнев помолчал, соображая.

— При чем тут политика?

Геннадий Порфирьевич поднял вверх палец, со значением сказал:

— А ты подумай. — Видя, что Брежнев только морщит лоб и молчит, добавил: — Ладно, наводящий вопрос. У тебя при советской власти на книжке сколько было?

— Ну, было...

Цифру Григорьич называть не стал. До сих пор вспоминать не хочется. Они с Валентиной почти всю жизнь проработали на рыбоучастке, он ревматизм нажил, у Валентины разъеденные солью руки не заживали. Когда дети выросли, завели сберкнижку, стали копить на новый «Буран», ну и на старость. В девяносто втором все деньги сожрало повышение цен, а потом еще эта хреновая инфляция. Какой там «Буран» — на трехколесный велосипед к внучкиному дню рождения не хватило.

— А я не жалею, я вовремя подсуетился. Один хороший товарищ посоветовал, ты, говорит, купи долларов. Я послу-

---

шался, на все сбережения купил. Доллары пошли вверх. А кто тупые, ясное дело, пролетели!..

Брежнев опять исподлобья взглянул на Геннадия Порфирьевича. Но тот на его взгляд не обратил внимания.

— Когда я работал, меня большие мужики часто с собой приглашали. Ну, сауну там снимем, попаримся, водочки выпьем, песни под баян споем — душевно выходило... — Золотуха приосанился, солидно поперхал горлом. — М-да... Разговоры, соответственно, всякие. Мужики все головастые, номенклатура. Рассуждаем, что было делать Ельцину. И выходит, иначе нельзя. Ты же помнишь начало девяностых. У населения на книжках триллионы — чем отоварить? Приватизацию, что ли, срывать? К собственности не каждого подпустишь, а только достойных, кто тебя поддержит. Считаю, Гайдар Ельцину правильно подсказал. Произвести селекцию, отобрать надежных, им госсобственность и передать. А населению цены поднять, пусть свои триллионы растрясут — на советский строй работали, не на демократию! Не так, что ли?..

Геннадий Порфирьевич поднялся и вышел в соседнюю комнату. Вернулся с богато инкрустированным баяном. Утвердил его на коленях и растянул мехи. Перламутровая отделка жемчужно светилась. Полы махрового халата на Геннадии Порфирьевиче разошлись, и стали видны белые, еще крепкие ноги. Играл Золотуха мастерски. Пальцы так и летали по клавиатуре.

— Попробуешь? — Хозяин сделал движение, будто хочет снять с колен и передать инструмент. — У тебя раньше тоже неплохо получалось.

Брежнев молча отмахнулся — руки уже как чужие, столько лет кроме сетей ничего не знали. Только позориться.

Геннадий Порфирьевич наигрывал что-то из русских народных песен. И тихо, как бы сам с собой, рассуждал:

— Гайдара с Ельциным ругают, а я тоже бы так действовал. — Его лицо стало озабоченным, на лбу прорезалась продольная складка. — Надо было создать класс собственников. И не когда-нибудь, а срочно, чтобы была защита от коммунистов. Они только и смотрели, как бы забрать власть... Что в такой ситуации делать? Ваучеры, правильно — рот заткнуть. Вроде каждый получает свою часть собственности. Но средства производства должны быть не у всех, а у кого нужно. Чтобы на этих людей можно было рассчитывать в случае чего. Выборы там и прочее — бесплатный сыр только...

Закончить свою мысль Геннадий Порфирьевич не успел. В сенях послышались шаги, открылась дверь, и на пороге появилась крупная женщина с банным полотенцем на голове.

— Здравствуйте. — Она вскользь, отчужденно взглянула на Брежнева. Не останавливаясь, прошла в соседнюю комнату. Охнул диван под тяжелым телом.

Геннадий Порфирьевич подмигнул, повернул в сторону комнаты голову:

— Дорогая, все нормально?.. — Вполголоса добавил, обращаясь к Григорьичу: — Городские, они к нашей бане непривычные.

— Нормально, — послышалось из комнаты.

— Валокордина накапать?

— Не надо.

Геннадий Порфирьевич потянулся к графинчику с водкой.

— Ты не очень-то, — послышалось из комнаты, словно жена видела сквозь стенку.

Геннадий Порфирьевич скроил комическую физиономию, молча развел руками, будто говорил: вот так и приходится жить!.. Водки тем не менее налил и выпил. Брежнев сглотнул. Видеть, как Золотуха пьет, было тяжело.

— А чего, я в меру. После бани, дорогая моя, положено!

— Знаю я твою меру.

Геннадий Порфирьевич опять подмигнул:

— Это уж у каждого своя, закон диалектики!.. — Не дождавшись из комнаты ответа, он придвинул к себе кружку с чаем. Будто извиняясь, сказал Брежневу: — Всем хороша, и хозяйка, и жена, а поговорить не о чем. Не интересуется ничем, хоть ты лопни. Столько вокруг происходит, только соображай и анализируй, а она!.. — Золотуха отхлебнул из кружки, помолчал. — Гуманное все-таки у нас государство, Григорьич, доложу я тебе. По моему мнению, так слишком гуманное. Только ленивый не гонит волну — и пенсии, дескать, маленькие, и бесплатный проезд до города отменили, и за телефон полностью плати. А с какой стати, скажи мне, государство должно пенсионеров на себе тянуть? А? Вот скажи мне!..

Брежнев привык отвечать, когда у него спрашивали.

— Вроде как заработали.

— Вот именно, «вроде как»! — подхватил Геннадий Порфирьевич. — Что, у государства других забот нет, кроме как пенсионеров содержать? Давай посчитаем: международную политику проводить надо? Надо! Армию укреплять? Надо. В космосе позиции не сдавать? Тоже надо. А где на все средств взять? Никаких стабилизационных фондов не хватит. А

пенсионеры, какая от них польза? Сели государству на шею и ножки свесили. По телевизору говорят, скоро на одного работающего по пенсионеру будет приходиться. Значит, ты на себя работай, семью обеспечивай и еще дармоеда содержи... Что хмыкаешь? Не согласен, что ли?

Сидеть истуканом не хотелось, и Брежнев налил себе еще чаю. На этот раз он оказался почему-то горячим, во рту обожгло. Брежнев быстро проглотил кипяток и с досадой сказал:

— Так ты вот возьми и откажись от пенсии!

— Легко!.. Но не обо мне сейчас речь. Шире надо смотреть, масштабней. Вот говорят, у нас мало живут. А я считаю, больше не надо. Чего дармоедов плодить? Пожил свое — хватит!.. Жаль, Путин отклонил предложение, чтобы подняли возраст, когда на пенсию выходить. Сколько бы денег можно было сэкономить!.. Мы с большими мужиками эту тему тоже обсуждали, они со мной согласны. Нужен государственный подход! Строгость! Без этого с нашим населением нельзя.

Разглагольствование Золотухи раздражало все больше. Мало того, что тянет с расчетом, так еще рассуждает, будто сам не пенсионер. Ему пенсия, видать, легко досталась, а Григорьича иной раз так скрутит, что только горячие кирпичи спасают, если положить на поясницу.

— Ты чего предлагаешь? Не платить пенсии?

Геннадий Порфирьевич посмотрел с превосходством:

— Оно, конечно, было бы хорошо — не платить, но... В цивилизованном государстве живем. В Европе не поймут. — И неожиданно спросил: — Лекарства пьешь?

— После операции пил. А так больше Валентина... Дорогие.

Золотуха налил себе рюмку, значительно поднял вверх палец и так держал его, пока рюмку не опорожнил.

— И здесь государственный подход нужен. За счет чего, считаешь, бюджет формируется? Мои и твои тринадцать процентов погоды не делают. Ну, когда работали. А с промышленности там, с торговли в бюджет можно взять много. Вот и скажи, выгодно государству или нет, чтобы цены были низкие?.. — На этот раз Золотуха не стал ни закусывать, ни запивать чаем. Поднес к носу корку хлеба и шумно втянул воздух. — Конечно, цены тоже с умом надо держать. Нельзя, чтобы населения стало слишком мало. Разумное воспроизводство должно быть. Нефть, газ кто-то должен добывать, в армии и милиции служить...

— А при чем лекарства? — не понял Брежнев.

— Хе, чудак! Так прямая выгода государству, чтобы дорогие были! Позволяет пенсия — ты себе и Валентине покупаешь, государству доход. Не позволяет, скорее на тот свет уберетесь, бюджету легче, пенсии вам платить не надо. По любому выгодно! — Золотуха победительно улыбался, как отличник у доски, ответивший на каверзный вопрос.

Брежнев, не отрывая от него глаз, стал медленно подниматься из-за стола. Золотуха удивился:

— Не понял. Ты куда?

Гость молчал, сжав зубы так, что побелели желваки.

— Ты чего? Еще не рассчитались...

— Да подавись ты, сука! — выдавил, наконец, Брежнев.

И вышел, оставив Геннадия Порфирьевича с изумленно открытым ртом. Дверью шваркнул со всей силы.

«Поджечь, что ли?.. — подумал Брежнев уже во дворе. Свежие стены бани светились в темноте, притягивали взгляд. — Ну, паскуда! Как земля таких уродов носит?!»

И долго не замечал, что идет по снегу в носках.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЖЕНИХ ИЗ РАЙЦЕНТРА

Галина Царёва возвращалась из сельмага. Ходила за мукой, собиралась поставить тесто и напечь пирогов. Женщина была полноватой, с узенькими глазами и большой родинкой на щеке почти у носа. Всегда ходила медленной походкой, глядя себе под ноги, и потому её все в селе узнавали за версту — по походке. Проходя мимо, она решила зайти к Марье Полокиной, испить с ней чаю и узнать последние новости из её скучной жизни. Любопытная была, страх. Всюду совала свой нос и этим многих раздражала. Но в отличие от других Марья всегда была тихой и спокойной. Одинокая женщина, никогда ни с кем не ругалась и плохо ни о ком не говорила. Всю свою жизнь, можно сказать, прожила одна. В 19 лет вышла замуж за Ваньку Полокина. Хороший мужик был, тихий, башковитый, работающий, далеко мог пойти бы. Пожили год, и надо же было такому случиться, зимой в лесу на шатуна с Гринькой Володиным наткнулись, обоих задрал. Марья тогда на четвертом месяце ходила, от ужасной новости и горя ребенка и потеряла.

ПРОЗА

Замужем та больше и не была. Мать её тоже всю жизнь прожила одна. Всю себя посвятила дочери и колхозу. Кроме работы, ничегошеньки и не видела. «Некогда отдыхать, — улыбалась бывало она, — на том свете отдохну». И вот уже как седьмой год отдыхает. Мужики всегда дивились её приткостти. И в колхозе трудилась, и скотину держала — всё везде успевала. И Марья вся в мать пошла. Работа, работа, работа, а годы идут, идут, идут — старость не за горами.

Зайдя во двор, Галина сразу же заприметила у сарая мужчину. Тот ловко колот дрова, только щепки разлетались изпод колуна. Женщина остановилась и от удивления даже не смогла открыть рта. Откуда он взялся-то? Может, родственник какой? Вряд ли.

— Ты чей будешь? — собравшись с мыслями, всё же спросила она.

— День добрый, — обернулся мужчина и вежливо улыбнулся.

— Добрый, — кивнула Галина. — А что ты тут делаешь?

Мужчина снова улыбнулся и, смахнув ладонью со лба пот, приставил колун к чурбаку.

— Дровишки колю.

— Вижу, что колешь. А хозяйка где?

— В избе.

Галина, ничего не ответив, чуть ли не бегом забежала в дом. Марья накрывала на стол. Белоснежная скатерть красовалась под расписными тарелками, наполненными едой. И сама хозяйка тоже была очень нарядной и выглядела счастливой. Никогда Галина не видела такой подругу. Зато разноцветная шаль на её плечах тут же бросилась ей в глаза.

— Здравствуй, Галинушка, — вежливо поприветствовала та. — Проходи.

Царёва подошла к окну, глянула во двор и присела всей огромной массой на табурет. Марья смотрела на неё и улыбалась. Рассказывать о работнике сама не спешила, да и если не спроси, и не скажет. Скромность — всегда была её сестрой. На столе у самовара стояла полная чаша шоколадных конфет. На это тоже Галина обратила внимание — в их сельмаг таких сроду не завозили.

— Там кто у тебя, подруга, во дворе так красиво работает? Аль родственник какой нагрянул?

Марья скромно убрала взгляд в сторону и тихо ответила, что не родственник.

— А кто же тогда?

Марья снова немного помолчала, не решаясь сразу ответить.

— Геннадий Андреевич это, стоматолог это из райцентра.
— Как же ты чужого мужика к себе во двор пустила? — подвинулась Царёва, а у самой глаза от хитрости заблестели.

— Не чужого, — ответила Марья и, немного подумав, призналась: — Жить вот вместе собираемся.

— Как жить? — Галина заёрзала на табурете. — Ну-ка рассказывай, подруга, рассказывай давай, что ты тут надумала и утаила от меня, а?

Марья доверчиво посмотрела на Царёву. Конечно же, ей хотелось рассказать всё и сразу, поделиться своим женским счастьем, которого она так долго ждала, но рамки приличия, которые она всегда соблюдала, не позволяли ей сломя голову веселиться от радости.

— Ну что тут скажешь, — скромно ответила та. — По зиме у меня зубы разболелись, страх как. Вот и поехала в районную больницу, где и познакомилась с Геннадием Андреевичем. До того душевный человек, что разговариваю с ним, и на сердце сразу такая радость, так хорошо. Всё тепло его чувствую, всю доброту его душевную, — по щеке Марии скатилась маленькая слеза, та неловко улыбнулась и стряхнула её пальцем. — Ведь всю жизнь одна прожила и не верила уже, что встречу кого, а тут... с такой богатой и нежной душой, даже и не верится.

— Так что же мне-то ничего об этом не говорила, батюшки мои, — развела Галина руками, — такую новость утаивала. Вот тебе раз, вот тебе и подруга.

— Не сердись, пожалуйста, я и сама своему счастью не верю. — Хозяйка разлила из самовара по чашкам чай. — Бывало, приеду в райцентр, посидим с ним в столовой, чаю попьем, побеседуем, и так хорошо мне сразу на душе, так легко, что большего и не надобно. Родной он мне уже. Родной. Вот чувствую его сердцем всего и всё тут...

— Так ведь женат, небось, неужто такие мужики на дороге валяются?

Марья покачала головой:

— Вдовец он. Сын уже взрослый в городе живёт.

— И что делать собираетесь? — Галина снова глянула в окно, во дворе по-прежнему крепкий подтянутый мужчина колот дрова.

— К себе зовёт

— А ты?

— Поеду, — тихо ответила Марья.

Галина скривила нос. Вся эта история ей очень не нравилась. Зависть, какую она сейчас испытывала, не давала ей покоя и душила крепкими руками. Как же так, Марья, и

вдруг мужика себе нашла. Да ещё какого! Врача из райцентра. Квартира, небось, хорошая, деньги и работа уважаемая. А её Степан — пьянь на пьяни... И поговорить-то с ним не о чем, не то чтобы уж... Но Галина как-то не расстраивалась по этому поводу уже давно, все они тут деревенские мужики с бутылкой дружат и всегда в мазуте ходят. Но ведь Геннадий Андреевич не такой будет. Наверняка не пьёт, ведёт здоровый образ жизни — по фигуре видно, интеллигент. «Да как же так? Да где же на справедливость-то?» — злилась Галка про себя всюю. Зависть поедала изнутри и огромной жабой душила. Раньше, коль поругаешься со Стёпкой, придёшь к Марье, посмотришь на неё одинокую, измученную работой, полюбуешься её скучной однообразной жизнью, и на душе сразу как-то хорошо и спокойно становилось. С Марьей чувствовала себя Галина счастливой. Ведь судьба у той не заладилась, у неё же всё получше будет. А теперь? Что же теперь? «Ух, самой хитрой оказалась!» — бесилась она.

— Это ты зря, подруга, не спеши, не спеши, — залепетала Галина.

— Ну, почему же зря?

— Да потому же! — чуть ли не прикрикнула та. — Глаза хочу тебе открыть. Ты же сейчас в облаках вся летаешь и ничего не видишь. А кто, кроме меня, тебе поможет? Ты посмотри на него, — отвернулась к окну. — Глянь, как старается, ух, как старается. Авантюрист. Ага, видали мы таких.

— Зачем же ты так, Галя?

— Всем им, мужикам, одно и то же надо, знаем мы их, — махнула рукой. — А ты, дурочка, и клюнула. Ничего, со всеми бывает. Главное — вовремя опомниться.

Огонёк радости в глазах Марии быстро погас. Она посмотрела на Геннадия Андреевича и снова перевела взгляд на Галину.

— Он не такой, и на работе его все расхваливают: и коллеги, и пациенты, — заступилась она.

— Знаем мы, как их расхваливают, — отмахнулась Галина. — Гляжу, и шаль тебе уже купил?

— Подарил.

— Авантюрист.

— Никакой он не авантюрист, Галина, прекрати так говорить! — У Марии на глазах появились слёзы.

— Уедешь с ним, избу продашь, а потом выгонит, как собачонку.

— Не собираемся мы ничего продавать.

— Это пока не собираетесь. Ты прислушайся ко мне, подруга, ведь плохого не пожелаю. Тони его на все стороны, мол, без

тебя жилось хорошо, и проживу ещё лучше. А ты не плачь, — подседа поближе к Марье и стала гладить её голову, — ну чего расплакалась, дурёха. Да они все такие мужики. Господи. Думаешь, мне мой шибко нужен. Просто привыкла к нему уже, ведь по молодости сошлись. Сейчас бы он мне и даром не нужен был. А ты, милая, не плачь, не плачь, а всё же прислушайся. Не нужен он тебе, не нужен. Жила и без него, ведь как хорошо. Зачем он тебе? Авантюристы они все, авантюристы!

Марья, облокотившись о стол, плакала. Плакала за свою горемычную судьбу, за счастье, которым всё же Господь её не обделил, и за то, что люди, которым никогда не желала зла, к ней так плохо относятся.

Открылась дверь, и в избу зашёл разругавшийся Геннадий Андреевич.

— Что случилось? — спросил с порога тот и тут же подошёл и обнял Марью.

— Колоть каждый умеет, — буркнула поднос Галина и быстро покинула избу.

Быстрым шагом она неслась по селу. Как же так? Марья нашла себе врача! Зависть не давала покоя, змеёй хотелось кого-нибудь ужалить и укусить.

— Галка, неужто пожар где? — остановила её Прасковья. — Чего несёшься сломя голову?!

— Понесёшься тут, — отдышавшись немного, произнесла та.

— А что случилось?

— Ой, Прасковьюшка, сейчас тебе такую новость поведаю, такую новость, — залепетала Галина. — Машка Полокина себе мужика нашла.

— Да иди ты!

— Жених из райцентра. Вот тебе крест, — перекрестилась. — Только что от неё. Сам с района, а по лицу бандит бандитом.

— У-у-у, ты глянь, что делается-то, — застонала Прасковья.

— Ага, — мотнула головой Галина. — Сама к нему всю зиму и вёсну бегала в район.

— Батюшки. Марья? А ведь сразу и не скажешь. Не зря говорят: в тихом омуте черти водятся.

— Водятся, ещё какие водятся. Не знаю, беременна али нет, врать не буду, ну ведь чай не девка 17-летняя, верно ведь?

Прасковья мотнула головой.

— Избу, говорит, продам, и к нему перееду. А сам бандит бандитом.

— Ну и дура, это ведь надо, на старости лет отчудить.
— Верно-верно. Ну, давай, Прасковья, а то некогда мне, ещё к Клавке и Зинке забежать надо. Видишь, что творится, видишь... — Галина, раскачивая огромной массой, побрела по деревне. Зависть чёрной жабой улеглась на грудь и душила всю...

КЛЁН ТЫ МОЙ ОПАВШИЙ

Иван Золотов сидел за столом, опершись виском на левую ладонь, и смотрел в окно. Голова гудела от вчерашней гулянки. Вечер, как говорится, вчера удался. Вообще, он не любитель был этого дела, выпивал редко. Вчера у соседа Игната сын из армии вернулся, поэтому и дал жару. Теперь сам не рад.

В сенях послышались шаги, и в избу зашла жена, Софья. В такие минуты Иван ее просто ненавидел. Сам по себе он был тихим, малоразговорчивым, женка же, наоборот, поговорить любила, и ее противный писклявый голос очень давил на уши.

— О, расселся, барин! — брякнула она с порога. — Шо в окно уставился, как в книгу?

Иван ничего не ответил.

— Посмотрите-ка, — жена прошла к умывальнику, — ишь, глаза как прячет, ишь!

Иван молчал. Сейчас ему было плохо, даже противно. За что он себя не любил, так это за то, что не умел пить. Все люди, как люди, выпьют, и ничего, но он же, как заговоренный какой, хоть и редко пил, но метко. Иной раз, хоть вовсе не трезвей. До того стыдно, что хоть в гроб ложись. Ведь сам по себе, сколько себя помнит, тихий, скромный, воспитанный, можно сказать даже, а опрокинет триста грамм за шиворот и жена не жена, и все бабы розы. Сразу принцем делается и всю скромность, как рукой: и частушки споет, и спляшет, и в любви всем признается, и придумает чего лишнего... Вот он какой, красавец, вот он как может, пошустрее ясного сокола будет. А мужики что, не обижаются. Ванька хороший мужик, серьезный, башковитый, да и не раз выручал. Только Сонька его поначалу губы от злости кусала, что муж комедию ломает, скандалы устраивала, потом смирилась. Но когда муженек страдал с похмелья, тут уж она свое брала, постыдить любила, позлить, припомнить вчерашние обиды, и все в нужное время, когда голова болит, а на душе противно. Иван это знал, и в такие минуты ее ой как не любил.

— Ну, шо, все репы вчера пособрал? — Софья сполоснула руки и взяла полотенце.

— Цыц, — Иван посмотрел на жену исподлобья.
— Чаво? Ишь ты, цыц. Я те дам цыц! Цыцну щас!
Тот снова отвернулся к окну.

— Это нада же, к Нюрке Рощиной целоваться лезть, это нада же, — Сонька разводила руками, дескать, сама не представляет, как так можно. — Совсем совесть потерял. На нее же без слез не взглянешь. Хотя вам, кобелям, все одно кого, zenки залъете и радешеньки. Тьфу. И что жена рядом, это уже ничаво, пушай рядом стоит, пушай любит, какой он у нее шустрый, орел. Посмотри на ся щас, воробушка ты, а не орел.

Сонька говорила тихо, не кричала, не скандалила, но ее голос все равно давил на уши. Обиды и злости на мужа не было, это она уже больше так, для профилактики. Она знала, что сейчас ему стыдно за вчерашнее, и он полдня просидит вот так вот, как побитый воробей, у окна.

— Это нада же ляпнуть, шо вместо него Гагарин полетел, будто его в космос готовили, а полетел другой. Ой, трепло, ой, трепло...

— Соньк, нарываешься, — Иван посмотрел на жену. — Щас ведь врежу.

— Ну-ка, напужал, боюсь вся. Ага. Попробуй.

Иван снова отвернулся к окну. Вообще он жену никогда пальцем не трогал, хотя такую тронь, она сама, если надо, тронет. Про такую говорят: коня через брод перенесет. Пышная, крепкая, румяная, настоящая русская баба. Но все же, когда та надоедала, любил Иван припугнуть, та естественно ему «попробуй», и тот сразу же успокаивался. Понимал, что не напугал.

— Ты мне вот скажи одно тока, скажи, какой черт те велел самогона стока пить, а? Какой черт?

Иван немного ожил, посмотрел осторожно на жену и снова убрал глаза к столу.

— Так ведь Степка из армии пришел, как не выпить?

— Ну, ты выпей немного, чуточку, шоб не обидеть. Как Ермола.

— У него же печень.

— А у тя мозги... не в том месте.

Иван промолчал.

— Смочил губки и хватит. И никому не обидно. А то... Ведь знаешь, шо незя, и все равно пьешь. Перву, вторую, третью, а потом што?

— Што?

— А потом орешь как резаный: вина мне, вина! Будто не достанется. И откуда тока жадность такая?!

Иван молчал.

— Ох уж ты мое горе луковое, и кому ты тока такой нужен, как не мне? — Сонька присела за стол, показывая вид, что перестает злиться. Иван окончательно оживился. Даже голос ее не такой уж и противный стал, и вовсе перестал на уши давить. — А помнишь, как ты и мне сказки свои сказывал?

— Какие сказки?

— Ну, как же? Как на медведя с голыми руками ходил, а? Помнишь?

— Помню.

— Ну, конечно, помнишь, нада же. Ишо тада потрепать любил. Помело. — Сонька улыбнулась.

— Так шутил же я, шутил.

— Шутил. Я же тада поверила. Уши-то развесила. Ишо тада подумала, как это он на медведя, да с голыми руками...

— Помню, помню, — Иван посмеивался. — Всему-всему верила.

— Девка была еще, молодая, несмышленная. Это ты у нас весельчак был...

— Да-да.

— Палец покажи, со смеху лопнешь, — Сонька показала мужу большой палец, тот закатился смехом. — О, пожалуй-ста!

— Рассмешила, аж до слез.

Сонька сама смахнула со щеки слезу, улыбнулась и посмотрела на мужа:

— Ниче, и посмеяться полезно.

Она встала из-за стола и пошла в горницу, достала из комода бутылку и снова вернулась на кухню. Поставила на стол. Иван перестал улыбаться, посмотрел на бутылку.

— Шо глазками захопал, как бычок, — улыбнулась Софья.

— Што это?

— Што, што... — она налила в рюмочку, — выпей одну, полегчает.

— Шчас ведь начну... — улыбнулся.

— Я те начну!

Иван опрокинул рюмку, закусил огурчиком.

— Ну и себе немного, — Софья вновь наполнила рюмку и залпом опрокинула, сморщила нос, тоже надкусила огурец.

— Ну, шо, споем?

— Ага, — Иван быстренько вылез из-за стола, снял со стены гитару. — Про Катеньку, Катюшу?

— Я те дам про Катюшу, все бы ему про Катюшу, только про баб...

— Твоя же любимая!

— Не хочу.

Немного помолчали.

— Спой про клен. Помнишь, как у плетня мне пел, ох, душа хоть всплакнет немного.

Иван уселся поудобней, закинул ногу на ногу, положил на бедро гитару и ласково заиграл перебором.

— Кле-е-ен ты мой опа-а-авши-и-ий, кле-е-ен заледене-е-елы-ы-ый...

Петь Иван умел. Боже, как он пел! Пальцы красиво плясали по струнам, голос проникал в самую глубину души, гладил, сжимал, трепыхал больное сердце, и оно невыносимо ныло.

— И-и-и, как пья-я-ны-ы-ый сто-о-оро-о-ож, вы-ы-ыйдя на доро-о-огу-у,

Утону-у-ул в сугро-о-обе, приморо-о-озил но-о-огу-у...

Софья не отрывала от мужа глаз, наслаждаясь его пением, внутри все плакало, все ревело, по щекам тоже катились слезы...

— И-и-и, утратив скро-о-омно-о-ость, одуре-е-евши-и-и в до-о-оску-у,

Как жену-у-у чужу-у-ую-ю, обнима-а-ал бере-е-езку-у...

Немного помолчали.

Соня вытирала слезы, на сердце даже как-то стало хорошо, легче как-то. Она любовалась мужем.

— Давно я так не пел, — Иван поставил гитару на пол.

— Ох, Ванечка, ох, клен ты мой опавший, — Софья была растрогана.

Иван снова взял гитару.

— Про Катю?

— Давай, Ваня, давай.

Иван заиграл пальцами по струнам, душа вновь вострепелась, и он нежно запел. Соня, облокотившись на ладонь, любовалась мужем. Какой же он все-таки у нее хороший. Лучший. Самый лучший. И как же хорошо, что он у нее такой есть. Вот такой вот, никакой другой. Ваня пел, посматривая в окно. Соня любовалась им, слушала всей душой и изредка вытирала слезы.

ПОСТУПОК

Славка сидел на подоконнике и смотрел в окно. Он наблюдал, как ребяташки весело гоняли во дворе мяч. Его никогда не брали с собой играть, и все как-то его сторонились. Другей у него не было. А все, наверное, потому что мать и отчим пили, и ему совсем не оставалось времени для игр, как

другим ребяташкам. Он скитался по подворотням и вокзалам, кляпча у прохожих деньги. Отчим частенько бил его, если Славке не удавалось подзаработать. Не было ни дня, чтобы тот не поднял на него руку. А ребяташкам во дворе наверняка и родители еще запрещали дружить со Славкой. Потому, как знали, чей ребенок. Однажды Славка был в гостях у Сергея, своего одноклассника, делали вместе алгебру. Мать с отчимом дома пили и не дали бы ему готовить уроки, а намечалась контрольная. Вот он и напросился к Сергею. Пришел с работы его отец и позвал Сергея к себе, а потом тот сказал Славке, чтобы он уходил. В прихожей его остановил Сережкин отец и проверил карманы, хотя за двенадцать лет своей жизни Славка ни рубля ни у кого не украл.

Маму он всегда любил и считал хорошей. Когда она не пила, то всегда с ним разговаривала и давала себя обнимать. А то, что она его била и кричала, когда была пьяной, то это все водка виновата, считал Слава.

Отца он не помнил. Он ушел от них, когда Славке было несколько месяцев. А может, его и не было, отца-то? Славка часто задавал себе этот вопрос. За все это время много у него было отцов. И дядя Ваня, что научил его играть в карты, и дядя Гена, что очень любил матюгаться, и дядя Саша, что отсидел за убийство... И все они били и пытались по-своему учить Славку. А последние два года с ними живет дядя Вася, когда-то хороший радиомеханик.

А маму Слава любил. Да и как можно было не любить, она же мама. Он верил, что когда-нибудь она бросит пить, и они будут жить с ней вдвоем. И будет он сильным, и не будет давать в обиду ни себя, ни мать. И друзья у него будут, и все у него будет, как у всех.

Вот и сегодня отчим с матерью снова пили с самого утра. Привели гостей и шумели в соседней комнате. В его комнату открылась дверь, и на пороге появился отчим. Снова бить пришел, подумал Славка.

— Да не бойся ты. Не трону, — улыбнулся тот и полез в карман. — Сгоняй в магазин, купи две бутылки.

Речь шла о водке, потому как ничего другого они с матерью не пили. И покупать приходилось у Митяя, потому как только тот продавал ему водку.

— Держи, сдачу принесешь, смотри у меня, пересчитаю, — погрозил кулаком дядя Вася и дал пареньку пятисотрублевую купюру. — И сигарет купи.

Славка взял деньги и пошагал к магазину. По пути он встретил девочку лет десяти, что сидела на скамейке и плакала. Возле нее стоял мальчик годков шести и утешал ее.

— Маша. Маша, ничего страшного, — гладил он ее светлые волосы, но та, все равно, не переставала плакать.

Славка остановился.

— Что случилось? — спросил он их. — Потерялись, что ли?

— Нет, — ответил мальчик.

— А чего ревете тогда?

— Деньги украли.

— И много денег?

Мальчик пожал плечами.

— Я маме на подарок копила. У нее сегодня день рождения. А деньги куда-то подевались. Что я теперь мамочке подарю, — и девочка заплакала еще сильнее.

— Машенька, не плачь... — утешал ее мальчик.

— Маша, не плачь. Вот возьми. Это, конечно, немного, но все же. Купи маме подарок, — и Слава протянул ей деньги.

— Ой, спасибо, спасибо большое! — удивилась девочка, вытирая слезы. Она взяла деньги, и они с мальчиком побежали по тротуару.

Славка посмотрел им вслед и, развернувшись, пошел обратно домой. Он знал, что сейчас ему достанется, ой как достанется. Но он не переживал. Все равно его бьют без конца, и деньги все ушли бы на водку. А так они уйдут на хорошее дело. На подарок. На подарок матери. А для этого никаких денег не жалко.

ШРАМ НА ЛИЦЕ

Степка снова пришел домой с разбитым носом. Он вытирал рукавом нос, размазывая кровь по всему лицу.

— Что случилось, Степа?! — кинулась к нему испуганная мать. — С кем ты опять подрался?

Паренек, ничего не ответив, отправился к себе в комнату. Он плюхнулся на свою пружинистую кровать, и небольшие капли слез появились на голубых глазах.

Степка опять подрался на улице с ребятами из своего двора. Нет, он не был хулиганом. Он никогда никому не грубил, был вежлив со всеми и всегда был аккуратно и опрятно одет. Только вот драки во дворе начинались из-за него. Нет, он не был куклой для битья и всегда сам первым лез в драку.

Двенадцать лет назад его мать, Раису Ивановну, изнасиловали два заключенных, сбежавших тогда из колонии строгого режима. Девушке только исполнилось девятнадцать лет. В тот вечер она с подругами возвращалась из клуба. Ее дом был самым дальним в деревне и в итоге, проведив всех, она осталась одна. В это время двое мужчин напали на нее и по-

---

тащили из дома, на бугор. С нее сорвали платье, и один из них завладел ею. Она плакала и сопротивлялась, и потому другой, что держал ей руки, хлестанул ее ножом по лицу, оставив на всю жизнь глубокий шрам. Сволочей этих поймали через пару дней и вернули обратно в колонию. А Раиса Ивановна забеременела. Ей предлагали избавиться от ребенка почти все, даже родители, мол, не знай от кого, от каких-то бандитов. Говорили, что и в нем будет течь кровь убийц. Но девушка никого не послушала, и на свет появился Степка. И рос он красивым и послушным мальчуганом. А Раиса Ивановна так и не смогла выйти замуж. Ее большой шрам пугал всех, да и она его стеснялась и почти не появлялась на людях. Степка хоть и рос без отца, но был хозяйственным человеком, очень ответственным и всегда был окружен материнской любовью. Вот только на улице их с матерью никто не понимал. Когда Раиса Ивановна выходила во двор, дети тут же смеялись ей в спину и показывали на нее пальцем. Женщина делала вид, что не слышит и не видит происходящего, но Степка все прекрасно понимал и знал, что она чувствует в душе. Он так же, как и она, не показывал виду, что смеются над ней. Ее дразнили шрамом, а Степку называли приблудой, и потому стоило ему остаться один на один с ребятами, он кулаками добивался справедливости.

Раиса Ивановна зашла в комнату и посмотрела на сына. Тот сидел на кровати хмурый и обиженный на весь мир.

— Почему, мам, люди жестокие и несправедливые? — Степка заплакал.

Женщина обняла его крепко-накрепко и тоже не смогла сдержать слез. Что люди жестокие и эгоистичные, она знала лучше него, натерпевшись за свою жизнь. Степка прижимался всем телом к матери и не знал, что же сделать, чтобы она не страдала, чтобы все у нее было хорошо, чтобы ее бедное сердце не знало больше боли и не терпело насмешек.

Вечером, когда Раиса Ивановна ушла в магазин, Степка взял со стола кухонный нож, и хлестанул себя по щеке. Пускай теперь он будет посмешищем для всех, может быть, теперь от нее отстанут.

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Ночь разбросала по небу звезды, словно мелкий горох. Шел октябрь. По пустынной улице города, еле волоча ногами, шатаясь из стороны в сторону, плелся сильно поддатый юноша семнадцати лет. Он что-то громко и невнятно кричал, шел нараспашку, и никакой мороз ему не был страшен. Все его

тело горело от вина. Паренек зашел в подъезд и, ругаясь, что в этом чертовом доме нет лифта, медленно отправился на четвертый этаж и затем принялся стучать в дверь. Немного погодя, послышался тихий женский голос:

— Кто?

— Конь в пальто! — огрызнулся в ответ парень.

Со скрипом щелкнул замок. У двери стояли мать и бабушка.

— Сереженька...

— Дайте пройти, — волоча языком, сказал парень и вошел в квартиру. Бабушка молча закрыла за ним дверь. — Ну, чего уставились? Ну, выпил.

— Ты каждый вечер такой, — тихонько произнесла мать.

— Пошла ты!

— Мать же твоя! — рассердилась бабушка.

— И ты иди, кляча старая!

Отодвинув их руками в стороны и скинув грязную обувь, парень направился к себе в комнату.

— Совсем совесть вином залил, — сказала вслед бабушка. — Отец твой ушел из жизни рано, он бы тебе быстро мозги вправил.

Сергей скинул с себя куртку и упал на кровать. Как же бабушка была права, отец действительно ушел из жизни рано, не вырастив из сына мужчину, не показав пример, не объяснив, для чего нужна мужская сила и как и где ее нужно применять. Он погиб случайно, от бандитской пули, когда возвращался с работы. Бандиты устроили перестрелку на одной из улиц города в самый разгар весеннего дня. В тот роковой день погибло несколько невинных людей, просто прохожих, как и отец Сергея. Он ушел из жизни в двадцать шесть лет, оставив молодую жену с семилетним сыном. Женщина работала на двух работах, только чтобы одеть и прокормить сына. Она все реже и реже появлялась дома, оставляя вечерами ребенка то у соседней, то с бабушкой, когда та не работала. Не познав еще жизни, не разбирая, где добро и зло, паренек попал в плохую компанию. Там-то его и научили выпивать. Пытаясь уйти от семейных проблем, он воровал у матери деньги и пропивал их. Пытаясь просто забыться, потеряться в этом мире, он все чаще и чаще увлекался спиртным. И скандала дома, он убежал на улицу, к своей компании, которой, как он считал, был нужен, как никому в этом мире, и которая его всегда поймет и поддержит.

В комнату вошла бабушка.

— Попроси у матери прощенья. У меня можешь не просить, а у нее попроси.

— Отстань.

— Успокой ее. Ведь таблетки пьют.

Паренек ничего не ответил. Бабушка постояла еще немного рядом и молча вышла из комнаты.

Женщина сидела на кухне, держа в руке детскую фотографию сына. По щекам катились слезы. Материнское сердце рвалось на части. Что с ним происходит, в кого он превращается? Неужели она больше никогда не увидит в нем все того же маленького доброго проказника? Как же она его любит, как же он ей дорог. Почему он ее избегает? Ведь она всегда его выслушает и поможет всем, чем только сможет. Почему он ее сторонится, ведь дороже ее у него нет никого. Конечно, она не была с ним так часто, как бы хотела, но всю себя отдавала ради него. В чем она перед ним виновата?

Бабушка зашла на кухню и обняла дочь.

— Мама... — заплакала женщина, прижимаясь мокрым лицом к ее кофте.

Бабушка тихонько смахнула с лица слезу и поцеловала дочь. Женщина медленно поднялась на ноги и направилась в комнату сына. Тот уже спал. Она подняла с пола куртку, осторожно, чтобы не разбудить, укрыла одеялом и нежно поцеловала его в щеку. Вытерев слезы, она покинула комнату. Но еще долго стояла перед иконой на коленях, молясь за сына.

Ирина МЕДВЕДЕВА
Татьяна ШИШОВА

ЧИТАЙТЕ ХАКСЛИ!

Есть произведения, которые мало кто читал, но о которых все знают. Например, «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Дон Кихот» Сервантеса, «Божественная комедия» Данте. Когда-то эти книги зачитывали до дыр, а отрывки из них учили наизусть в гимназиях и лицеях. Как знать, быть может, их время еще вернется? Но на сегодняшний день для широкой публики это, скорее, история литературы.

Книга Олдоса Хаксли «Прекрасный новый мир» (не сопоставимая, конечно, по литературным достоинствам с перечисленными шедеврами) — это сходный случай. Ее тоже далеко не все читали, но заголовок книги стал популярным выражением, когда хотят дать ироническую или даже саркастическую оценку каким-то странным современным новшествам. Что, впрочем, немудрено, ведь «Прекрасный новый мир» относится к жанру романов-антиутопий — таких романов, где образ возможного будущего рисуется весьма непривлекательно, если не жутко. Антиутопия выделяет наиболее опасные, с точки зрения автора, об-

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

шественные тенденции и теоретически направлена на то, чтобы предотвратить их укоренение и развитие.

Именно так мы и относились к роману «Прекрасный новый мир» (или «О дивный новый мир» в другом переводе) и даже дали аналогичное название одной из глав своей книги «Потомки царя Ирода», разоблачающей политику «планирования семьи». Поэтому для нас было неожиданностью, что известный американский оппозиционер Линдон Ларуш и его соратники считают Хаксли вовсе не обличителем идеи «прекрасного нового мира», а одним из его главных проектантов, разработчиков, пропагандистов. То есть не борцом со злом, а, напротив, его творцом.

Мы перечитали роман, а поскольку к этому времени нам уже было известно довольно много и о контроле над рождаемостью в разных странах, и о школьном секс-просвете, и о новых технологиях обработки массового сознания, и о других глобализационных процессах, мы испытали состояние, близкое к шоку, увидев, сколь многое из того, что автор насочинял в далекие 30-е годы XX века, уже сбылось. При первом прочтении, когда мы еще всего вышеперечисленного не знали, а о многом даже не догадывались, книга Хаксли была нами воспринята как некая развернутая метафора или, скорее, фантазмагорическая гипербола. В общем, как то, чего в принципе не может быть, но что позволяет лучше донести до читателя авторскую мысль. Скажем, когда в свифтовском «Гулливере» встречаешь великанов, лилипутов, людей с лошадиными головами, ясно же, что это сатирические образы, символы. А теперь представьте: вдруг бы оказалось, что это не выдумка, а реальность, что действительно существовали специальные лаборатории, в которых выводили и тех, и других, и третьих...

Краткое содержание и некоторые аналогии

Но вернемся к роману Хаксли и проведем небольшой сравнительный анализ. Действие разворачивается в Лондоне в некоем далеком будущем. Люди, живущие там, не рождаются естественным путем. Их штампуют на так называемых человекофабриках и с младенчества определенным образом воспитывают. В этом обществе все люди счастливы, поскольку там устранены факторы, порождающие печали и скорби: голод, нищета, болезни, старение, человеческие страсти. Ну, а если какие-то психологические проблемы все же возникают, они легко устраняются с помощью безвредного наркотика — сомы. Однако есть еще места, где люди живут по ста-

---

ринке. Один такой человек попадает в «прекрасный новый мир» и становится там настоящей сенсацией. Дикарь, как его прозвали представители новой цивилизации, не может и не желает ее принять, несмотря на все удобства и преимущества, которые она сулит. Он глубоко страдает в мире всеобщего благоденствия и в конце концов накладывает на себя руки.

Ну а теперь, кратко изложив содержание, приступим непосредственно к анализу и посмотрим, что из описанного уже осуществилось, что на подходе, а что так и осталось авторской фантазией. Пойдем прямо по тексту романа. Вот как он начинается:

«Серое приземистое здание всего лишь в 34 этажа. Над главным входом надпись: «Центрально-лондонский инкубатор и воспитательный центр», и на геральдическом щите — девиз Мирового Государства: «Общность, одинаковость, стабильность».

Директор водит по зданию студентов и показывает им, как зарождается жизнь в прекрасном новом мире. Им предстоит тут работать, и надо дать им общую идею, чтобы они делали дело с пониманием. Но надо дать «лишь в минимальной дозе, иначе из них не выйдет хороших и счастливых членов общества. Ведь, как всем известно, если хочешь быть счастлив и добродетелен, не обобщай, а держись узких частных; общие идеи являются неизбежным интеллектуальным злом. Не философы, а собиратели марок и выпиливатели рамок составляют становой хребет общества».

Вам последняя сентенция не напоминает установку на узкий профессионализм, которая на Западе давно стала привычным нормативом, а у нас пока еще не прижилась, но усиленно пропагандируется?

Плановое человекопроизводство

О других вышеупомянутых реалиях (воспитательный центр, мировое государство) поговорим попозже, а сейчас пройдем вместе со студентами в инкубатор. Конечно, пока еще детей не выводят так, как описано у Хаксли. На технологии процесса мы вообще бы не стали фиксироваться. На наш взгляд, это не принципиально. Принципиален отказ от нормального, естественного зачатия и рождения, переход в этом вопросе на плановую экономику и поточное производство.

Что касается зачатия, то ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение) уже стало не уникальной, а вполне рядовой, даже

привычной медицинской процедурой. И вот парадокс: поскольку ЭКО преподносится как возможность для бесплодных женщин обрести материнство, по логике вещей следовало бы, не отказываясь от этой технологии, бросить все силы на борьбу с бесплодием и устранить те факторы, которые его вызывают. А вызывают его — это вам скажет любой акушер-гинеколог — раннее начало половой жизни, смена партнеров и сопутствующие ей «дурные болезни». Самой надежной профилактикой бесплодия является целомудренная жизнь. Но вместо целомудрия везде пропагандируется разврат. Есть также данные о том, что бесплодие может вызываться генетически измененными продуктами и даже прививками. Но вместо того чтобы провести широкомасштабные независимые исследования, эту тему всячески замалчивают. А ученых, которые ее пытаются поднять, притесняют и запугивают. Парадокс? Это как посмотреть! Если строить будущее по лекалам Хаксли, то все логично. В «прекрасном новом мире» искусственное оплодотворение должно вытеснить естественное. Пока этого еще не произошло, но тенденции именно таковы. ЭКО признано самым эффективным методом решения проблемы бесплодия, а поскольку число бесплодных пар увеличивается, то, соответственно, возрастает и число детей из пробирки. На данный момент таких детей в мире уже 1 миллион, в год появляется около 30 000. В основном, конечно, в развитых странах. У нас лоббисты новых репродуктивных технологий тоже стремятся урвать из бюджета как можно больше средств. И, поскольку бюджет ограничен, как-то так получается, что суммы, выделяемые на лечение бесплодия, приходится урезать. Традиционно настроенные специалисты возмущены: почему? А потому, что они не читали Хаксли и не чувствуют веяний времени.

С противоестественным рождением детей дела пока обстоят не так успешно, но работы ведутся. «Клонировать людей все равно будут, — уверяют ученые. — Запрещай — не запрещай!» Вот что пишет публицист Иван Леонов: «Летом 2009 года BBC News сообщило о сенсационном достижении британских биологов из университета Ньюкасла под руководством профессора Karim Nayernia — о создании искусственной спермы человека из стволовых клеток. Стволовые клетки были выделены из эмбрионов человека возрастом несколько дней, оставшихся после экстракорпорального оплодотворения. «Нам впервые удалось создать жизнь при помощи искусственной спермы», — заявил в интервью BBC профессор Nayernia. Подобные опыты проводятся в США, Японии. СМИ тут же подхватили сообщение, причем на са-

---

мом бульварном уровне. Теоретически такой способ оплодотворения таит в себе огромные возможности, захлебываются от эйфории СМИ. Это означает, что ребенок может родиться без участия мужчины или донорской спермы. Будет решена проблема мужского бесплодия. В будущем планируется подобным образом вывести здоровую, способную к оплодотворению женскую яйцеклетку, чтобы решить проблему бесплодия многих женщин».

В одном ряду с подобными изысканиями и заметное сокращение числа естественных рождений, ведь появление на свет путем кесарева сечения — это тоже, согласитесь, не вполне естественные роды. Во многих странах так теперь рожают до 50—60% женщин! При этом убивают сразу двух зайцев: женщин, по сути, отучают от естественных родов, внушая, что рожать естественным образом опасно, хотя на самом деле кесарево, представляющее собой полостную операцию, гораздо опаснее для матери (поскольку рубец на матке может в дальнейшем создавать серьезные проблемы для женского здоровья) и даже для ребенка, у которого при резкой перемене давления нередко возникают различные мозговые нарушения вплоть до микрокровоизлияния в мозг. Кроме того, кесарево позволяет достаточно эффективно сокращать рождаемость, так как следующая беременность рекомендуется не раньше, чем через два-три года. А еще одна и вовсе не рекомендуется. Собственно, поэтому творцы «прекрасного нового мира» и взяли эту операцию на вооружение.

К слову, плановая экономика в области демографии, казавшаяся такой фантастичной в романе Хаксли, теперь никого не удивляет. Китай несколько десятилетий жил под лозунгом, приравненным к приказу: «Один ребенок на семью». Сейчас из-за возникших демографических перекосов план по деторождению несколько изменился, но планирование все равно не отменено. О необходимости ускоренными темпами сокращать рождаемость в тех или иных странах открыто говорится с трибуны ООН. В Индии недавно запущена новая программа, направленная на мужчин: «Автомобиль в обмен на стерилизацию». Новизна, впрочем, относительная. Подобные мотивационные акции начали проводить еще при жизни Хаксли. Правда, тогда награда выглядела скромнее. Могли предложить коробку мыла или элементарную медицинскую помощь для уже рожденных детишек. Кстати, и количество обитателей «прекрасного нового мира», указанное в романе, составляет 2 миллиарда человек. Интересно, что именно эта цифра на протяжении многих десятилетий приводится в качестве оптимальной сторонниками идей

«Римского клуба», выпустившего в 1960-е годы доклад «Пределы роста», с которого, собственно, и начались программы по планоному сокращению рождаемости на Земле. Но Хаксли-то назвал эту цифру на 30 лет раньше!

Пожалуй, нам стоит двинуться за студентами в следующий зал — зал предопределения, где зародыши помещаются в заведомо неравноценные условия, поскольку они, когда созреют, должны принадлежать к разным кастам и обладать запрограммированными свойствами, чтобы наиболее эффективно выполнять предназначенную для них работу.

О том, что глобалистское общество будущего, представляющее собой Мировое Государство, которое упоминалось в самом начале романа, должно быть кастовым, пока официально не говорится. Об этом можно прочитать в антиглобалистской литературе, но, чтобы избежать обвинений в конспирологии, мы эту тему педалировать не будем. Скажем только, что гениальная инженерия успешно развивается, и возможность заказать определенные внешние данные и даже дарования своего будущего ребенка становится все более пред-ставимой.

Формирование «правильных» установок

Теперь пройдем за студентами в «Младопитомник. Залы неопавловского формирования рефлексов». Автор описывает жуткую процедуру выработки у младенцев касты «дельта», одной из низших каст, отвращения к книгам и цветам. То есть к знаниям и природе. Восьмимесячных младенцев привозят в зал, где стоят прекрасные розы и лежат книжки с яркими иллюстрациями. И когда малютки доползают до них, их пугают звуками воющей сирены, а потом, чтобы закрепить отрицательный рефлекс, включают подведенный к полумок. И вскоре, когда малышам уже без сирен и тока показывают вазы с цветами и картинки, они съеживаются от ужаса и начинают реветь.

Тут, наверное, кто-нибудь возразит: дескать, в реальности до сих пор младенцев сиренами не пугают и током не бьют. Что правда, то правда. Но сам принцип образной и понятийной склейки чего-то прекрасного, возвышенного с тем, что вызывает презрительный смех или даже отвращение, стал одним из главных принципов обработки массового сознания с самого раннего возраста. И наоборот, современная масс-культура целенаправленно приучает детей любить безобразное. Все эти монстры, киборги, человеки-пауки, черепашки-ниндзя, куклы Братц, трансформеры и т.п. благода-

---

ря широкой рекламе становятся для детей чем-то крайне заманчивым, притягательным, вожаемым. В результате у них не только портится вкус, но и искажаются ценностные ориентиры, деформируются психика и личность. Причем происходит это именно в том направлении, в котором сызмальства формировали граждан «прекрасного нового мира».

Что характерно для их психологии? Прежде всего потребительство. Хочется особо отметить, что в конце 1920-х годов, когда писался роман, никакого общества потребления в мире не было и в помине. Америка приближалась к Великой депрессии, Европа никак не могла оправиться после Первой мировой войны и двигалась в сторону фашизма, в России только начались индустриализация и коллективизация, так что потреблять было особо нечего и не на что. Подавляющее большинство прочих стран и вовсе были колониями, где царил страшная эксплуатация и нищета. Хаксли же удивительно точно описал то, что стали создавать через три-четыре десятилетия. Он даже четко продемонстрировал, как в этом обществе потребности не только удовлетворяются, а — что принципиально важно! — **формируются** при помощи манипуляций сознанием. Любопытно, правда?

Путем гипнопедии, внушения во сне (сейчас с этим успешно справляется телевизор, вгоняющий человека в транс, в котором внушение особенно сильно действует) героев Хаксли приучали постоянно потреблять, любить все новое. «Овчинки не стоят починки»; «Чем старое чинить, лучше новое купить»; «Прорехи зашивать — беднеть и горевать» — эти и другие установки ежедневно получали дети в рамках нового нравственного воспитания. И усваивали их на всю свою счастливую жизнь.

Что-то, а уж это осуществилось на Западе, и особенно в США, по полной программе. Да и у нас потребительская психология стремительно оккупирует человеческие души. Разве что бедность пока мешает этой психологии стать массовой. Ну, а кто побогаче, те выбрасывают на помойку не только сломанные вещи и приборы (которые можно было бы починить), но и вполне исправные, потому что они, как теперь принято выражаться, «морально устарели». И делают это с каким-то особым чувством: дескать, именно так должны теперь жить белые люди.

Кстати, какое вроде бы идиотское словосочетание: «морально устареть»! При чем тут мораль? Но, исходя из логики «прекрасного нового мира», это не такой уж абсурд. Во всяком случае, какая-то, пусть косвенная, связь с моралью здесь существует, поскольку отлынивать от постоянного обновле-

---

ния вещевого арсенала аморально для потребителей. Праведный потребитель должен потреблять постоянно, иначе по какому праву он небо коптит? В связи с этим и отучение от книги приобретает дополнительный смысл. О том, что невежественной чернью, у которой не развито мышление, легче управлять, знали еще в древности. Но для общества потребления культура неприемлема еще и тем, что, цитируем Хаксли: «...сидя за книгой, много не потребишь». Особенно за серьезной книгой, которую нельзя просмотреть по диагонали.

Хаксли рисует общество, в котором не знают и знать не желают о Шекспире, историю презирают и тоже выбрасывают на помойку как морально устаревшую. «История, — заявляет Постоянный Главноуправитель Западной Европы, один из десяти Главноуправителей мира, — сплошная чушь». «Он сделал сметающий жест, словно невидимой метелкой смахнул горсть пыли, и пыль та была Ур Халдейский и Хараппа; смел древние паутинки, и то были Фивы, Вавилон, Кнос, Микены. Ширк-ширк метелочкой — и где ты, Одиссей, где Иов, где Юпитер, Гаутама, Иисус? Ширк! — и прочь полетели крупинки античного праха, именуемые Афинами и Римом, Иерусалимом и Средним царством. Ширк! — и пусто место, где была Италия. Ширк! — сметены соборы; ширк-ширк! — прощай, «Король Лир» и Паскалевы «Мысли». Прощайте, «Страсти», ау, «Реквием»; прощай, симфония; ширк! ширк!..»

В наши дни это уже вовсе не фантастика. «Человек толпы», еще 20 лет назад стеснявшийся своих ограниченных знаний в области науки, культуры и искусства, теперь нисколько этим не смущен. А тех, кто такими знаниями обладает, презрительно называет «ботаник». (Нет ли и тут отдаленной переключки с Хаксли? Ведь малышам касты «дельта» прививали нелюбовь именно к растительному миру, к ботанике, поскольку плановому потребительскому обществу нужно, чтобы его члены, выезжая за город и, соответственно, загружая транспорт, не любовались цветочками и листочками, а занимались такими видами спорта, которые требуют дорожного оборудования и инвентаря.)

Взрослые и детские забавы

Но массы, насыщенные хлебом (а голод, как мы уже упоминали, в «прекрасном новом мире» побежден), требуют зрелищ. Правители и об этом позаботились. «Летишь вечером в ощущалку, Генри? — спрашивает один герой другого. — Я слышал, сегодня в «Альгамбре» первоклассная новая лента.

Там любовная сцена есть на медвежьей шкуре — говорят, изумительная. Воспроизведен каждый медвежий волосок. Потрясающие осязательные эффекты».

Ну и что? Разве, глядя из сегодняшнего дня, мы усматриваем в этом нечто небывалое? В последние годы только и слышишь про спецэффекты в кино, причем нередко в таком контексте: фильм, дескать, не ахти, зато спецэффекты потрясающие! Осязательных, правда, пока не добились, но это, как уверяют ученые, дело недалекого будущего. А вот запахи и трехмерное изображение, создающее так называемый «эффект присутствия», — это сколько угодно. В Японии даже появилась первая виртуальная певица. Ее не только слышат, но и видят. И не на экране, установленном на сцене, а как живую. Голосок еще немного ненатуральный, электронный, но наука развивается и в этом направлении.

Фиксация именно на эротической сцене в ощущалке тоже не случайна. В конце 20-х годов прошлого века это свидетельствовало об очень смелой фантазии автора и в реальном кино было совершенно непредставимо. Сейчас же, напротив, почти не встретишь фильма без подобных сцен. Даже если они совсем ни к селу ни к городу и производят впечатлительное чего-то вымученного. Как будто этого требует цензура (которой якобы нет): не вымарать, а, наоборот, **вставить** «сексуальный стимул». Впору вспомнить советское время, когда в любую диссертацию, даже на тему усовершенствования доменных печей, полагалось вставлять цитаты из классиков марксизма. Без этого диссертационную работу не принимали в ВАК (Высшую аттестационную комиссию). И делалось это не из-за прихоти какого-нибудь маразматического чиновника, а потому, что вся жизнь в государстве должна была быть пронизана марксистско-ленинской идеологией.

А в «прекрасном новом мире» в качестве важнейшей идеологической составляющей выступает тотальная сексуализация. Детей с самого нежного возраста обучают основам секса. В странах Запада это уже давно не подлежит обсуждению. «Секс-просвет» входит в программы дошкольного воспитания где с 5, а где и с 3 лет. Во второй половине 1990-х годов пришлось приложить огромные усилия к тому, чтобы наша страна не последовала этому примеру. Все было готово: от программ, наскоро переведенных с английского и голландского языков, до обучающих мультфильмов и муляжей. Но, слава богу, планы эти реализовать не удалось, хотя периодические вылазки «просвещенцев» в школы происходят. А в журналах для родителей можно прочитать о том, что ни в коем случае не надо препятствовать эротическим детским играм,

---

поскольку они якобы способствуют нормальному взрослению ребенка.

Что ж, Хаксли выразительно описал в своем романе и такие развивающие игры:

«В траве на лужайке среди древовидного вереска двое детей — мальчик лет семи и девочка примерно годом старше — очень сосредоточенно, со всей серьезностью ученых, углубившихся в научный поиск, играли в примитивную сексуальную игру.

— Очаровательно, очаровательно! — повторил сентиментально Директор.

— Очаровательно, — вежливо поддакнули юнцы. Но в улыбке их сквозило снисходительное презрение. Сами лишь недавно оставив позади подобные детские забавы, они не могли теперь смотреть на это иначе как свысока. Очаровательно? Да просто малыши балуются, и больше ничего. Возня младенческая.

— Я всегда вспоминаю... — продолжал Директор тем же слащавым тоном, но тут послышался громкий плач.

Из соседних кустов вышла няня, ведя за руку плачущего мальчугана. Следом семенила встревоженная девочка.

— Что случилось? — спросил Директор.

Няня пожала плечами.

— Ничего особенного, — ответила она. — Просто этот мальчик не слишком охотно участвует в обычной эротической игре. Я уже и раньше замечала. А сегодня опять. Расплакался вот...

— Ей-форду, — встрепенулась девочка, — я ничего такого хорошего ему не делала. Ей-форду. (Форд — это предтеча и божество обитателей «прекрасного нового мира». — И.М., Т.Ш.)

— Ну конечно же, милая, — успокоила ее няня. — И теперь, — продолжала она, обращаясь к Директору, — веду его к помощнику старшего психолога, чтобы проверить, нет ли каких ненормальностей.

— Правильно, ведите, — одобрил Директор, и няня направилась дальше со своим по-прежнему ревушим питомцем. — А ты останься в саду, деточка. Как тебя зовут?

— Полли Трощкая.

— Превосходнейшее имя, — похвалил Директор. — Беги-ка поищи себе другого напарничка.

Девочка вприпрыжку побежала прочь и скрылась в кустарнике.

— Прелестная малютка, — молвил Директор, глядя ей вслед, затем, повернувшись к студентам, сказал: — То, что я вам сообщу сейчас, возможно, прозвучит как небылица. Но

для непривычного уха факты исторического прошлого в большинстве звучат как небылица.

И он сообщил им поразительную вещь. В течение долгих столетий до эры Форда и даже потом еще на протяжении нескольких поколений эротические игры детей считались чем-то ненормальным (взрыв смеха) и, мало того, аморальным («Да что вы!») и были поэтому под строгим запретом.

Студенты слушали изумленно и недоверчиво. Неужели бедным малышам не позволяли забавляться? Да как же так?

— Даже подросткам не позволяли, — продолжал Директор, — даже юношам, как вы...

— Быть того не может!

— И они, за исключением гомосексуализма и самоуслаждения, практикуемых украдкой и урывками, не имели ровно ничего.

— Ни-че-го?

— Да, в большинстве случаев ничего — до двадцатилетнего возраста.

— Двадцатилетнего? — хором ахнули студенты, не веря своим ушам.

— Двадцатилетнего, а то и дольше. Я ведь говорил вам, что историческая правда прозвучит как небылица.

— И к чему же это вело? — спросили студенты. — Что же получалось в результате?

— Результаты были ужасающие, — неожиданно вступил в разговор звучный бас».

Меры безопасности

Поощряя детскую сексуальность, наставники в романе Хаксли точно так же, как теперь в «цивилизованном» мире, тщательно дрессируют подопечных на предмет использования противозачаточных средств. Героиня — ее зовут Линайна — носит похожий на патронташ мальтузианский пояс, кармашки которого набиты контрацептивами. В годы написания романа гормональной контрацепции еще не существовало, да и так называемая «барьерная» была во многих странах запрещена, но с тех пор сторонникам «планирования семьи» удалось произвести, как они сами ее назвали, контрацептивную революцию. Мальтузианский пояс, правда, в современный обиход не вошел, но «ответственные родители» на Западе собственноручно кладут в карман сыну и дочери презерватив. В последнее время, кстати, в Европе налажен выпуск этих изделий для двенадцатилетних отроков — детского размера.

Для борьбы с «незапланированной беременностью» в ро-мане Хаксли широко применяется стерилизация, что тоже с успехом воплощено в жизнь. На Западе к этому «чудесному способу хирургической контрацепции» (цитата из рекламного буклета) обращается до 30% и больше от общего числа семейных пар. А в контрацептивно-прогрессивной Канаде одних только женщин репродуктивного возраста (15—49 лет), «имеющих партнера», стерилизовано около трети — 31%! Плюс еще мужчины — там это весьма популярно.

Нормального деторождения, как мы уже знаем, в «прекрасном новом мире» не существует. Оно считается преступным. Но тем, кто не стерилизован, доктора периодически рекомендуют пройти курс «псевдобеременности». Врачи, ведающие «основным инстинктом», играют жреческую роль в жизни обитателей антиутопии: их советам следуют безоговорочно, им доверяют абсолютно.

Впрочем, и тут аналогия с современностью практически полная. В западных странах, где давно хозяйничает «планирование семьи», девочки со школьной скамьи привыкают слушаться «своего гинеколога» больше, чем маму с папой, годами пьют гормональные контрацептивы, которые якобы совершенно безвредны, потом лечатся от ожирения, бесплодия, рака молочной железы, но при этом не связывают одно с другим и по-прежнему доверяют «компетентным специалистам в области женского здоровья».

«Доктор Уэллс сказал, что трехмесячный курс псевдобеременности поднимет тонус, оздоровит меня на три-четыре года», — сообщает приятельница Линайны.

Казалось бы, уж такая очевидная глупость воплотиться не может! Ан нет! В 1990-е годы, когда «планировщики» действовали в России нахраписто — как в странах третьего мира, — сокращая рождаемость любыми способами, некоторые женщины изумленно рассказывали, что гинеколог уверяет, будто бы беременность, заканчивающаяся абортom, полезна для организма. А одна докторица даже для убедительности сослалась на личный опыт: дескать, она и сама периодически прибегает к такому методу омоложения...

Приняв все необходимые меры предосторожности, обитатели мира Хаксли наслаждаются «безопасным сексом» до самой смерти. Под лозунгом «каждый принадлежит каждому» поощряется промискуитет, который называется «взаимопользованием полов». Долго иметь дело с одним и тем же партнером считается неприличным. Понятия любви и даже влюбленности отсутствуют. Когда уже упомянутый нами Дикарь читает одному из самых рафинированных интеллек-

---

туалов, Гельмгольцу, «Ромео и Джульетту», он наталкивается на полное непонимание.

«Сцену их первой встречи, — пишет автор, — Гельмгольц прослушал с недоуменным интересом. Сцена в саду восхитила его своей поэзией, однако чувства влюбленных вызвали улыбку. Так взвинтить себя из-за взаимопользования — смешновато как-то». Дочитать трагедию до конца Дикарю не удалось, так как, услышав о страданиях Джульетты, которую хотели выдать замуж за Париса, Гельмгольц зашелся от хохота.

«Отец и мать (непотребщина в квадрате!) тащат, толкают дочку к взаимопользованию с неприятным ей мужчиной! А дочь, идиотка этакая, утаивает, что взаимопользуется с другим, кого (в данный момент, во всяком случае) предпочитает! Дурачки непристойная ситуация, в высшей степени комичная. До сих пор Гельмгольцу еще удавалось героическим усилием подавлять разбиравший его смех; но «родная мать» (страдальчески, трепетно произнес это Дикарь) и упоминание о мертвом Тибальте, лежащем во мраке склепа — очевидно, без кремации, так что весь фосфор пропадает зря, — мать с Тибальтом доконали Гельмгольца. Он хохотал и хохотал, уже и слезы текли по лицу, и все не мог остановиться...»

Упразднение родительства

Вас, наверное, удивила такая негативная реакция («непотребщина в квадрате») на упоминание о матери с отцом. Но ничего удивительного тут нет. В мире Хаксли семьи не существует. Слова «отец» и «мать» считаются неприличными и фактически находятся под запретом. До недавнего времени уж это-то казалось не только неосуществимой, а даже невозможной фантастикой. Но — нет! В 2010 году мир облетела новость, что Госдепартамент США запретил использовать в официальных бумагах слова «отец» и «мать», заменив их на «родитель №1» и «родитель №2». Впрочем, в духе «прекрасного нового мира» и термин «родитель» рано или поздно будет упразднен. В романе Хаксли все дети росли в воспитательных центрах. На Западе, где прочно воцарилась ювенальная юстиция, все больше детей под разными предлогами изымается из семьи. У нас в последние годы эту систему тоже пытаются внедрить. Отсюда — попытки расширить права органов опеки, изменить законодательство в ювенальную сторону, дискриминационная финансовая политика в сфере поддержки кровных семей и т.п.

В конце 2010 года все, даже отъявленные либералы, были шокированы известием о том, что Общественная палата

собирается представлять на Госсовете президенту некий форсайт-проект (то есть проект будущего) «Детство-2030». Текст был таким нагло, таким **неправдоподобно** антисемейным, что многие сочли его творчеством умалишенных.

Вот что значит столько лет прозябать за железным занавесом! Какая же это маргинальщина? Самый что ни на есть мейнстрим. Читайте Хаксли, господа. Он еще в другом «форсайте—30» — 100 лет назад! — все наметил. Наши отечественные форсайтчики куда мягче, куда осторожней в выражениях: дескать, кровная семья безнадежно устарела... Хаксли выражается с солдатской прямоотой. И куда только подевалась его интеллектуальная утонченность? «Родной, родимый дом — в комнатенках его, как сельди в бочке, обитатели: мужчина, периодически рожаящая женщина и разновозрастный сброд мальчишек и девчонок. Духота, теснота; настоящая тюрьма, притом антисанитарная, темень, болезни, вонь.

(Главноуправитель рисовал эту тюрьму так живо, что один студент, повпечатлительнее прочих, побледнел и его чуть не стошнило.)»

«Родительская любовь — тоже устаревший миф», — ласково нашептывают авторы нашего, отечественного форсайта.

Хаксли же и тут рубит сплеча: «А в духовном смысле родной дом был так же мерзок и грязен, как в физическом. Психологически это была мусорная яма, кроличья нора, жарко нагретая взаимным трением стиснутых в ней жизнью, смердящая душевными переживаниями. Какая душная психологическая близость, какие опасные, дикие, смрадные взаимоотношения между членами семейной группы! Как помещанная, тряслась мать над своими детьми (своими! родными!) — ни дать ни взять как кошка над котятками, но кошка, умеющая говорить, умеющая повторять без устали: «Моя детка, моя крохотка».

У Хаксли все дети без исключения растут в воспитательных центрах, то есть в детских домах. Авторы российского «форсайта» гуманно предлагают альтернативы в виде различных «воспитательных сообществ». Даже идею отмены школы, закачки информации прямо в мозг через Интернет, которая так шокировала либерально настроенных граждан, доморощенные методологи слизали у творца «прекрасного нового мира». Он, правда, несмотря на свои гениальные прогностические способности, до чипов не додумался. Вот что видят студенты, когда на продолжающейся экскурсии их знакомят с гипнопедией (для нашей цивилизации это уже вчерашний день): «Они вошли и оказались в сумраке зашторенного спального зала. У стены стояли в ряд 80 кроваток.

Слышалось легкое, ровное дыхание и некий непрерывный бормоток, точно слабенькие голоса журчали в отдалении.

Навстречу вошедшим встала воспитательница и застыла навтыяжку перед Директором.

— Какой проводите урок? — спросил он.

— Первые 40 минут были уделены началу секса, — ответила она. — А теперь переключила на основы кастового самосознания.

Директор медленно пошел вдоль шеренги кроваток. 80 мальчиков и девочек тихо дышали, раздумываясь от сна. Из-под каждой подушки тек шепот».

Тихий, но отчетливый голос перечислял преимущества их принадлежности к касте «бета»: «До подъема им повторят это еще разочков 40 или 50, затем снова в четверг и в субботу. Трижды в неделю по 120 раз в продолжение 30 месяцев», — сказал директор. И добавил: «Покуда наконец все сознание ребенка не заполнится тем, что внушил голос, и то, что внушено, не станет в сумме своей сознанием ребенка. И не только ребенка, а и взрослого — на всю жизнь. Мозг рассуждающий, желающий, решающий — весь насквозь будет состоять из того, что внушено. Внушено нами!.. Внушено Государством!»

Культура развлечений

В «прекрасном новом мире» побеждены не только болезни, но и старость: «В недобрые прежние времена старики отрекались от жизни, уходили от мира в религию, проводили время в чтении, в раздумье — сидели и думали!.. Теперь же настолько шагнул прогресс: старые люди работают, совокупаются, беспрестанно развлекаются; сидеть и думать им некогда и недосуг». Ну чем не современная западная действительность? Да и у нас уже пропагандируют «секс для пожилых» и чудодейственные средства, которые этому споспешествуют. Что же касается беспрестанных развлечений, то ради них и из дома выходить не надо, только включи телевизор — и развлекайся до умопомрачения.

Вообще любопытно, что развлечения в мире Хаксли как-то уж очень напоминают современные стандарты культурного отдыха: «В последовавшие затем недели она не раз подумывала, а не отменить ли поездку в Нью-Мексико и не слетать ли взамен с Бенито Гувером на Северный полюс. Но только была она уже на полюсе — недавно, прошлым летом, с Джорджем Эдзелом, — и безотрадно оказалось там. Заняться нечем, отель до жути устарелый: спальни без телевизоров, и

запахового органа нет, а только самая наидряннейшая син-музыка, и всего-навсего 25 эскалаторных кортов на 200 с лишним отдыхающих».

И понимание свободы как возможности беспрестанно развлекаться и наслаждаться тоже вполне узнаваемо. Тут можно возразить: «А что нового в таком понимании свободы? Разве когда-нибудь было иначе?»

Но мы зададим встречный вопрос: когда, в какие исторические эпохи были тождественные приоритеты? И, пожалуй, кроме Древнего Рима периода упадка ничего больше не припомним. Да и там, кстати, так жила весьма незначительная часть привилегированного населения. А остальные, пока те наслаждались, обеспечивали им эту возможность. В христианском же мире понимание свободы как беспрепятственных наслаждений было невозможно. Даже те, кто по социально-экономическому положению мог себе такое позволить (и, по слабости человеческой природы, позволял!), не провозглашали это как нравственную норму.

Не будем долго распространяться про очевидное, но все же напомним, что в христианстве имеет ценность лишь свобода от греха. Те же развлечения, которые живописует Хаксли и которые с какой-то маниакальной назойливостью навязывают современным людям сильные мира сего (и многие уже на эту приманку уловляются), — эти развлечения не просто греховны, а представляют собой прямо-таки торжество порока. Порока, возведенного в норму и даже ставшего эталонным поведением. Разврат, в том числе детский (о содомии Хаксли писать, видимо, не решился, хотя намеки на это «развлечение» в книге есть), коллективное беснование на «сходках единения» (так у Хаксли называется сатанинская пародия на агапы, которые были приняты у первых христиан), легальное и поголовное употребление наркотиков — сегодня все вышеперечисленное является отнюдь не гипотетическими, а вполне реальными целями глобалистов. Целями, которые, как теперь принято говорить, находятся в шаговой доступности. В европейских школах программы «сексуального воспитания» давно стали реальностью, а 25 октября 2010 года на заседании ООН один из специалистов в области образования Вернор Мунозу предложил ввести обязательное «сверхнародное» и «всемирное» сексуальное воспитание для детей **от 5 лет** во всех государствах ООН, что вызвало бурную дискуссию между членами ООН. Книга, которая послужила фундаментом для этого предложения, гласит: «Радость секса должна быть главной целью общего сексуального воспитания». Более того! «Право может быть полностью гаран-

---

тировано только тогда, когда дети пройдут курс общего сексуального воспитания сразу, в начале их школьного обучения».

Новая религия

Попытки создания некоей универсальной религии пока не увенчались успехом, однако носят весьма активный характер. То мы узнаем, что где-то строится храм для представителей самых различных религиозных культов, то, когда мы приезжаем за границу, нам предлагают посетить в качестве туристского объекта бахаистский сад. Но вовсе не для того, чтобы мы полюбовались экзотическими растениями, а чтобы познакомить с новой религией, созданной в XIX веке и утверждающей единство всех религий.

Но есть и более серьезные явления. В 1893 году деятели наднациональной элиты из числа членов масонских лож сформировали Всемирный парламент религий, который впервые публично поставил вопрос о создании Организации объединенных религий. 100 лет все шло ни шатко ни валко, но в конце XX века процесс активизировался. Особенно радели о создании Организации объединенных религий епископ американской епископальной церкви В. Свинг и... бывший генсекретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев. Не правда ли, неожиданно для марксиста-атеиста? В 1993—1997 годах Свинг объехал много стран, но поддержки от лидеров главных мировых религий не получил. Зато руководители сект, оккультных и сатанинских сообществ откликнулись охотно. В сентябре 1995 года на территории бывшей военной базы США Президио, где теперь располагается американская резиденция Фонда Горбачева (тоже интересно, да?), этот фонд собрал свой первый всемирный форум, на котором была оглашена основная задача на ближайшую пятилетку: изложение «фундаментальных приоритетов, ценностей и действий, необходимых для руководства человечеством на пути развития первой глобальной цивилизации». На втором всемирном форуме уже говорилось, что «контроль над мировыми религиями — контроль над человечеством», и выдвигались идеи некоей глобальной этики, которая демонстративно противопоставляется девяти евангельским заповедям блаженства. В создании Организации объединенных религий заинтересован и вездесущий Фонд Рокфеллера. Но хотя в июне 1997 года было принято решение начать деятельность ООР с 2000 года, эта затея практически провалилась, поскольку ни одна из мировых религий не согласилась войти в Организацию объединенных ре-

---

лигий официально. Попытки наднациональной элиты поставить под контроль мировые религии пока не удались, но продолжают.

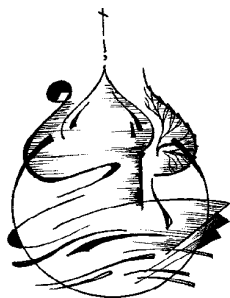
Что до легализации наркотиков — а в мире Хаксли наркотическая «сома» представляла собой неотъемлемый атрибут повседневной жизни, — то во многих странах наркотики уже частично разрешены. Где-то напрямую (легализация употребления марихуаны), а где-то — слегка закамуфлированно, под видом так называемой заместительной терапии, когда вместо героина потребителям за казенный счет выдают другой наркотик — метадон. В скандинавских странах людям прописывают лекарства, которые даже своим названием стилистически близки Хаксли — «таблетки счастья». Их пьют и взрослые, и даже дети. Пьют годами. Точный состав этого волшебного препарата нам узнать не удалось: русские, живущие в тех краях, стараются на «таблетки счастья» не садиться. Видимо, срабатывает здоровый консерватизм. Хотя можно предположить, что это антидепрессанты типа паксила, прозака (даже фильм такой есть — «Нация прозака») и т.п. Но и без точных данных о составе понятно, что у человека вырабатывается стойкая зависимость. Пьешь таблетки — есть счастье. Бросаешь — его как не бывало. Чем не «сома»?

Однако всего этого создателям реального нового мира уже мало. Программа-минимум, можно сказать, уже выполнена. И вот комитет ООН выступает с инициативой легализовать легкие наркотики уже не в отдельно взятой стране, а в масштабе земного шара. И глобальный финансист Сорос одобряет и поддерживает это «полезное» начинание.

ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА

Царица Небесная явилась богатой рязанской помещице Агафье Семеновне Мельгуновой в 1760 году, когда та шла из Муром в Саровский монастырь, находящийся на горе, при слиянии Сатиса и Саровки. Не доходя 12 верст до монастыря, Агафья Семеновна остановилась отдохнуть возле деревянной церкви в селе Дивеево. Сидя на штабеле бревен, она задремала и в легкой дремоте увидела Божию Матерь.

— Вот то самое место, которое Я повелела тебе искать на севере России... — сказала Богородица. — И вот здесь предел, который божественным промыслом положен тебе, живи и угождай здесь Господу Богу до конца дней твоих, и Я всегда буду с тобой и всегда буду посещать место это, и в пределе твоего жительства Я осную здесь такую обитель Мою, равной которой не было, нет и не будет никогда во всем свете: это четвертый жребий Мой во вселенной. И как звезды небесные и как песок морской умножу Я тут служащих Господу Богу и Меня Приснодеву, Матерь Света и Сына Моего

СИМВОЛ ВЕРЫ

Иисуса Христа величающих; и благодать Святого Духа Божия и обилие всех благ земных и небесных, с малыми трудами человеческими, не оскудеют от этого места Моего возлюбленного!

«Когда видение окончилось, — пишет в книге «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» священномученик Серафим (Чичагов), — мать Александра (монашеское имя Агафьи Семеновны Мельгуновой. — Н.К.) проснулась, оглядела местность, начала молиться горячими слезами и еле пришла в себя. Она дошла до Саровской пустыни в великой радости, так как этот монастырь процветал тогда святостью жизни многих великих и явных подвижников, постников, пещерников, старцев и затворников... Познакомившись с ними, она открыла им душу свою и попросила от них... совета и вразумления, как поступить ей в столь удивительных обстоятельствах».

Саровские старцы посоветовали Агафье Семеновне всецело предаться воле Божией и исполнять всё ей указанное Царицей Небесной.

Агафья Семеновна — ей было тогда чуть больше тридцати лет — исполнила совет саровских старцев...

Когда Агафья Семеновна принесла в Саров чудную весть об обещании Пресвятой Богородицы основать обитель, «равной которой не было, нет и не будет никогда во всем свете», будущего устроителя Дивеевского монастыря там не было. Еще ничего не слышал он в своем Курске ни о Дивеево, ни о Сарове, но именно с того времени начинаются поразительные события в его жизни, по датам совпадающие с важными событиями начальной истории Серафимо-Дивеевского монастыря.

В самом деле...

На следующий год после явления в Дивеево Агафье Семеновне Мельгуновой Пресвятой Богородицы, происходит чудесное спасение Прохора Мошнина. Его мать, Агафья Фотиевна, тоже уже ставшая, как и Агафья Семеновна, вдовой, отправившись осматривать строительство Сергиевой церкви, взяла с собою семилетнего сына. Во время осмотра работ она отвлеклась, и Прохор «по детской неосторожности упал с высоты здания».

Испуганная мать думала, что сын разбился насмерть, но каково же было ее удивление, когда она увидела его стоящим на ногах! Словно подхваченный чьими-то бережными руками, маленький Прохор благополучно опустился на землю.

И 1764 год, когда у Агафьи Семеновны Мельгуновой умерла дочь, мог стать печальным и в семье Мошниных. Прохор,

---

который рос крепким подростком, отличавшимся остротой ума, быстрою памятью и одновременно кротостью и смиреннием, тоже тяжело заболел. И вот, когда никто уже не надеялся на его выздоровление, явилась к нему во сне Пресвятая Богородица, пообещавшая придти и исцелить его. А на следующий день, 11 июня, состоялся крестный ход — несли Курскую-Коренную икону Божией Матери «Знамение»... Агафья успела вынести больного Прохора и, когда над ним пронесли чудотворную икону, мальчик начал поправляться.

Агафья Фотиевна Мошнина завершила строительство церкви в Курске, ставшей Сергиево-Казанским собором, в 1771 году. Примерно тогда же (главный придел был освящен в 1772 году) завершила строительство Казанской церкви в Дивеево и Агафья Семеновна Мельгунова.

Перечень совпадений можно продолжать и далее, вплоть до 1789 года, когда отец Пахомий с саровским казначеем отцом Исаией и иеродиаконем отцом Серафимом заехали в Дивеево навестить больную Агафью Семеновну Мельгунову.

«Мать Александра была больна и, получив от Господа извещение о скорой кончине своей, просила отцов-подвижников, ради любви Христовой, особоровать ее, — пишет в «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» священномученик Серафим (Чичагов). — Отец Пахомий сперва предлагал отложить елеосвящение до возвращения их из Лемети, но святая старица повторила свою просьбу и сказала, что они ее не застанут уже в живых на обратном пути. Великие старцы с любовью совершили над ней таинство елеосвящения. Затем, прощаясь с ними, мать Александра отдала о. Пахомию последнее, что имела и накопила за годы подвижнической жизни в Дивееве. Матушка Александра умоляла о. Пахомия поминать ее в Сарове за упокой, не оставлять и не покидать неопытных послушниц ее, а также попечиться в свое время об обители, обетованной ей Царицей Небесной. На это старец о. Пахомий ответил: «Матушка! Послужить по силе моей и по твоему завещанию Царице Небесной и попечением о твоих послушницах не отрекаюсь, так же и молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благоденствий твоих не забудет, а в прочем не даю тебе слово, ибо я стар и слаб, но как же и братья за то, не зная, доживу ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим, духовность его тебе известна, и он молод, доживет до этого, ему и поручи это великое дело».

Матушка Агафья Семеновна начала просить о. Серафима не оставлять ее обители, как Царица Небесная Сама тогда наставить его на то изволит. Старцы простились, уехали, а

дивная старица Агафья Семеновна скончалась 13 июня, в день св. мученицы Акилины.

Отец Пахомий с братией на обратном пути как раз поспели к погребению матушки Александры. Отслужив литургию и отпевание соборно, великие старцы похоронили первоначальницу Дивеевской общины против алтаря Казанской церкви. Весь день 13 июня шел такой проливной дождь, что ни на ком не осталось сухой нитки, но о. Серафим по своему целомудрию не остался даже обедать в женской обители и тотчас после погребения ушел пешком в Саров».

Было тогда преподобному Серафиму Саровскому тридцать пять лет, еще не похож он был на сгорбленного отшельника с котомкой за спиной и суковатой палкой в руке с икон, но уже тогда начал открываться ему горний мир, так же, как обычным людям открывается мир дольний. По временам иеродиакон Серафим видал при церковных службах ангелов. Они принимали образы юношей, схожих ликами с вспышками молний, облаченных в белые золототканые одежды.

«Бысть сердце мое, — рассказывал потом преподобный Серафим, — яко воск тая от неизреченной радости. И не помнил я ничего от такой радости, помнил только, как ходил в церковь да выходил из нее». А однажды иеродиакон Серафим сподобился лицезреть самого Иисуса Христа. Случилось это во время литургии в Великий четверг.

«После малого выхода и паремий, — рассказывал потом преподобный, — вышедши в Царские врата, возгласил: «Господи, спаси благочестивыя и услышины! — и, наведя орарем на народ, окончил: — И во веки веков». Меня озарил свет, в коем я увидел Господа и Бога нашего Иисуса Христа во образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окруженного небесными силами, Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе, приблизясь в таком виде до амвона и, воздвигнув пречистыя Свои руки, благословил служащих и молящихся. Затем Он вступил в местный образ, что близ царских врат. Сердце мое возрадовалось тогда чисто просвещенно, в сладости любви к Господу».

После этого видения иеродиакон Серафим не мог сойти с места, не мог вымолвить ни слова. Иеродиакон под руки ввели его в алтарь, где он часа два стоял неподвижно. Лицо его поминутно менялось: то белело как снег, то переливалось румянцем...

А в 1793 году отец Серафим становится иеромонахом, и на следующий год просит у настоятеля отца Пахомия благословить его на жительство в Дальнюю пустынь.

«Это было последнее благословение, полученное о. Серафимом от мудрого, добродетельного и почтенного старца, ввиду болезни его и приближения смерти, — пишет Серафим (Чичагов) в «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря». — Отец Серафим, хорошо помня, как во время его болезни ходил за ним о. Пахомий, теперь сам служил ему с самоотвержением. Раз о. Серафим заметил, что к болезни о. Пахомия присоединилась еще какая-то душевная забота и печаль.

— О чем, отче святой, так печалишься ты? — спросил его о. Серафим.

— Я скорблю о сестрах Дивеевской общины, — ответил старец Пахомий, — кто их будет назирать после меня?

Отец Серафим, желая успокоить старца в предсмертные минуты, обещался сам назирать их и поддерживать все так же после смерти его, как было при нем. Это обещание успокоило и обрадовало отходящего ко Господу о. Пахомия. Он поцеловал о. Серафима и затем вскоре опочил мирным сном праведника. Отец Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия и с благословения нового настоятеля о. Исаии, так же горячо любимого, удалился в пустынную келью (20 ноября 1794 года), в день прихода в Саровскую пустынь».

Серафим Саровский относится к числу тех святых, в житии которых явно проступают черты и поступки, свойственные святым отцам первых веков христианства. Питался Серафим у себя в пустыни поначалу черствым хлебом, который приносил по воскресеньям из монастыря, но никто не знал, что довольствовался он лишь малой долей выданного хлеба, а большую часть раздавал птицам и лесным зверям, собиравшимся возле его избушки. Как утверждает Житие, преподобный Серафим и диким зверям внушал благоговение. Посетители святого видели близ него громадного медведя, которого он кормил с рук. Лицо преподобного было тогда светло и радостно.

А в дальнейшем преподобный вообще отказался от хлеба и питался лишь овощами со своего огорода. Потом и овощи стали не нужны. Два с половиной года обходился святой Серафим отваром из травы.

— Ты знаешь снитку? — рассказывал он незадолго до своей смерти. — Я рвал ее да в горшочек клал. Немного вольешь, бывало, в него воды и поставишь в печку — славное выходит кушанье.

— А зимой как вы снитку кушали? — спросила собеседница. — Где вы ее брали?

— Экая ты какая... — сказал святой Серафим. — На зиму я снитку сушил, и этим одним питался, а братия удивлялась, чем я питался! А я снитку ел... И о сем я братии не открывал, а тебе сказал.

— Батюшка! — спросили однажды у святого. — Видали ли вы злых духов?

— Они гнусны... — с улыбкой ответил старец. — Как на свет Ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно: потому что они гнусны...

«Уединение, молитва, любовь и воздержание, — говорил он, — суть четырехсоставная колесница, возносящая дух на небо». И это было не просто удачное сравнение, это была та реальность, с которой и жил преподобный. Пустынники Александр и Марк, навещая Серафима Саровского, часто заставляли его так глубоко погруженным в богомыслие, что он и не замечал их появления... Прощая час-другой, пустынники удалялись...

«Когда ум и сердце соединены будут в молитве и помыслы души не рассеяны, — говорил Серафим Саровский, — тогда сердце согревается теплотою духовной, в которой воссияет свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека».

Три года своей отшельнической жизни преподобный провел в совершенном молчании. Если он встречал кого-либо, смиренно кланялся ему и уходил...

«От молчания, — говорил он в последствии, — никто никогда не раскаивался...»

Еще один подвиг Серафима Саровского — подвиг столпничества. Тысячу дней и тысячу ночей простоял преподобный на камне. Днем — на камне у себя в келье, сходя только для принятия пищи. А вечером, на закате солнца шел в лесную чащу и стоял там на камне до рассвета с воздетыми к небу руками! И так — жарким летом и в лютой холод зимы...

Немыслимы были эти подвиги, никаких человеческих сил не могло хватить для совершения их, но они оказались под силу сторбленному, едва передвигающему распухшие ноги, отшельнику.

— В этом подвиге ощутительна была помощь благодати укрепляющей? — спросили у святого.

— Да... — отвечал старец. — Иначе сил человеческих не стало бы. Внутренне подкреплялся и утешался я этим небесным даром, нисходящим свыше от Отца светов.

Помолчал немного и добавил:

— Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами...

12 сентября 1804 года на Серафима напали грабители и начали требовать денег.

— Я ни от кого ничего не беру! — ответил им преподобный.

— Как же ты не берешь, если даже в монастырь за хлебом не ходишь. Если не скажешь, где у тебя деньги, мы убьем тебя! — разгневались разбойники.

У преподобного в руках был топор, которым он рубил дрова, и можно было бы отбиться, но вместо этого Серафим положил топор на пенек и сложил руки крестом на груди.

Один из грабителей ударил Серафима обухом топора по голове, изо рта и из ушей святого хлынула кровь, он упал на землю. А разбойники связали его и продолжали бить, пока им не показалось, что он уже мертв. Только тогда направились они в келью, но нашли там лишь несколько картофеля и икону.

Много времени спустя, когда разбойники ушли, преподобный Серафим очнулся и, развязав себя, поплелся в обитель, благодаря Господа за безвинное страдание и молясь о прощении грабителей. Истерзанный, покрытый запекшейся кровью появился преподобный перед братией. Когда его осмотрели, выяснилось, что проломлена голова, переломаны ребра, а на теле имеется несколько смертельных ран. Никакой надежды на спасение Серафима не было, но тут преподобный уснул и увидел во сне Божию Матерь... Сопровождаемая апостолами Иоанном Богословом и Петром, Богородица подошла к постели больного и сказала: «Сей от рода моего!». Проснувшись, Серафим почувствовал, что силы вернулись к нему, и к изумлению братии в тот же день встал с постели, и через несколько месяцев возвратился в пустынь...

За четыре года до восстания декабристов Царица Небесная явилась к преподобному Серафиму и велела ему принимать посетителей и давать им назидательные советы.

— Отцы написали, — поучал преподобный Серафим, — ищи Господа, но не испытуй, где Он живет... О Делах Божиих не рассуждай по насыщению своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение тайн Божиих? Прежде всего должно веровать в Бога... Вера без дел мертва, а дела веры — любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Лишь такая вера вменяется в правду.

«Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света... — учил Се-

---

рафим Саровский. — Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал».

Далеко не все, приходившие к келье преподобного, способны были воспринять его поучения, но те, которые следовали им, действительно, просвещались сиянием вечного света, и действительно, существовали в жизни сей, как бы не существуя.

Пример этому — брат и сестра Мантуровы, помещики из села Нуча верстах в сорока от Сарова. Михаил Васильевич Мантуров много лет служил в Лифляндии, заболел там и вынужден был уволиться от военной службы. Однако болезнь продолжала усиливаться, уже кусочки кости начали выпадать, и тогда Михаил Васильевич приказал отвезти его к отцу Серафиму.

— Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима? — спросил преподобный, выходя к больному из кельи.

Мантуров со слезами просил излечить его.

— Веруешь ли ты Богу? — строго спросил Серафим.

— Верую! — отвечал Мантуров. — Всею душой верую! Всем сердцем!

— Радость моя! — сказал преподобный. — Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему всё возможно от Бога, и потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, — помолюсь.

И, усадив Мантурова возле своего гроба, вынес святого еля, которым помазал ноги больного.

— По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую, — сказал он.

Потом надел на больного носки и когда тот встал, насыпал ему в фалды сюртука груды сухарей и велел идти в монастырскую гостиницу. Михаил Васильевич с тяжелой ношей пошел так, будто и не болел никогда.

Мантурову хотелось отблагодарить саровского чудотворца, но тот запротестовал:

— Радость моя! Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить... Что ты, батюшка... Это дело единого Господа, который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!

С этими словами и отпустил он Мантурова в имение, а когда тот вернулся назад, поскольку совершенно позабыл про болезнь, а как ему отблагодарить Бога за исцеление, так и не придумал, преподобный Серафим встретил его словами:

— Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь!

— Я не знаю, батюшка, чем и как... — сказал Мантуров. — Научите!

— Вот, радость моя, — весело сказал преподобный Серафим. — Всё, что имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!

Смутился Мантуров, вспоминая, что точно так же Спаситель предложил благочестивому юноше раздать всё имение и следовать за Ним, и юноша, который с детства исполнял все заповеди, не смог отказаться от богатства...

А он, Мантуров? Ведь он не один... У него молодая жена... Чем она будет жить?

— Оставь всё, радость моя, — сказал прозорливец Серафим. — Не пекись о том, о чем думаешь. Господь тебя не оставит... Богат не будешь, хлеб же насущный будешь иметь!

— Согласен, батюшка! — не раздумывая более, ответил Мантуров. — Что же благословите мне сделать?

По благословиению преподобного Мантуров отпустил на свободу своих крепостных людей, продал имение и купил в Дивееве на указанном чудотворцем месте пятнадцать десятин земли. Основные деньги преподобный наказал ему сохранять до времени.

О том, как протекала новая жизнь Мантурова, о попреках жены, о насмешках, которые приходилось сносить ему от знакомых, можно написать нравоучительную повесть. Но Михаил Васильевич перенес всё. Недаром преподобный Серафим считал его своим любимым учеником, называл Мишенькой и поручал ему всё, что касалось устройства Дивеево, когда исполнился срок, устраивать монастырь «как Царица Небесная Сама... изволит»...

А жизнь шла своим чередом, и многие важные для истории России события проходили незамеченными, потому что совершались они в глубокой тайне...

В Киеве прошел съезд «Южного общества»... Император Александр I подписал тайный манифест о назначении великого князя Николая Павловича наследником престола. Манифест запечатали в конверт, и на нем император Александр I своею рукой сделал надпись: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору в Успенском соборе прежде всякого другого действия»...

Вот в этом 1823 году преподобный Серафим и вручил Михаилу Васильевичу Мантурову кольцо, который надо было забить в землю в указанном им месте. Мантуров поручение исполнил в точности, но так и не понял, зачем это надо.

Через год чудотворец Серафим вручил Михаилу Васильевичу уже четыре колышка и велел вбить их всё там же, в Дивееве. И снова не понял Михаил Васильевич, что происходит...

А всё было просто. Стремительно раскручивалась пружина исторических событий, грозящих отбросить Россию в хаос революции. Словно в предчувствии надвигающейся катастрофы, 7 ноября 1825 года А.С. Пушкин завершает драму «Борис Годунов», и вот через двенадцать дней — в Таганроге после внезапной болезни умирает государь император Александр I. Скорбная весть добралась до Петербурга только 27 ноября.

Через полчаса после получения известия, под прямым давлением военного губернатора Петербурга М.А. Милорадовича великий князь Николай подписал присяжный лист. Началась поспешная присяга Константину.

3 декабря великий князь Михаил Павлович привез из Варшавы в Петербург письма Константина Павловича, который подтвердил свой отказ от престола. Этой ситуацией поспешили воспользоваться заговорщики-масоны. 9 декабря члены тайного общества выбрали будущего «диктатора» — князя Сергея Петровича Трубецкого. Но это — только вершина заговора, который так и не был расследован до конца.

Тайно вершилась на Руси государственная политика и заговоры... Прикровенно вершилась на Руси Воля Божия...

Почему-то никто из исследователей декабристского мятежа не обращает внимания, что между кончиной императора Александра I и событиями на Сенатской площади, как бы отодвигая их, встает дата 25 ноября 1825 года. Именно в этот день преподобному Серафиму Саровскому явилась Пресвятая Богородица и повелела ему выйти из затвора. Богородица указала преподобному место для основания Мельничной общины, которую она избрала своим земным приделом.

Царица Небесная Сама своими пречистыми стопами обошла участок земли, отведенный для будущего монастыря — знаменитую дивеевскую Канавку, которую по указанию преподобного Серафима и вырыли насельницы «мельничной общинки» вокруг своей обители. А там, где Михаил Васильевич Мантуров вбивал колышки, была построена мельница, ставшая питательницей насельниц...

Преподобный Серафим Саровский говорил, что слово «Дивеево» люди будут произносить не от названия села Дивеева, а от «дива дивного», которое здесь произойдет. Так и случилось...

Великая, чудная тайна связана с устроенной преподобным Серафимом Дивеевской обителью, с Канавкой, которая окружает ее владения...

У паломников существует поверье, что огарок свечи, с которой обойдешь Канавку, обладает благодатной силой. Свет этого огарка способен умиротворить неурядицы, отогнать страшные ночные призраки...

Идешь этим дивеевским путем по дорожке, что поворачивает вдоль Канавки, и взгляду открываются то хозяйственные постройки, то монастырские храмы, то деревья. Но как бы и не замечаешь открывающихся картин, повторяя снова и снова «Богородица дево радуйся».

И только голыми подошвами чувствуешь то раскаленность нагретых солнцем плит, которыми покрыта дорожка, то мягкую прохладу их в тени деревьев. И снова вспоминаются слова преподобного Серафима Саровского, который говорил: «Кто Канавку с молитвой пройдет, да полтораста «Богородиц» прочтет, тому всё тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев!». И такое ощущение на этой дорожке возникает сквозь молитву, словно по жизни идешь с Богородицей...

Саровский чудотворец Серафим вышел из затвора, когда он перевалил уже на седьмой десяток. Дивным светом сиял он, и многие паломники видели этот неизреченный свет, отогревались в его неземном сиянии, излечивались от самых тяжелых болезней...

Так жил этот великий угодник Божий, так он и завершил свой земной путь.

В воскресенье, 1 января 1833 года, в последний раз пришел преподобный Серафим в больничную церковь, деньги на которую собирал еще будучи послушником, поставил свечи перед всеми иконами, причастился Святых Таин и, когда завершена была Литургия, простился с братией. Всех благословил, всех поцеловал, всех утешил...

1833 год был памятен в истории России изданием 15-томного свода законов, явившегося итогом работы русской монархической мысли за последние века. Еще в этом году Высочайшим указом гимн «Боже, царя храни» объявили официальным Государственным гимном. Совпадение этих итоговых событий с кончиной преподобного Серафима можно назвать случайным, но разве было что-то случайное в житии этого великого светильника Православной Церкви и в годы земной жизни, и после кончины?

Мы живем, когда уже исполнились многие предсказания преподобного Серафима Саровского, а некоторые исполняются прямо на наших глазах, а иным еще только предстоит

исполниться, поэтому не будем толковать их, а воспримем в той полноте, которую вкладывал в них сам преподобный...

Кто еще из святых сгорблен на иконах так, как преподобный Серафим Саровский? Но как не сгорбиться, если годы подвижнического служения преподобного Серафима Саровского совпадают с попытками Романовых-Павловичей исправить ошибки, совершенные основателями династии, с усилиями Александра I и Николая I исправить ошибки, совершенные своеволием первых Романовых?

И молился преподобный Серафим и в своей земной жизни, и когда пришел срок предстать ему перед Престолом Божиим. Мистически это проявилось в близости последнего царя из династии Романовых саровскому чудотворцу. Кажется, единственному из Романовых, Николаю II удалось подчинить свою личную жизнь нормам православной морали, и вот оно, чудо! — единственный, восходит он в сонм святых.

В очерке к столетию со дня кончины преподобного Серафима Борис Зайцев вспоминал, что в юности он жил в четырех верстах от Сарова и сколько раз случалось ему проезжать на пикник мимо той самой пустыньки, возле которой тысячу дней и ночей стоял на камне Серафим Саровский! Все добивался — стяжать дар Духа Святого — Любовь: и стяжал!

Но «мы, — вспоминал писатель, — шли мимо — и не видели. Ехали на рессорных линейках своих — и ничего не слышали»...

Страшное признание. Шли мимо — и не видели... И разве только один Борис Зайцев был таким? Конечно, нет... Не понимал значения преподобного даже такой выдающийся мыслитель и государственный деятель, как К.П. Победоносцев... Не хотел канонизировать Серафима Саровского и Священный Синод...

Но душа народа узнала преподобного и полюбила его! Узнала и полюбила святого Чудотворца и душа нашего царя-мученика, императора Николая II. И этой любви не могли противостоять ни Синод, ни Победоносцев.

Велик был молитвенный подвиг, который удалось совершить тогда преподобному Серафиму, хотя еще сильнее, кажется, сгорбился он на своих иконах под неимоверной тяжестью. Впервые, быть может, с допетровских времен, так глубоко и полно воплощая всю чистоту монархической идеи, совпадают ощущения царя и народа...

Дивеевская тайна не исчерпана прославлением преподобного Серафима Саровского и рождением последнего наследника престола...

Не исчерпана она и революцией 1917 года и гибелью династии Романовых.

У истока этой династии, прошедшей путь от Ипатьевского монастыря до подвала дома Ипатьева в Екатеринбурге, стоял патриарх Филарет — отец царя Михаила Федоровича. Внуком патриарха Филарета был изгнан патриарх Никон. Правнуком — отменено патриаршество вообще. Восстановление патриаршества самым непосредственным образом связано с падением династии.

— Сегодня окончились торжества по перенесению мощей Преподобного Серафима Саровского. Мы останавливались и совершали богослужения во Владимире, Орехово-Зуеве, Гороховце, Вязниках, Нижнем Новгороде, Арзамасе. Люди встречали нас со свечами и слезами. Оглядываясь на пройденный путь, мы единодушно приходим к выводу, что шествие святых мощей по городам и весям России, от Невских берегов через Москву на нижегородскую землю было событием огромного значения... Сегодня наше общество с надеждой смотрит на церковь, потому что церковь, несмотря на все испытания, которые выпали на ее долю за тысячелетие, сохранила свои духовные ценности и идеалы и готова поделиться ими с обществом, которое находит дорогу к храму... — говорил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

И прозвучали эти слова 1 августа 1991 года, когда вместе со свободой обрушился на нашу страну девятый вал бесовщины и проповедников всех мастей, когда меньше трех недель оставалось до августовского переворота... И если мы не погибли, а выстояли в жестоком десятилетии реформ, способных, кажется, истребить любой другой народ, разве не было в этой победе молитвенного заступления нашего преподобного чудотворца?

Так, уже на наших глазах раскрывались новые страницы дивеевской тайны...

— Когда меня не станет, — наставлял своих чад преподобный Серафим Саровский, — ходите ко мне на гробик. Все, что ни есть у вас на душе, все — припадите да мне на гробик, припав к земле, как к живому, и расскажите. И услышу вас; и скорбь ваша пройдет! Как с живым со мною говорите: и всегда я для вас жив буду.

* * *

19 февраля 1927 года бюро Пензенского губкома ВКП(б) приняло постановление о ликвидации Саровского монастыря. Было признано целесообразным произвести изъятие мо-

---

шей преподобного Серафима Саровского до наступления «весеннего раздополя».

5 апреля 1927 года были вскрыты и изъяты из монастыря мощи, а сам монастырь закрыт, и в его стенах разместили Трудовую коммуну имени наркома Труда тов. В.В. Шмидта.

Впрочем, скоро коммуну сменил карантинный лагерь ОГПУ, который, в свою очередь, превратился в 1934 году в Саровский исправительно-трудовой лагерь НКВД, называемый в просторечии — Сарлаг. Интересно, что с 17 сентября 1933 года его начальником стал Иосиф Владимирович Тарашкевич, в бытность которого начальником Пензенского ОГПУ и ликвидировался Саровский монастырь. Всего два с половиной года Иосиф Владимирович начальствовал в освобожденном от монахов и святых мощей монастыре. В первых числах 1936 года его вызвали в Горький, и он исчез без следа, растворившись, как пахнувший серой дым.

Ну а Сарлаг обростал поселением и, возможно, ему была суждена судьба множества других русских монастырей, превращенных доблестными чекистами-ленинцами в лагерь и тюрьмы, но 9 апреля 1946 года вышло секретное постановление Совета Министров СССР №805-327сс «Вопросы лаборатории №2», согласно которому на территории поселка Саров решено было разместить подразделения «объекта №550»...

Уже в мае 1947 года в Сарове начали работать первые лаборатории и заводы КБ-11, и в результате через два с небольшим года здесь была изготовлена первая советская атомная бомба РДС-1,

Испытание ее провели на Семипалатинском полигоне 29 августа 1949 года.

Считается, что поселок на границе Горьковской области и Мордовской АССР для размещения сверхсекретного «объекта №550» выбрала комиссия, в которую входили руководящие работники Первого главного управления: заместитель наркома боеприпасов П.Н. Горемыкин, заместитель наркома транспортного машиностроения П.М. Зернов и профессор Ю.Б. Харитон. Не подвергая сомнению это свидетельство, отметим, что в выборе, хотя это и не осознавалось, учитывалась не только география, но и духовная история местности, ее духовный потенциал.

Конечно, на первый взгляд, кощунственно сравнивать великого молитвенника Серафима Саровского и советский атомный проект, но с другой стороны, молитва Серафима Саровского защищала Россию, и советская атомная бомба, созданная в Сарове, тоже ведь защищала нашу страну.

Мысль эта, затертая от частого употребления, неожиданно возникла во мне во время экскурсии по музею Российского Федерального Ядерного центра ВНИИЭФ в Сарове, где в просторном помещении выставлены были образцы «изделий», производимых в зашифрованном городе Арзамас-16.

Здесь, возле бомб и боеголовок, способных уничтожить целые страны и континенты, меня буквально ошеломила мысль, что созданные в Сарове бомбы — небывалое оружие не только по своей мощи, но и по самому принципу действия. В отличие от американских атомных бомб, обрушивших свою смертоносную силу на беззащитных женщин, детей и стариков Японии, бомбы, созданные в Сарове, никого не убивали, если не считать рабочих и солдат, погибших при их производстве и испытаниях. Бомбы, созданные возле обители, где совершал свои духовные подвиги великий русский святой Серафим Саровский, воевали просто тем, что они были созданы... Более того...

Эти бомбы нейтрализовали убийственную мощь американских бомб, которые — Хиросима и Нагасаки в том порукой! — наверняка были бы использованы американцами.

«Я поражаюсь и преклоняюсь перед тем, что было сделано нашими людьми в 1946—1969 годах, — писал Юлий Борисович Харитон. — Было нелегко и позже. Но этот период по напряжению, героизму, творческому взлету и самоотдаче не поддается описанию. Через четыре года после смертельной схватки с фашизмом моя страна ликвидировала монополию США на обладание атомной бомбой». Вспоминая эти слова, я подумал о том, что смертоносное оружие, которое несло мир и защищало жизнь, только на саровской намоленной земле и могло быть создано.

Видимо, пытаясь прорваться сквозь атеистические надолбы идеологии к постижению этой сути нового оружия, и переименовали в 1954 году секретный поселок Саров в город Кремлев.

Прост был Саровский Чудотворец. Прост был и путь, приведший его к вершинам святости...

Его детство проходило под залпы изнурительной и бессмысленной для России семилетней войны... Большой кровью русские войска одерживали тогда победы, занимали города, которые сразу же возвращались назад прусскому королю.

Будущему святому было восемь лет, когда закончилось следствие над бывшим канцлером А.П. Бестужевым. Его признали виновным в неудачах военной кампании 1757 года.

Бестужева приговорили к смертной казни, но императрица Елизавета Петровна заменила казнь ссылкой.

Командование действующей армией принял тогда генерал-аншеф П.С. Салтыков, и впервые за всю войну в сражении при Пальциге потери русской армии оказались меньше, чем у пруссаков. А вскоре Салтыкову удастся разгромить прусскую армию при Кунерсдорфе.

«Я несчастлив, что еще жив», — написал в тот день король Фридрих II.

Разумеется, все эти предательства и победы Семилетней войны, как и разбросанные по соседним годам свершения и разрухи правления Елизаветы Петровны, никак напрямую не связаны с сыном курского купца Исидора Мошнина, но вместе с тем, если вспомнить весь путь, пройденный преподобным, окажется, что связь эта существует...

Порою кажется, что и родился Серафим Саровский, чтобы связать прежнюю Святую Русь с новой, образовавшейся в результате петровских реформ Россией... Ведь вся его жизнь, все его подвиги, всё его духовное восхождение к снисканию Святого Духа — это ответ на вызов русской истории, это путь, на котором только и можно было соединить культуру и образование, заведенные Петром, с народной совестью, примирить русское общество.

«Многое изменилось и в нас, — писал Борис Зайцев в уже упомянутом нами очерке. — Тяжкий путь прошла русская интеллигенция — на родине почти погубленная, в изгнании тяжело дышащая (но живая!). Изгнание отделило ее физически от Сарова. Но прежнего Сарова ведь и нет. Саров уничтожен, разгромлен... Лишь Преподобный вознесен еще выше. Ослепительный его, серафический белый свет еще слепительней. Издали, с чужой бездомной земли не ближе ли он русским людям — некогда его не прославившим?»

Увы, это обретенное в изгнании прозрение не приближало к постижению великих саровских и дивеевских тайн. Снова не смогла осмыслить русская интеллигенция явления Серафима Саровского. Русским эмигрантам казалось, что преподобный Серафим отстраняется от России, погружившейся в пучину беззакония и кровавую вакханалию, уходит, исчезает навсегда...

«Может быть, и скорей почувствуешь, душою встретишь св. Серафима на грязных улицах рабочего Бианкура, чем некогда в комфортабельном и богатом доме Балыковского завода», — писал Борис Зайцев.

Но преподобный не уходил никуда из России. Он был рядом с нами, укрывшись на чердаке Казанского собора в блокадном Ленинграде. Преподобный слышал русских людей и молился за них, предстоя Престолу Божию! И вершились чудеса, каких никогда не бывало.

И, может быть, поэтому и не убивали никого созданные на саровской земле смертоносные бомбы и боеголовки! Вместо того, чтобы убивать, они не давали никого убивать такому же смертоносному, созданному в других краях оружию...

22 июня 1941 года Патриарший местоблюститель Сергей, митрополит Московский и Коломенский, обратился к пастырям и верующим с посланием.

«Повторяются времена Батия, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона, — писал он. — Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимы тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту границ нашей родины. Господь нам дарует победу».

Читаешь послание Патриаршего местоблюстителя Сергея (Страгородского), и спадает с глаз пелена. Действительно, сколько прочитано книг о войне! Воспоминания и романы, исторические исследования и сборники документов... И все равно получается, что о самом главном так и не знаешь еще. Многое из того, что написано, верно. Прямо с колес, порою даже не прикрывшись от дождя и снега, начинали работать эвакуированные заводы... Насмерть стояли советские солдаты и в Бресте, и под Смоленском...

И причины наших неудач тоже известны — незавершенное перевооружение армии, врасплох заставшая нас война... А с другой стороны — работающая на Германию промышленность всей Европы, накопленный немецкими солдатами и генералами боевой опыт.

Все это понятно. Но как понять, как объяснить, почему вышедшие на трамвайную остановку — и трамвай ведь шел прямо в центр города! — немцы застряли на этой остановке

на два года, да так и не сумели взять Ленинград? Конечно, защитники города проявили чудеса мужества и героизма, но разве у бойцов, оборонявших Брест, Киев или Смоленск, не было мужества? Разве мало геройских подвигов было совершено солдатами разгромленных немцами по пути к Ленинграду дивизий и корпусов?

А под Москвой? Прорвав все линии обороны, танковые колонны немцев вырываются на Волоколамское шоссе, и только горстка панфиловцев прикрывает столицу, но эта рота и останавливает немецкие полчища, всю ту фашистскую армаду, которую не могли остановить наши армии, погибшие на московских рубежах...

И уж совершенно непостижимо случившееся в Сталинграде. Легко пройдя тысячи километров, гитлеровцы не сумели пройти последних десятков метров до Волги. 27 сентября, на Воздвиженье Креста Господня, три бойца во главе с сержантом Яковом Федоровичем Павловым отбили четырехэтажный дом, и в течение трех суток, пока не прибило подкрепление, удерживали его, отбивая яростные атаки целой дивизии гитлеровцев.

Непостижимо... Можно, разумеется, рассуждать, дескать, на первом этапе войны «перемалывалась» немецкая военная мощь... Но в этом рассуждении стремления создать хоть какое-то подобие объяснения, пожалуй, больше, чем здравого смысла. Разумеется, немцы несли тяжелые потери. Но разве можно сравнить их с первоначальными потерями, которые несла советская армия?

Советскому Союзу, как объясняют некоторые историки, легче было восполнить свои потери... Ну а как же быть тогда с Ленинградским фронтом, где немецкие войска и снабжались нормально, и доукомплектовывались, а защитники города в это время гибли от голода, непрекращающихся бомбардировок и обстрелов?

А как быть с осенью сорок второго года, когда, потеряв гигантские промышленные районы, по своему потенциалу Советский Союз начал уступать Германии, ставшей еще могущественнее, чем в начале войны?

Увы... Ничегошеньки не объясняет эта теория «перемалывания» в столь непостижимо совершившемся переломе хода войны. Но, быть может, и не нужно искать объяснений там, где их нет...

Попробуем понять, кто и с кем сражался на войне, которая по праву названа Великой Отечественной? Германия и СССР? Фашизм и коммунистическая идеология? Эти аль-

---

тернативы не только не способны объяснить чудо, которое объективно содержится в нашей победе, но они не полностью отражают даже и саму реальность войны.

Попробуем же взглянуть на факты, не замуривая глаза от того Небесного света, которым наполнены они. Вспомним, что началась эта война 22 июня 1941 года, в Неделю Всех Святых, в земле Российской просиявших... А закончилась она 6 мая, на день памяти Георгия-Победоносца, потому что на следующий день 7 мая Германия подписала в Реймсе предварительный протокол безоговорочной капитуляции.

И выпало 6 мая 1945 года на Светлое Христово Воскресение...

Совершенно другая, осиянная Небесным светом война открывается перед нами, когда мы располагаем ее даты в соответствии с церковным календарем. И можно приводить тысячи объяснений, почему Гитлером было выбрано для начала войны 22 июня, но они не способны заслонить самый главный смысл — именно в день памяти Всех Святых в земле Российской просиявших нанес оккультный рейх свой главный удар. И целью этого удара был не только коммунистический режим, не только захват новых земель, но прежде всего сокрушение Православной Руси...

Конечно, далеко не все в Германии, и очень не многие в России именно так и воспринимали эту войну. Но это возражение ничего не опровергает. Точно так же, как и рассуждения о борьбе с православием, которую в самом СССР остервенело вела ленинская гвардия. Да, вела... Но так и не смогли интернационалисты-ленинцы победить укоренившееся в русском языке и национальном характере Православие. Чтобы победить его, мало было взрывать храмы и расстреливать священнослужителей. Для этого необходимо было уничтожить сам русский народ. И именно поэтому силы зла вместо не справившихся с задачей большевиков и избрали орудием борьбы с православной Россией оккультный Третий рейх.

К сожалению, мы мало пока знаем об этой войне... Существует предание, которое приводит в книге «Заступница Усердная» иеромонах Филадельф, о явлении митрополиту Гор Ливийских Илие самой Божией Матери. Богородица открыла тогда, что должно быть совершено в России. Она указывала, что необходимо возобновить по всей стране богослужения... Обнести вокруг Ленинграда чудотворную икону Казанской Божией Матери... Совершить молебен перед этой иконой в Москве... Икона должна побывать и в Сталинграде... Митрополит Гор Ливийских Илия немедленно связался

с представителями Русской Православной Церкви и Советского правительства и передал то, что было положено передать.

Это, возможно, предание... Но есть и факты. Так или иначе, но И. В. Сталин действительно прекратил гонения на православие, укоротив ретивых атеистов-коминтерновцев. Мы знаем, что повсюду начали открываться храмы, было восстановлено полноценное Патриаршее управление Русской Православной Церковью... И крестный ход совершили в Ленинграде, и в Москве отслужили большой молебен перед Казанской иконой Божией Матери, и — это не метафора, а объективная реальность! — произошла материализация Всех Святых, в земле Российской просиявших... Тогда танковые колонны и боевые самолеты приняли на себя имена русских святых, тогда ордена наших святых благоверного князя Александра Невского, праведного Федора Ушакова засияли на груди наших генералов и адмиралов...

И не поэтому ли происходило немыслимое. Не успевшие усесться в трамвай гитлеровцы, словно в оцепенении замерли перед окруженным со всех сторон городом... Внезапно ударившие морозы сковали изготовившиеся к последнему прыжку на Москву стальные армады... Уже немецкие солдаты видели волжскую волну, но не могли пройти последние метры, словно незримая стена вставала перед ними. И это было так же непостижимо, как и церковь иконы Казанской Божией Матери, что продолжала стоять среди обращенного в руины города.

Мало кто вспоминает, что именно на Казанскую икону Божией Матери и была завершена подготовка Г. К. Жуковым и А. М. Василевским плана контрнаступления под Сталинградом, в ходе которого, впервые с начала войны, удалось сосредоточить в районе наступления десять общевойсковых, одну танковую и четыре воздушные армии. Такую мощную силу невозможно было не заметить, но — это тоже впервые с начала Великой Отечественной войны! — немецкое командование не заметило ничего.

Сталинградский сержант Иван Дмитриевич Павлов, ставший после войны старцем Кириллом, духовником Троице-Сергиевой лавры, рассказывал, что многие бойцы приходили в те сталинградские дни ко Господу, что и сам он поднял тогда из сталинградских развалин Евангелие, и потом шел по войне «с Евангелием и ничего не боялся»... «Просто Господь был со мною рядом, — говорил он, — и я ничего не боялся»...

Вдумываясь в слова старца Кирилла, понимаешь, что и самое крупное танковое сражение под Прохоровкой, ставшее переломным в ходе Курской битвы и всей Великой Отечественной войны, не случайно попало на 12 июля 1943 года, на день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла. Как и сама Победа, выпавшая на 6 мая 1945 года, на Светлое Христово Воскресение, на день памяти Георгия-Победоносца.

Это и есть Божие чудо — дарованная нам на Пасху 1945 года Победа.

Один из главных творцов этой победы Святейший патриарх Московский и Всея Руси Сергей (Страгородский) не дожил до нее. 14 мая 1944 года, совершив литургию в Ризоположенском храме, он завершил свой земной Путь.

О патриархе Сергии (Страгородском) сказано не намного меньше злого и несправедливого, чем о другом патриархе, тоже рожденном на Нижегородской земле — Никоне. Но если патриарх Никон привел Русскую Православную Церковь к расколу, то патриарх Сергей сумел в страшные годы поднять ее из руин. Патриарх Сергей — это несомненное чудо, рожденное на нижегородской земле, чудо, подобное чуду Александра Невского, чуду Минина и Пожарского, чуду Серафима Саровского; чудо, обусловленное и предопределенное этими великими русскими чудесами, чудо, которое только и могло совершиться на Царском пути, проложенном по этой земле...

МУЖЕСТВО КАК СИМВОЛ ВРЕМЕНИ

Ежегодно в начале февраля на Новодевичьем кладбище в Москве проходит траурный митинг, посвященный печальной исторической дате — собравшиеся отдают дань памяти членам экипажа легендарного дирижабля «СССР В-6», погибшего в катастрофе 75 лет назад, 6 февраля 1938 года, выполняя правительственное задание по спасению экспедиции Папанина во льдах Северного Ледовитого океана. Дирижабль потерпел крушение под городом Кандалакша. 13 из 19 членов экипажа погибли.

В феврале 1938 года поэт и военный журналист Константин Симонов вылетает на место трагедии в Мурманск, изучает подробности случившегося, подолгу и обстоятельно беседует с оставшимися в живых членами экипажа. В том же 1938 году в июньском номере журнала «Молодая гвардия» выходит поэма молодого автора «Мурманские дневники» как дань подвигу мужественных воздухоплавателей.

Четверо смелых

Девять месяцев с июня 1937 г. четверо исследователей первой советской дрейфующей научной станции «Северный полюс» во главе

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

с Иваном Папаниным занимались исследованием Центральной Арктики. (Руководитель станции — Иван Дмитриевич Папанин, геофизик Евгений Константинович Федоров, радист Эрнест Теодорович Кренкель и гидролог Петр Петрович Шишов.). Ледяной массив, на котором находились папанинцы, вынесло в Гренландское море и раскололо штормом. Возникла серьезная угроза жизни людей, экспедицию необходимо было немедленно спасти.

2 февраля 1938 года начальник научной станции «Северный полюс» Иван Папанин отправляет радиограмму: «В районе станции продолжает разламываться обломки полей протяжением не более 70 метров. Трещины от 1 до 5 метров, разводья до 50. Льдины взаимно перемещаются. До горизонта лед девять баллов. В пределах видимости посадка самолета невозможна. Живем в шелковой палатке на льдине 50 на 30 метров. Вторую мачту антенны ставим на время связи на другую льдину».

На помощь терпящим бедствие полярникам вышли ледоколы, военные подводные лодки, но жесткие погодные условия не дают возможности пробиться сквозь многолетние льды. Катастрофически уходит драгоценное время. Полярная авиация также бессильна. Но выход найден — дирижабль. «Воздушный корабль» может оказать быструю помощь. Дирижаблю не нужна посадочная площадка, он может зависнуть над льдиной благодаря статической подъемной силе, которую придает содержащийся в оболочке дирижабля газ.

Нужно было торопиться — 3 февраля связь с папанинцами неожиданно оборвалась...

5 февраля 1938 года с аэродрома Дирижаблестроя в подмосковном Долгопрудном отшвартовывается и берет курс на Мурманск гордость отечественного воздухоплавания — дирижабль «СССР В-6». В случае удачного перелета дирижабль должен был продолжить путь на Северный полюс. Но главная цель — спасение членов дрейфующей станции...

Лучший из лучших

Дирижабль «СССР В-6» был гордостью советского воздухоплавания. Построенный в 1934 году, на тот момент он был самым большим отечественный дирижаблем в эскадре и имел лучшие технические характеристики: в гондоле могли разместиться 20 пассажиров. Да и в небе воздушный корабль был проверен не раз. Опытный и сплоченный экипаж в сентябре 1937 года совершил длительный перелет, проверяя надежность всех узлов и механизмов. Пять с половиной суток

корабль был в воздухе без посадки и вернулся на базу через 130 часов 27 мин. На тот момент это был мировой рекорд беспосадочного перелета для дирижаблей вообще, независимо от типа и класса. (Только спустя 27 лет американцы смогут превзойти этот результат.) Руководство «Аэрофлота» весной 1938 года планировало открыть постоянные пассажирско-грузовые дирижабельные трассы Москва—Новосибирск. Так что «СССР В-6» был надежно подготовлен к полету. Когда пришло сообщение, что льдина папанинцев раскололась и необходимы экстренные меры для спасения героической четверки, представители экипажа «СССР В-6» обратились к правительству Советского Союза с ходатайством о разрешении тренировочного полета Москва — Мурманск, чтобы в случае благоприятных результатов лететь к льдине Папанина. Разрешение было получено. Дирижабль в срочном порядке был переоборудован: добавлен пеленгатор, новая радиоаппаратура, установлена лебедка для подъема грузов с земли. Для выполнения задания был сформирован экипаж из 19 человек. Первым командиром корабля был назначен Н.С. Гудованцев, вторым — И.В. Паньков. 5 февраля 1938 года в три часа дня состоялся предполетный разбор маршрута, на котором присутствовал член ЦК ВКП(б) А.И. Микоян. Затем все члены экипажа направились в эллинг к дирижаблю и заняли свои рабочие места.

Катастрофа

О том, насколько важным и ответственным было задание, говорит тот факт, что провожать дирижабль 5 февраля на аэродром в Долгопрудный приехали члены правительства СССР Н.И. Ежов и А.И. Микоян (по некоторым сведениям, и сам Лаврентий Берия). По воспоминаниям очевидцев и сохранившимся кадрам кинохроники погода в тот день была ненастной, небо затянуло тучами, рано стемнело, а к моменту отлета началась сильная метель. Дирижабль с опытейшим экипажем на борту поднялся в воздух и, сделав прощальный круг над городом, взял курс на Петрозаводск.

Они были уверены в своих силах и успехе экспедиции. Из воспоминаний члена экипажа дирижабля «СССР В-6» бортмеханика Константина Новикова: *«Настроение команды было замечательное. Мы обдумывали возможность скорейшей заправки в Мурманске и проверяли маршруты полета к папанинцам».*

А условия полета были непростыми. За два часа до самого Петрозаводска дирижабль попал в зону сплошного тумана и шел «слепым полетом», металлические части корабля покры-

---

лись льдом. После Петрозаводска взяли курс на Мурманск. Потом ненадолго облачность поднялась, улучшилась видимость, но через два часа наступила темнота, пошел снег.

Летели по «картам-десятиверстам», составленным по данным начала века. На них не означалось ни одной высокой горы в районе Кандалакши. Шли довольно низко. Первыми забеспокоились железнодорожники — никто ранее этим маршрутом не летел, разложили костры вдоль стальной колеи, приглашая ориентироваться на них. Но было поздно...

Из района станции Жемчужная, в 59 километрах от Кандалакши, с борта воздушного корабля пришла последняя радиограмма о благополучном ходе полета. В 18 часов 56 минут радиостанция дирижабля замолчала, а через час — тревожные сообщения местных жителей: в районе станции «Белое» произошел взрыв. Дирижабль врезался в гору.

Четвертый помощник командира дирижабля «СССР В-6» В.И. Почекин позднее вспоминал: *«Вначале шли на высоте 300—350 м. Мне показалось, что мы летим слишком низко, и я об этом сказал командиру Н.Гудованицеву. Он отдал приказ второму командиру Ивану Панькову подняться выше. Поднялись до 450 метров и продолжили полет. Неожиданно я услышал резкий крик штурмана Мячкова: «Летим на гору!» Иван Паньков резко задрал кверху нос дирижабля, чтобы идти на подъем, и приказал мне повернуть направо. Через секунду я услышал шум: корабль задевал за деревья на горе. Затем раздался резкий треск, и корабль, налетев на гору, повалился на нее и загорелся».*

«СССР В-6» — крупнейший советский дирижабль, прототип знаменитой «Италии» Нобиле. Представим себе большой пятиэтажный панельный дом. Из эллинга такой «воздушный корабль» выводили 400 человек. Для того чтобы отшвартовать в воздух столь мощную конструкцию, нужно обладать серьезными профессиональными знаниями в области воздухоплавания. А теперь представим масштаб случившейся катастрофы, когда все это горит, взрываются баллоны с газом, с треском ломаются металлические конструкции... И в эпицентре этого кошмара — живые люди.

Взрывной волной часть экипажа отбросило от охваченного пламенем дирижабля. Остальные оказались в плену горячей оболочки искореженного взрывом корпуса корабля. Владимир Устинович, собрав оставшиеся силы, начал искать товарищей, непрерывно звал живых. Откликнулось всего пятеро: Почекин, Новиков, Бурмакин, Матюнин, Воробьев.

Серьезно пострадал Константин Новиков: у него сильно обгорели руки и лицо, на голове не осталось волос (потом в

больнице он узнает, что у него совершенно отбиты легкие). В момент катастрофы Новиков находился в кормовой гондоле, а первый удар пришелся именно на нее. Позднее Константин Павлович рассказывал: *«Свет погас. Чувствуя необходимость вырубить мотор, ощупью отыскал выключатель. Ищу, но не нахожу дверь. Голыми руками приподнимаю горящую материю, протискиваюсь до пояса, тяну застрявшую ногу. Наконец освободился. Волосы и одежда на мне горят, зарываюсь в снег. Встать не могу и решаю откатиться от горящего дирижабля. Слышу голос Устиновича: «Кто еще жив?»»*

Гора с загадочным именем «НЕБЛО»

Что значила для советского воздухоплавания эта потеря! Стоит сказать о том, что в этот полет были отобраны самые лучшие люди эскадры, самые знающие командиры, штурманы, бортмеханики. На них рассчитывали, в них были уверены — такие не подведут. Они спешили на помощь погибающим людям и выполняли ответственную правительственную задачу. На карте, датированной 1903 годом, по которой они летели к Мурманску, не было этой горы со странным названием «НЕБЛО». Её просто не было! Но в действительности она существовала. В густом сумраке члены экипажа дирижабля видели, что внизу под ними странная цепочка огней. Кто-то жег костры. Но зачем? По радию они запрашивали об этом, но ответа так и не получили. Они не знали, что эта горящая цепочка предупреждает об опасности и указывает им безопасное направление полета. Но почему не последовало сообщения по радию?.. На этот вопрос уже вряд ли кто-то ответит.

Жительница города Долгопрудный, пенсионерка Наталья Ивановна Палилова в 1938 году работала в лаборатории «Дирижаблестроя» и занималась испытанием материалов. Она очень хорошо помнит тот день, когда по радио объявили о гибели дирижабля: *«У нас в комнате было радио, так называемая «тарелка», которая не выключалась. Первое сообщение утром 7 февраля было о катастрофе нашего дирижабля «В-6». Это был день всеобщего смятения. Мы ведь жили и работали для того, чтобы они могли летать, это было целью нашей жизни, наша гордость. И вдруг катастрофа. Столько погибших. Мы не могли прийти в себя. Это была настоящая трагедия для жителей всего поселка».*

Для Ксении Кондрашовой катастрофа 6 февраля 1938 года стала датой личной трагедии. В числе тех, кто погиб под Мурманском, был и ее муж Николай.

2001 год. Я в гостях у Ксении Тихоновны Кондрашовой — почетного ветерана отечественного дирижаблестроения. Ксения Тихоновна показывает мне фотографии 30-х годов, уже прошлого века. На фотографиях — молодые люди — девушки и парни, те, с кем Ксения в молодые годы начинала работать на «Дирижаблестрое». Среди других снимков фотография мужа Николая. Столько лет прошло...

— Справиться с горем мне помогла работа, — вспоминает Ксения Тихоновна. — Я как-то внутренне осознала, что должна продолжать его дело, то, ради чего он жил и ради чего рисковал жизнью в том полете. После реорганизации «Дирижаблестроя» перешла работать в Центральную Аэрологическую Обсерваторию, занималась изготовлением оболочек летательных аппаратов. Работа и дети стали главной радостью и смыслом в жизни, даже уезжая в командировки, часто брала их с собой.

Их отношения начинались как обычный «служебный роман». Ксения тогда жила в Москве, но каждое утро спешила на Савеловский вокзал, чтобы успеть на поезд, который привозил ее на станцию Долгопрудная, где и находился «Дирижаблестрой». Ксения работала в балонном цехе — клеила и шила прочные оболочки для «воздушных мамонтов» — дирижаблей. О профессионализме Кондрашовой говорит тот факт, что, узнав, кто работал над изделием, пилоты без страха приступали к заводским испытаниям, уверенные в высоком качестве ее работы, да и сама Ксения не раз лично принимала участие в экспериментах, поднималась в воздух на аэростатах, проверяя качество своего изделия. Посчастливилось Ксении Тихоновне работать и с самим Умберто Нобиле — знаменитым итальянским конструктором дирижаблей, испытателем и полярным исследователем, который в середине тридцатых годов работал консультантом на «Дирижаблестрое».

Пилот Николай Кондрашов считался одним из опытнейших бортмехаников дирижабельной эскадры. Высокий рост, открытый спокойный взгляд, правильные черты лица, немногословный, уравновешенный по характеру — таким Ксения увидела и полюбила Николая, таким он остался в ее памяти на долгие годы.

Веселую комсомольскую свадьбу сыграли в 1936 году в новой комнате первого многоэтажного дома, тогда еще поселка Долгопрудный. Хороший был подарок молодоженам. Через год у них появилась на свет дочь Зоя.

В февраль 1938 года бортмеханик Николай Кондрашов перелет срочным вылетом на «В-6», который проходил в атмос-

---

фере строгой секретности, толком даже не успел попрощаться с женой и маленькой дочкой. Он хотел жить, ему было ради кого жить. Он очень надеялся вернуться...

6 февраля в день памяти Блаженной Ксении Петербургской, Ксению Тихоновну с именинами пришли поздравить подруги-соседки. А наутро по радио сообщили о трагедии под Мурманском. Среди 13 погибших членов экипажа прозвучало имя Николая.

Так что же стало причиной катастрофы? Несовершенные карты, трагическая случайность, стечение обстоятельств, человеческий фактор, а может, поспешные, непродуманные решения? А могли ли они быть продуманными в столь короткие сроки, когда на кону стояла человеческая жизнь?

Теперь, наверное, это не столь важно. Важно то, что были, есть и будут люди, готовые ценой собственной жизни делать невозможное ради жизни других. Эти люди в 1941 году защищали Москву, поднимали из разлухи послевоенную страну, покоряли космос. Георгий Новиков, сын члена экипажа выжившего в трагедии бортмеханика Константина Новикова, родился уже после 1938-го. Он почти не помнит отца-инвалида, который ушел из жизни, когда маленькому Юре было всего 6 лет. Сын вырос, стал инженером-испытателем и посвятил свою жизнь развитию отечественного воздухоплавания. Сегодня пенсионер, кавалер Ордена Мужества, участник ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС Георгий Константинович Новиков возглавляет городскую общественную организацию потомков дирижаблистов и твердо уверен, что «только у тех, кто чтит и помнит прошлое, есть и достойное будущее».

Из 19 членов экипажа дирижабля «СССР В-6» при исполнении правительственного задания 6 февраля 1938 года погибли: Николай Гудованцев, Иван Паньков, Сергей Демин, Владимир Лянгузов, Тарас Кулагин, Алексей Ритслянд, Георгий Мячков, Николай Коняшин, Константин Шмельков, Михаил Никитин, Николай Кондрашов, Василий Чернов, Давид Градус. Прах дирижаблистов покоится на кладбище Новодевичьего монастыря.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке материала историку и краеведу С.Н. Михальцову.

ДОРОГА К СИНИМ СКАЛАМ

Давным-давно вместе с отцом я пас овец в горах, у Синих скал. Словно замороженный, подолгу любовался живыми высокими соснами, взметнувшими к небу могучие кроны. Отец же часто задерживал взгляд на сухостое, на давно умерших соснах...

— Красавицы! — говорил он о них с чувством восхищения и жалости, будто о вдовах фронтовиков. — Сохнут, пропадают...

Я ценил тогда красоту, здоровье и мощь деревьев и не задумывался о пользе, которую они могли принести нам. Отец же, отдавая должное красоте, не забывал и о том, что сосны должны служить людям и после смерти: обратиться стропилами или полом в доме, либо, на худой конец, табуретками. Давняя его мечта употребить их в пользу однажды сбылась: в конторе ему выписали билет, и мы на законных правах отправились за сухостоем.

— Цоб-цобэ! — погоняет быков отец, бодро помахивая кнутом. — Скоро караулка, а ну, пошли, пошагали!

Радостное, ни с чем не сравнимое чувство дороги! Мне было хорошо от того, что

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

мы с отцом едем в леса и видим, как проясняется небо над горами и с какой величавой медлительностью тянутся по нему взброд облака, розово подсвеченные отблесками запылавшей зари. А леса торжественно, празднично приближаются к нам, и я уже различаю пестроту их щедрого осеннего наряда: то красновато-бурого, то прозрачно-жёлтого, то вызывающе зелёного, с морозно-синим блеском сосен.

За мостком, в окружении старых верб с глубоко потрескавшейся сероватой корой, проглянуло длинное здание под дранью, похожее на барак. Это караулка. На хитром месте воздвигали сторожевой пост: ни пройти, ни проехать мимо, все дороги и стёжки с гор сбегаются сюда. Волей-неволей приходится кланяться на посту, вежливо здороваться с лесничим Косоруким. Неподаляку от караулки перекинут через дорогу полосатый шлагбаум. Дорога тут вымощена булыжниками, чтоб слышен был грохот проезжающих бричек. Два кудлатых волкодава, ростом с годовалых телят, сидят у караулки, принюхиваясь к чужим запахам и злобно рыча.

Лесничий выходит с карабином на порог и, дёргая пустым рукавом, пристально смотрит на нас из-под форменной зелёной фуражки. Настоящая его фамилия почти утрачена. С войны он вернулся увечным, без одной руки, и с той поры его зовут Косоруким. Проверив документы, он велел своему сыну Фильке, рыжеватому хлопцу, моему ровеснику, открыть шлагбаум. Отец кинул волкодавам заранее приготовленных отваренных костей, покурил с Косоруким и отсыпал ему из кисета турецкого табака. С Косоруким полезно дружить, он строг, зорко стережёт лес и не даёт спуску самовольным порубщикам. Справедлив. На таких, как он, держится государство.

Отец душой тянулся к Косорукому, казалось, знавшему в горах каждую тропинку и деревце, каждую речушку и говорившему с окружающим миром на своём, только ему понятном языке. Косорукий и сам был частицей этого пёстрого, многоголосого мира, этой живой, неповторимой природы, печалился и радовался вместе с нею и следил за тем, чтобы погибшее и срубленное восполнять саженцами, засеивать облысевшие склоны здоровыми семенами.

Дальше мы едем по ущелью вдоль речки, вскипающей белыми бурунами. И вот начинается подъём к Синим скалам. Кончилась наша безмятежная езда. Теперь надо быть настороже. Дорога, петляя серпантинном, взбирается всё выше и выше, в глубину молчаливых гор. То ползёт по рыжим осыпям, то теряется надолго в лесу, взявшемся осенним багряно-золотистым пожаром. Постепенно накачивается вершинный шум, который становится всё слышнее. Лес распахивается,

---

и открывается цепь голых хребтов, местами поросших соснами. Их литые жёлтые стволы пылают на солнце, как гигантские свечи.

Позавтракав, мы берём пилу и топор и карабкаемся по турьим тропам и скалам. Днём они и вправду почти синие. Вцепившись в трещины каменных плит бугристыми корнями, сосны вонзают в небесную синь острые макушки с обломленными ветками.

Отец подбирается к ближней сосне, обхватывает её, проверяя толщину. Обухом топора бьёт по стволу, прикладывается к нему ухом. Дрожь пробегает с комля до самой вершины, дерево издаёт струнный звон, на плечи сыплется золотистая труха истлевающей коры... Лишь один робкий зелёный отросток показывает, что в этой сосне на последнем пределе ещё теплится жизнь.

— Звенит! — радуется отец. — Ну, голубушка, настоялась ты, хватит! — говорит он сосне. — Пришёл срок... Вон бабушка Федориха, ударница, какая была стойкая женщина, а пришла с поля и кончилась. Всё ждала сына с войны... Не обижайся. Поедешь с нами в станицу.

Мой отец иногда бывает не в меру чувствительным. Вот и сейчас почему-то расчувствовался, с деревом разговаривает. Кто бы услышал, покачал бы в недоумении головой.

К обеду на быках подтащили волоком и уложили потом на бричку брёвна, увязали их цепями, туго затянули деревянными укрутками. Внезапно поднялся ветер, небо потемнело. Скалы нахмурились, потянуло от них стужей. Мы запрягли быков и поехали, опасаясь быть застигнутыми ледяным дождём на вершине.

Дорога идёт под гору, воз подолгу катится сам, и отцу, который ведёт за собою быков, всё время приходится придерживать их. Иногда перед крутым спуском он останавливается, оборачивается ко мне и кричит сквозь ветер:

— Сынок, притормози!

Не сводя глаз с отца, я иду сзади брички, немедленно отзываюсь на его крик, и захватываю колесо петлёю цепи. Колесо слегка проворачивается, до звона натягивает сбегающую от укрутки цепь и вдруг запинаясь, замирает, с шипением и визгом скользит по камням. Из-под шины попрыкивает дымком с искрами — воз катится медленнее. В наиболее опасных местах я стопорю сразу два задних колеса.

В пути мы часто останавливаемся, давая передохнуть быкам, советуемся, как преодолеть новый спуск или подъём, и опять, напрягши волю и нервы, трогаемся дальше.

Дорога от Синих скал! Сколько на ней пота пролито, сколько судеб, колёс и бричек разлетелось тут в прах! Слышала

она и проклятия с горячим матом и не раз была свидетельницей смерти, крушения человеческих надежд, когда, нечаянно сбившись вбок, вдруг тяжело падали возы в клубящуюся мглу пропастей. В каком столетии её пробили сюда, кто первым поднялся до сосновых боров? Может быть, после крестьянской воли, более ста лет тому назад, как вслед за казаками тронулись на освоение Кавказского края, на вольные земли, тульские, орловские да курские мужики? Не они ли потом, кровью, трудом своим, с проклятиями и стоном, с извечной тоской по счастью торили сюда эту дорогу? Сквозь ущелья и лес, по сыпучим осыпям, по крутым взгорьям... Ничто не преградило их путь, ничто не остановило их. Знать, не было такой силы сломить их гордый характер, железную волю. Тогда, как грибы после дождя, возникали на Верхней Кубани, по берегам горных рек, среди селений горцев, станицы и хутора.

Я шагаю за бричкой по следам своих предков. Молчу. Думая. Обмениваюсь с отцом жестами и скупыми репликами. Нам не о чем много говорить, мы должны в оба следить за дорогой.

Без лишнего крика, без суеты, весь сосредоточившись на стремлении благополучно спуститься в низину, отец управляет быками.

— Цоб-цобэ!

Сурово обступает нас гудящий лес. Порывы ветра раскачивают деревья, гонят влажный туман в пропасти. Наконец ветер обессилевает, и наступает затишье. Вкрадчиво приближается шум дождя. Едва мы успеваем надеть плащи, как он уже припускается над нами, окутывая мгlistой завесой дорогу. Она становится скользкой и ещё более опасной.

Дождём горы обложило надолго. Может быть, на сутки, а то и всю неделю литься ему с хмурого неба. Ночью горы, леса и небо сливаются во что-то грозное, тёмное, бесконечное, внушающее сердцу невольный страх. Матерчатый плащ мой промок, фуражка тоже, и я, дрожа от холода, иду с одной мыслью: скорее бы выбраться на простор, в низину!

И какое счастье было приехать домой, быстро скинуть у забора мокрые брёвна и, переодевшись в сухое, лечь в постель! Не сон ли это? Неужели всё это было?

Недавно я посетил родные края. Отца и Косорукого на свете давно нет. Строевой лес в горах подчистую вырублен и вывезен на продажу за рубеж. Но караулка, как ни странно, ещё стоит отважно на земле. Одинокое ютится в ней поседевший Филя, сын Косорукого. Он обновил стены и ни за что не хочет уезжать отсюда. Хотя в горах стало беспокойно и ста-

---

ничники не ездят к Синим скалам. «Родина! — в своё оправдание говорит Филя. — Куды без неё? Нема жизни». При этом он нервно тербит рыжие волосы и улыбается, глядя на собеседника невинными, родниковой ясности глазами.

Лихие люди Филю не трогают. Наверное, уважают за верность. А может, и за смелость. Жена его, Лидия Петровна, теперь живёт в Краснодаре. Она боится подолгу отдыхать в караулке. Зато их внуки, Руслан и Мария, студенты университета, охотно приезжают и гостят на летних и зимних каникулах. Общительные ребята, у них много друзей, особенно среди здешних военных. А их сверстники и одноклассники почти все разъехались и не откликаются. Видно, забыли свою родину..

Вадим АРЕФЬЕВ

ПАМЯТНОЕ

КНИГА ЖИВЕТ ДОЛГО

В ту невероятно теперь уже далекую пору ходил я по школе с веселым пионерским галстуком. Какой же это был класс? Третий, четвертый, пятый? Да так ли это важно. Именно в тот день на урок истории или обществоведения пришел к нам самый обыкновенный, как тогда казалось, дедушка. Строгий костюм, небольшая бородка, галстук в горошек, виски седые. В общем, типичный интеллигент провинциального городка.

Пришел, понятно, не случайно. Целый час рассказывал он об истории нашего родного края, о его природе, названиях рек, гор, самого города, о промышленности и еще о многом другом. Дедушка тот входил в совет ветеранов, был актив-

---

ным сотрудником местного музея. Все как обычно. Не раз на занятия к нам приходили и другие подобного вида фронтовики, почетные гости — бабушки и дедушки.

Однако тот старичок-краевед принес с собой небольшую книжицу об истории нашего города. Отпечатана она была еще на серой бумаге в местной типографии небольшим тиражом, под скрепку. Тонкая такая брошюрка.

Именно за ней на перемене я и подошел к нашему гостю:

— Где можно ее почитать?

— А я вам подарю, — сказал дедок. — У меня есть еще один экземпляр. Пожалуйста, давайте я вам подпишу. Как вас зовут?

— Вадик, — представился я.

— А отчество? — спросил старичок.

— Зачем отчество? — удивился я.

— Ну, как зачем, — развел руками дедок. — Это сейчас вы Вадик, а пройдут годы, будут у вас дети, внуки... Книга-то живет долго.

ЧАСЫ ОТ ЖУКОВА

Все дороги в госпитале отчего-то приводили меня к одному и тому же месту — главным въездным воротам. Да, видно, не только меня одного...

Находишься по многочисленным заборным дорожкам, аллеям и тропам и как-то незаметно, сам собой придешь к самому выходу. Встанешь возле него и смотришь вдаль через решетчатый въезд — не придет ли кто. И знаешь ведь, что рано еще для визитов, что не время, что согласно распорядку и правилам посещение в этот час не предусмотрено, а все равно стоишь и поглядываешь: как, мол, там, на воле, здоровые люди поживают. Шибко интересно. Казалось бы, чего там: трамвай ли прозвенел, собака ли пробежала, бабулька ли с авоськой мимо проковыляла. Забавно жизнь идет на свободе.

Так изо дня в день, да и по несколько раз на дню выбирался я к этому наблюдательному пункту и все поглядывал, посматривал и мысленно путешествовал за больничными стенами. Вот уж, думал я, когда выберусь, то совсем по-другому буду ходить по земле. Не просто — абы как, куда попало, в спешке и суете, а с толком, с удовольствием, с радостью и наслаждением. И уж не будет рядом со мной столько утомленных долгими болезнями лиц и вообще, может быть, начну я жизнь заново.

«Хорошо бы поскорей отсюда выбраться, — думал я, — и навсегда забыть сюда дорогу».

Вот и в тот день стоял я, прислонившись к самой решетке ворот, и вдыхал заборный воздух. Рядом со мной стояли несколько пожилых мужчин с отрешенными лицами. Говорить ни с кем не хотелось. Да и о чем можно было бы заговорить? О своих болячках или о том, как хорошо там вдалеке.

Нет, решительно ничего внутри госпиталя интересного нет, размышлял я. Разве что вот этот одорукий старичок, весь лысый-прелысый с орденом Красного Знамени на больничной куртке.

«Без руки — это понятно, — подумал я, — а орден-то за чем?»

Старичок, уловив мой взгляд, тут же встрепенулся и довольно бодро направился ко мне.

— Вот вы-то мне и поможете, молодой человек, — важно произнес он.

— Чем же?

— А помогите-ка мне завести часы. Рука у меня после операции, осколок извлекли, через полвека. Хотели руку отнять, но я не дал. Что вы, говорю, одну-то фрицы на фронте отняли, а другую уж нет, не дам. Какой же я хозяин без руки? Да и как я часы-то буду носить? — Он протянул мне забинтованную руку. — Ремешок расстегните, пожалуйста.

Я снял часы и внимательно рассмотрел их. Часы назывались «Победа». Они были старые, затертые. Завести мне их не удалось. Точнее, не понадобилось. Они были заведены до предела.

— Очень хорошие часы, молодой человек, — продолжал старичок. — Наши часы, настоящие. Мне их сам Жуков на Белорусском фронте вручал. И идут хорошо. Точно. Вы на обороте посмотрели?

Я перевернул часы.

— Вот видите. Читайте.

Я прочел вслух:

— «Ивану Семеновичу Сурину от Жукова».

— Да, да. Это мне. Сурин — это я. Взводом командовал. До Берлина дошел. Руку потерял, а часы сберег. Правда, хорошие часы?

— Правда, — согласился я.

— Да, да. Очень хорошие, победные. Тогда все хорошо делали: и часы, и танки...

Не раз потом возле ворот я встречал Ивана Семеновича Сурина, но ко мне он больше не подходил. Правда, улыбался при встрече. Он обращался к другим с той же просьбой. И все охотно «заводили» ему часы «Победа» и согласно кивали: дескать, часы очень хорошие и что тогда — все хорошо делали...

Когда в наш полк приезжал с проверкой из политотдела подполковник Галин, то мы особо не беспокоились: знали — все обойдется, ну пожурит малость, на недостатки укажет, слегка кой-кого вздрючит — в общем, страху нет, потихоньку проедем. А уж ежели совсем честно, то приезду Галина были даже рады. Потому что, как ни странно, для проверяющего очень он был светлым человеком. И внешность у него была светлая: лицо круглое, точно солнце, щеки, как у ребенка, с ямочками, волосы русые. К тому же улыбчивый, добродушный. Днем, конечно, строгости на себя поднапустит, бумаги там проверяет разные, планы и протоколы перелистывает, инструкции и положения разъясняет, а вечером — полный точняк, совершенно другой человек.

Соберемся мы, бывало, где-нибудь: то в офицерской столовой, то в бильярдной или, случалось, в бассейне. Стол, естественно, как положено накроем, и тут-то начиналось у нас с Галиным самое настоящее, теплое общение.

— Вот это я понимаю, — потирая руки, весело приговаривал Валентин Игнатьевич (так звали Галина). — Приготовились хорошо. Вижу, цену, — говорил он, — сразу чувствуется, солидный подход к делу.

— Стараемся, Игнатьич, стараемся, — вступал в разговор замполит. — Ты же знаешь, твой приезд для нас, Богом забытых, и школа, и праздник.

— Ну, ты наговоришь, Толя, — улыбался Валентин Игнатьевич. — Я-то приехал холку вам поднадрать, а ты — праздник. Ха-ха-ха! Хе-хе-хе! Ладно, ладно, соловьев сказками не поят. Наливай, чего там у тебя? Давай, Толя, поехали!

И мы ехали, мы неслись, мы мчались. И чем дальше длился вечер, тем быстрее летела дорога. Валентин Игнатьевич для каждого из нас находил приятное слово, ласковый взгляд, выразительный жест.

— Жизнь прекрасна, друзья! — восклицал обычно после второго или третьего тоста Валентин Игнатьевич. — Жизнь, вот что такое настоящее счастье. Да, да, да, друзья мои. Одна у нас беда — торопимся мы. Все бежим, все суетимся. А жить-то надо широко, красиво, не спеша. Чтобы и тебе радость, и ближнему твоему. Ну, неужели не так? А, Толя? — обращался он к замполиту.

— О чем речь, Игнатьич, — кивал и поддакивал ему замполит.

— Так-то, брат, так. Я-то ведь знаю, что все мы это умом понимаем. Но ведь не ценим же. Или забываем, а?

— Не ценим, Игнатъич! Не ценим!

— А надо ценить! Вот ешь ты сало сейчас. Хорошее сало. Откуда, кстати? — спрашивал Валентин Игнатъевич, оглядывая всех разом и выплевывая шкурку.

— Из Сибири.

— Вот, хорошо. А успеваешь ли ты им насладиться? Успеваешь ли вкус понять? Не всегда. А ты вот возьми рюмочку, выпей, да со вкусом огурчиком захрумкай ее, потом сальцом, потом икорочкой, потом мяском. И все это — радость жизни.

Щеки у Валентина Игнатъевича наливались краской. Он выпивал еще и еще стопку и входил в раж. Мы уже знали, о чем он будет говорить дальше. Но никто его не перебивал. В конечном-то счете все это, особенно для нас, молодых офицеров, было забавой, развлечением.

— Не так живем, друзья мои! — распевно, с широким разбросом рук восклицал Валентин Игнатъевич. — Не так! И ведь если не кривить душой, если по-честному, то что такое наша жизнь? А, Толя, а?

— Жизнь штука сложная, — кивал изрядно поднаклокавшийся замполит. — Наше дело служить, ни о чем не тужить.

— Ерунда! — резко перебивал Валентин Игнатъевич. — Есть нам о чем тужить, есть. Мы ведь живем от должности к должности, Толя! От звезды к звезде! Друзья мои! Ну, ведь так, а? Признаемся же, черт возьми, что лейтенант стремится стать старлеем и думает, что так ему будет хорошо, старлей — капитаном, капитан — майорскую звезду нацепить и погоны с двумя просветами. Мы вот с тобой, Толя, в полковники метим. А? Ну, разве не так? Поскорей бы нахлобучить нам барана на голову. А там уж и в запас можно собираться. И всё. Друзья мои! Вы понимаете, что — все! Это финиш! Мы ведь жизни-то не видим. У нас все время гонка — от звезды к звезде. Нет, я не против этого мерзкого слова «карьера». Но что толку, если за этими звездами мы не видим неба, солнца, моря... Проскачешь вот так по жизни, а там бабах — инфаркт у тебя или инсульт, и вот уж несут на красных подушечках твои бронзовые медали за безупречную и безуспешную. И всё. Разве что синий памятник с красной звездой. Так-то...

После этого Валентин Игнатъевич строго оглядывал всех присутствовавших и замолкал. Но пауза длилась недолго.

— Верно говоришь, Игнатъич, — наливая очередную стопку, произносил замполит. — Жить надо красиво и ярко. Так, чтобы звезды всем нам светили и на плечах, и на небе. А поэтому давай-ка, слышь, выпьем за это и споем.

Все мы дружно выпивали и к разговорам о жизни уж более не переходили. Валентин Игнатъевич любил романсы и мог

под гитару петь их едва ли не ночь напролет. Однако всякий раз, исполняя песню «Эх, дороги, пыль да туман...», отчего-то ронял скучную слезу и произносил:

— Всё, друзья мои, пора и честь знать.

Утром подполковник Галин торопился на паром, чтобы успеть добраться в штаб дивизии и оперативно доложить об итогах проверки. Всё, как правило, было в норме, что нас вполне и устраивало.

С тех пор прошло много лет. И уж давно нет на земле подполковника Галина. Жизнь свою он закончил трагически. Что-то вдруг случилось у него с головой. Мнительный он какой-то стал, беспокойный. Поговаривали, что у него очень серьезная болезнь — чуть ли не опухоль мозга. До операции дело не дошло.

Подполковник Галин повесился. Хоронили его тихо, без шума, не привлекая внимания. Но опять же слухи пошли, что повесился он зря. Вроде бы как при вскрытии черепа никакой такой опухоли обнаружено не было.

А недавно я просматривал свои старые любительские киноплёнки. И среди них нашел одну, запечатлевшую подполковника Галина. Мы вместе добирались на пароме в штаб дивизии. Была зима, и яркое утреннее солнце ослепительно сияло. Я снимал тогда солнце, которое периодически пряталось за сопки и вновь выныривало из-за них. Снимал мощный кильватерный след за паромом. Снимал лица пассажиров, покуривавших на палубе у фальшбортов. Но вот мой объектив крупно берет улыбающееся лицо подполковника Галина. Солнце играет у него в глазах. Он что-то говорит мне (жаль, звука нет). Но я помню и так:

— Жизнь прекрасна, друг мой, — говорит он. — Она здесь и сейчас.